

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт иностранных языков и литературы
НОЦ «Инновационное проектирование в мультилингвальном
образовательном пространстве»

Л. М. Малых

**Сравнение языков в синхронии:
теоретические и прикладные аспекты**

Ижевск – 2013

УДК 81-2
ББК 81.04
М205

Малых Л. М.

М205 Сравнение языков в синхронии: теоретические и прикладные аспекты: монография / под ред. Т. И. Зелениной. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 201 с.

В монографии рассматриваются методологические вопросы сравнения современных языков. Метод сравнения анализируется с позиции динамики его развития. Прослеживается становление метода сравнения в разных направлениях сравнительного языкознания. Описываются типы сходств и различий между языками, исследуется их роль в проявлении диалектики единства и разнообразия языков мира. Изучаются возможности структурно-семантического моделирования лексики сравниваемых языков в реализации прикладных задач сравнительного языкознания.

© Л. М. Малых, 2013
© ИИЯЛ УдГУ, 2013

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. МЕТОД СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	7
1.1. ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДА СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ	7
1.2. НАПРАВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	19
1.3. АНТИНОМИЯ ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ	34
1.3.1. О типологии сходств	36
1.3.2. О типологии различий	50
1.4. МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ	70
1.4.1. Сходства и различия как динамическое целое	70
1.4.2. От контрастивного анализа – к контрастивному синтезу.....	77
РАЗДЕЛ II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ....	97
2.1. МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПРИЕМ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО СРАВНЕНИЯ ЛЕКСИКИ	97
2.1.1. О типологии межъязыковых лексических соответствий..	98
2.1.2. Критерии сравнения лексики современных языков.....	104
2.1.3. Моделирование межъязыковых лексических соответствий	128
2.2. ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ	140
2.2.1. Формирование смешанного типа многоязычия у обучающихся	141
2.2.2. Совершенствование когнитивных структур языковой личности начинающего переводчика	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	186

Введение

Науковедение всегда интересовалось широким кругом вопросов, связанных с осмыслением природы многообразия и уникальности, с одной стороны, и обнаружения универсальных законов в рамках этого многообразия – с другой. В решении этих вопросов важная роль отводится сравнению как методу научного познания, которым активно пользуются ученые на протяжении всей истории существования науки. В современном социально-гуманитарном знании возникли целые направления, основанные на методе сравнения: «сравнительная психология», «сравнительная зоопсихология», «сравнительная философия», «сравнительная политология» и т. д. Однако роль сравнения в научном мышлении такова, что, по мнению ряда ученых, любое исследование в той или иной степени опирается на данную категорию. Это касается и языкознания. За длительную историю существования науки о языке сформировалось несколько научных направлений, основанных на открытом сравнении одного языка с другим. Первым наиболее важным из них является сравнительно-историческое языкознание, из которого выросло все современное языкознание. Роль метода сравнения такова, что, независимо от степени открытости его использования, без сравнения не обходится ни одно лингвистическое исследование, так как, по мнению Вяч. Вс. Иванова, в любом научном анализе содержится сравнение данного языка с некоторым общелингвистическим эталоном, играющим роль метаязыка описания процесса и результатов исследования [Языкознание 1998: 620], что является важной составляющей методологии сравнения языков.

Сравнение – особая категория человеческого бытия. Ученые высказывают мысль о том, что есть общечеловеческая система интерпретационных категорий, обусловленная единой спецификой организации мышления, через призму которых может быть отражен мир [Вторая 2006: 344]. Сравнение, на наш взгляд, является одной из таких интерпретационных категорий и, вероятнее всего, носит универсальный характер, так как оно

свойственно любым видам познания, как научного, так и обыденного. Современная когнитивная парадигма ставит вопрос о роли сравнения не только в мышлении, но и шире – в языковом сознании. Факт, что сравнение имеет большое значение для осмысления мира обычным человеком, а не только ученым, проявляется в богатой системе средств выражения сравнения в языках мира, пронизывающей процесс естественного общения [Morton 2008].

Меняются научные парадигмы, а вместе с ними и представления о методах исследования. Чтобы понять, как эти изменения касаются метода сравнения, стоит отметить, что для современной науки характерно несколько особенностей. Во-первых, расширение внутринаучной рефлексии, т. е. усиление внимания к собственным гносеологическим и методологическим проблемам, углубленная разработка и совершенствование методов и приемов научного познания и формирование новых. Во-вторых, синтез, целостное единство разнообразных методологических подходов. И, в-третьих, возрастание потребности в практической отдаче со стороны наук для внедрения их рекомендаций в различные сферы общества – экономику, политику, сферу культуры, образования и т. д. [Философия 2006: 323].

Следует отметить, что в языкознании условия для внутринаучной рефлексии относительно метода сравнения созрели в связи с более чем столетней историей его развития. Ретроспекция на данный метод с позиций синтеза и целостности методологических подходов позволяет взглянуть на разные направления сравнительного языкознания с единых оснований, ощутить внутреннюю логику развития этого метода, очертить перспективы его дальнейшего развития. Не менее ценными являются и прикладные аспекты использования метода сравнения в обучении иностранным языкам и в переводоведении, что активно обсуждается педагогами и переводчиками-практиками.

С когнитивной парадигмой связывают новый этап развития метода сравнения, в том числе и в языкознании. Данный метод все в меньшей степени используется при изучении гло-

бальных грамматических систем, дающих представление об устройстве языка в целом, и все в большей степени ориентируется на потребности сравнительного изучения лексической системы языков с опорой на типы знаний, которые заложены в лексической семантике и используются носителями языка в речевой коммуникации. Это существенным образом влияет на методологию сравнительных исследований, что также, в свою очередь, требует анализа и обобщения.

В первой части настоящей работы предпринимается попытка осмысления теоретических оснований метода сравнения, прослеживается преемственность в использовании данного метода в разных направлениях сравнительного языкознания, анализируется динамика развития этого метода, описываются типы сходств и различий между языками, исследуется их роль в проявлении антиномии единства и многообразия языков мира. Во второй части рассматривается структурно-семантическое моделирование лексики современных языков как частный прием контрастивного анализа, изучаются возможности использования данного приема в сравнении близкородственных и неродственных языков на современном этапе их развития.

Автор выражает сердечную благодарность А. И. Варшавской, профессору Санкт-Петербургского госуниверситета, и моим коллегам Института иностранных языков и литературы Удмуртского госуниверситета: профессору Т. И. Зелениной, профессору Т. С. Медведевой, доценту Д. И. Кнежевич за ценные комментарии, дружескую критику и поддержку в написании работы.

Раздел I. МЕТОД СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

1.1. Логико-философские основания метода сравнения языков

Статус сравнения не определен точно: в научной литературе сравнение называется логическим приемом познания, логическим сравнением, логической (познавательной) концептуальной или когнитивной структурой, а также категорией. Данные термины не противоречат, а дополняют друг друга при изучении такого разнопланового явления, как сравнение. Сравнение в логике и философии рассматривается, главным образом, как один из основных логических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей [Кондаков 1975: 567] или как базисная логическая операция рассудка [Современный 2004: 333]. Приведенные определения сравнения отделяют годы, но из них очевидно, что сравнение – важнейшая мыслительная операция, которой пользуется человек в процессе познания действительности и самого себя.

Сравнение – далеко не единственная мыслительная операция, которой пользуется человек в процессе познания. Однако величайшие философы (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, И. Кант) отдавали пальму первенства среди всех мыслительных операций именно способности человека к сравнению. В научной литературе отмечается, что тенденция к абсолютизации сравнения в теории познания началась с Н. Кузанского, и это нашло наиболее полное выражение в философии нового времени. Понять, чем это вызвано, можно лишь в результате более тщательного изучения роли данной категории в познавательной деятельности.

В самом общем виде сравнение определяется как мыслительная операция, позволяющая установить сходство или различие предметов и явлений [Рогов 1998: 109]. Следует отметить,

что знания о различиях и сходствах предметов (в широком смысле) выполняют разные функции в познавательном процессе. Познавание любого предмета и явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами [Кондаков 1974: 567]. Следовательно, различия, т. е. те свойства предмета, которые и делают его уникальным, обособленным от других, особенно важны на начальных этапах знакомства с предметом: на этапах ощущения, восприятия и представления. «Я думаю о льве и ясно сознаю его отличие от лошади, или о комнате в гостинице, в которой жил последний раз, и я ясно вижу отличие ее от моего кабинета» – так анализирует и описывает свои представления психолог Г. Эббингауз [Основные 1998: 71].

Следует, однако, заметить, что уже на этапе восприятия начинается процесс обобщения сходных черт предметов, их категоризация. Способность к категоризации выступает важнейшим инструментом, посредством которого человек систематизирует свое окружение, на основе чего он и ориентируется в нем. Мы вообще не могли бы настроиться на множество различных вещей, окружающих нас, без сведения их к эквивалентным классам, – пишет известный специалист в области исследования мышления Д. Дёрнер. Представим, что мы каждую встречающуюся нам вещь изучаем: не стул ли это, ведь он выглядит очень похоже на те экземпляры стульев, с которыми мы уже встречались. Думается, таким образом мы бы недалеко продвинулись. Нам необходимо абстрактное понятие «стул», настолько общее, что оно позволяет без особых раздумий обращаться с объектом, который мы ранее не видели, как со стулом [Дёрнер 1997: 110].

Таким образом, если установление различий способствует идентификации данного, конкретного предмета, то способность человека к выявлению сходств между предметами является важным показателем перехода к обобщающей, абстрагирующей деятельности мышления. Ученые утверждают, что роль данной способности в процессе познания возрастает, так как с нею связаны углубление знаний человека о мире, их систематизация и все

большее обобщение. Следует, в связи с этим, отметить, что базовым понятием в философии и логике для обозначения общих признаков предметов является не «сходство», а «тождество»: тождество и различие (а не сходство и различие) признаются «двумя важнейшими категориями диалектики, в своей взаимосвязи отражающими единство многообразия в мире» [Современный 2004: 725]. Естественно возникает вопрос, являются ли тождество и сходство синонимичными понятиями.

Первоначальный и важнейший философский смысл тождества заключен в равенстве предмета, явления с самим собой, сохранении на всем протяжении своего существования одних и тех же устойчивых черт – «самотождество» [Кондаков 1974: 600], благодаря чему он и воспринимается как данный, конкретный предмет. Каждый предмет, который отражается нашим сознанием, обладает количественной и качественной определенностью. Он входит в какую-то группу сходных предметов, в семейство, вид, род. Но, вместе с тем, он имеет определенные черты, присущие только ему. Качественная определенность вещи и есть тождество вещи самой себе. Мера же сходства предмета с теми, которые входят наряду с ним в один класс, вид, одну категорию и т. д., свидетельствует о его количественной определенности [Бартон 1978: 31]. Из этого следует вывод, что тождество и сходство не являются полными синонимами. Под сходством подразумевается «количественная определенность вещи», т. е. обязательное присутствие и элемента несходства с другими, пусть и очень похожими вещами, в отличие от тождества, предполагающего качественную определенность вещи, ее самотождество. Именно поэтому сходство, а не тождество является базовым понятием лингвистических исследований, которые целенаправленно выявляют меру сходств и различий сравниваемых языковых единиц.

Вопрос о сходствах и различиях предметов с неизбежностью вводит в исследование более широкую категорию – категорию отношения, одну из главных философских категорий, выделенных еще Аристотелем. Сходство, тождество, различие, сравнение и т. д. являются способами проявления категории отноше-

ния и соотносятся друг с другом как род (категория отношения) и вид (тождество, сходство, различие и т. д.). Важно подчеркнуть, что тождество и сходство в отмеченном выше смысле характеризуют разные виды отношений. Отношение вещи к самой себе (отношение тождества) – это, по сути, «проблема идеального, т. е. содержательного сходства образа предмета в сознании человека и сопряженного с ним реального предмета» [Современный 2004: 246], а сходство – иной вид отношений: отношение вещи к другим вещам.

Отмеченные виды отношений: тождества, сходства и различий, – позволяют уточнить процесс категоризации окружающего человека мира через призму языка. Категоризация – это не только помещение предметов в определенные эквивалентные классы, т. е. процедура отождествления с себе подобными, но и установление взаимоотношений между классами. В процессе категоризации, благодаря разной степени сходств (и различий) между существующими предметами, создается сеть вертикальных и горизонтальных отношений между ними (понятиями о них) в сознании осмысляющего бытие человека.

Способность человека улавливать вертикальные и горизонтальные отношения между всеми известными ему явлениями мира основана на его умении сравнивать. Благодаря этому категоризация – это не застывшее и статичное представление человека о мире. Она уточняется, углубляется, изменяется по мере роста научных знаний об окружающем мире, а также по мере взросления самого человека. Отмеченная особенность процесса категоризации является важнейшим условием для перехода обыденного познания в научное познание. Понятие – т. е. то, что мы на данный момент знаем о предмете, тогда становится научным, когда, пользуясь метафорой Л. С. Выготского, известна его широта и долгота. Оно рассматривается в системе всех своих взаимосвязей, в отличие от «житейского» понятия, которое не обладает этой системой отношений, т. е. бессистемно [Выготский 1934: 241].

Таким образом, способность сравнивать является важнейшей характеристикой мышления человека и используется им в процессе решения как своих житейских и профессиональных задач, т.е. в процессе обыденно-практического познания, так и в научной деятельности. Но в понимании того, как мы сравниваем и для чего мы это делаем, есть немало нерешенных вопросов. Вывод о важной роли сравнения в бытовом мышлении ставит вопрос о влиянии операции сравнения на процесс и результат научного познания и, в целом, на методологию научного исследования. Рассмотрение данного вопроса позволяет выявить столкновение двух философских течений, противостоящих друг другу, как это нередко бывает, со времен зарождения философской мысли по сей день.

Следует начать с того, что основные философские проблемы познания вновь возвращают нас к процедуре сравнения, что лишний раз убеждает в фундаментальной роли данной категории в познании и, следовательно, в человеческой жизни как таковой. Задача познания – выявление общего, существенного, – настаивают последовательные сторонники диалектического материализма [Кондаков 1974: 451]. В связи с этим важнейшей миссией научного исследования рассматривается необходимость «поднять опыт до всеобщего», найти законы данной предметной области, определенной сферы реальной действительности, выразить их в соответствующих понятиях, абстракциях, теориях, идеях, принципах [Философия 2006: 127]. На решение этих глобальных задач направлены такие традиционные и широко известные направления языкознания, как сравнительно-историческое и типологическое, основанные, главным образом, на систематизации сходств между сравниваемыми языками. Соответственно, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, сравнительно-сопоставительный методы и даже теория перевода это все разновидности одного подхода к анализу языка – системоцентрического (или типологического, или генерализирующего и т.д. в разной терминологии). Взгляд на изучаемый предмет как часть системы обуславливает

определенную логическую последовательность исследовательских приемов, прямо или косвенно связанных с процедурой сравнения: распознавание, идентификация, обобщение, определение причинно-функциональных зависимостей, выявление генезиса и структуры изучаемого явления [Вторая 2006: 484].

В последние десятилетия широкое распространение получили взгляды на научное познание, заложенные баденской школой неокантианства. Согласно представлениям данной школы, с учетом выделения разных форм познания, например естественнонаучного и гуманитарного, в научном познании также следует выделять две области: познание, направленное на изучение природы, окружающей человека (естественнонаучное познание), и познание, направленное на изучение человека (социально-гуманитарное познание). Анализируя специфику социально-гуманитарного познания, Г. Риккерт (один из лидеров баденской школы неокантианства, 1863–1936) отмечал, что его предметом является культура (а не природа), т. е. совокупность фактически общепризнанных ценностей в их содержании и систематической связи. К непосредственным объектам его изучения относятся индивидуализированные явления культуры; его конечный результат – не открытие законов, а описание индивидуального события на основе письменных источников, текстов, материальных остатков прошлого.

Соответственно двум видам наук Г. Риккерт выделил и два основных метода познания: генерализирующий и индивидуализирующий (идеографический). В явлениях и процессах культуры исследовательский интерес направлен на особенное и индивидуальное. Генерализирующий метод в науках о культуре не отменяется, отмечает ученый, но имеет подчиненное значение, так как объекты социального знания неповторимы, уникальны. Поэтому сходства имеют ограниченный, случайный характер. Различия же определяют суть культуры [Культурология 1997: 167].

Философские основания использования идеографического метода в языкознании построены на преимущественном инте-

ресе к семантической стороне языка, стремлении изучать язык в тесной связи с культурой данного народа. Важным вкладом в развитие теории познания из наследия неокантианства считается введение его представителями категории ценности в процесс познания. Исследователь-гуманитарий не просто описывает факт, но относит его к ценности. До сих пор цитируется изречение Г. Риккерта, в котором он четко соотносит ценности, особенное и культуру: благодаря отнесению единичных фактов к ценности мы можем сконцентрировать свое внимание на той стороне исторического процесса, которая называется культурой [Андреева 2000: 16].

Краткий обзор двух основных научных методов – генерализирующего и индивидуализирующего еще в большей мере высвечивает роль процедуры сравнения в познании. При всех существенных противоречиях между философскими направлениями, поддерживающими эти два метода, следует признать, что оба направления связывают способность человека формировать свое представление о действительном мире с процедурой сравнения, хотя и акцентируют внимание на разных составляющих данной процедуры – сходствах, с одной стороны, и различиях – с другой.

Введение категории ценности в процесс познания позволяет увидеть новые грани и возможности процедуры сравнения. Ценность как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира напрямую связана с оценкой, т. е. личным отношением человека к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, тем же ценностям и т. д. Оценка как мнение, суждение о чем-либо является способом шкалирования ценностей для конкретного человека, средством осуществления личного выбора ценностей. Связь сравнения с ценностью через процедуру оценки ощутима уже при формулировке названий книг, учебных заданий и даже рекламных лозунгов, типа *«сравни и оцени...»*. Например, *«сравнение и оценка тендерных предложений»*, *«сравни и оцени фотографии»*, *«сравнение и оценка эффективности светодиодных ламп»* и т. д.

[заголовки реклам из Интернета]. Есть и исследования, вскрывающие внутреннюю системную связь между оценкой и сравнением, сравнением и ценностью [Вторая 2006: 393, 419]. Из них очевидно, что отношение сравнения и есть, по сути, оценочное отношение, так как оно всегда устанавливается субъектом (человеком), воспринимающим тот или иной предмет, и не может быть несубъективным, нейтральным. Оценка, с другой стороны, выступает результатом мыслительной деятельности человека, завершающим процедуру сравнения конкретным выводом. К описанным выше двум традиционным составляющим сравнения, основанным на отношениях сходства и различия, со всей очевидностью добавляется еще одна, основанная на оценке, — отношение субъекта как к предметному миру, так и к себе, и другому человеку, устанавливаемое им в процессе познания. В этом свете процедура сравнения предстает как двухфазовая, состоящая из процесса (установление сходств и различий сравниваемых предметов) и результата (вывод-оценка найденных закономерностей для себя лично).

Сравнивая оба глобальных подхода к процессу и результатам научного познания, ученые подчеркивают опасность утробования обеих философских позиций, на которых они основаны. Исходя из тезиса о единстве человеческого разума, логического разума, логическое направление в языкознании поступается различиями языков и объявляет их малосущественными. Психологическое направление в языкознании, в свою очередь, придавая большее значение многообразию языков, жертвует элементами единства в их содержании и произвольно конструирует для каждого языка свой тип особого, «нелогического» содержания [Кацнельсон 2001: 24].

Во многом благодаря увлечению идеографическим методом, интерес к которому вполне объясним, в отечественном языкознании растет поток работ, целью которых является установление различий между языками, культурами и типами ментальностей, что с тревогой отмечают лингвисты как проблему абсолютизации различий в языках и культурах [Нифанова 2004: 73].

Богатый опыт, накопленный языкознанием за длительную историю формирования генерирующего метода, не используется в должной мере. Нет особого интереса и к грамматической стороне речи (к грамматической семантике, в отличие от лексической семантики) в связи с тем, что именно в этом аспекте язык проявляет много универсальных черт.

Идеографический метод, целью которого является изучение культуры с помощью разнообразных гуманитарных наук, в том числе и языкознания, имеет достаточно оппонентов, которые обращают внимание на ряд существенных его недостатков, например, отрыв анализа от синтеза [Языкознание 1998: 330]. Как известно, анализ изучаемых предметов – это процесс расчленения, выделения в них черт сходств и различий, а синтез – операция обобщения по сходным признакам и чертам [Общая 1976: 326]. Учитывая это, можно констатировать, что современные сравнительные исследования акцентируют основное внимание именно на начальном этапе исследования, т. е. на этапе распознавания и идентификации изучаемого явления, что и соответствует уровню его анализа. Синтез, целью которого является структурирование выявленных на этапе анализа особенностей изучаемого предмета, с учетом полученных новых знаний об элементах, его составляющих, зачастую отсутствует.

Причины методологических затруднений, которые испытывают современные сравнительные исследования, кроются в более глубоких философско-познавательных проблемах. Философы размышляют о том, что вопрос о логике индивидуального, т. е. о логике, не подводящей предмет под общие определения, а выявляющий его специфику, остается открытым. Существует также серьезная методологическая проблема связи или «совмещения» идеографического и обобщенного представлений одного и того же предмета, скажем, представления о человеке как элементе связей и уникального субъекта [Современный 2004: 265].

Вывод ученых сводится к тому, что разделение на два метода – генерализирующий и индивидуализирующий – недостаточно для изучения сложных, высокодифференцированных

и гетерогенных по своему составу современных обществ. Идеог-
графический метод в том виде, в котором он предложен
Г. Риккертом, годится только для описания «примитивных» или
традиционных культур – таков диагноз М. Вебера, современника
Г. Риккерта. Научное познание, основанное на преобладающем
интересе к различиям, особенному, определяет лишь самую
общую вероятность и границы нашего проникновения в чужой
внутренний мир.

М. Вебер подчеркивает одну важную черту научного
познания, которая существенно отличает его от обыденно-
практического познания: внимание исследователя должно быть
сосредоточено не на актуальных процессах понимания, а на про-
цедурах объясняющей интерпретации, позволяющей установить
те или иные зависимости между различными компонентами
структуры взаимодействия (причинные, функциональные и т. д.).
Он делает вывод о том, что при разделении методологии по-
знания на два метода, о которых речь шла выше, происходит
смещение двух обстоятельств: психологического процесса пере-
живания и логического процесса понимания, знания о нем
[Культурология 1997: 347].

Смещение двух обстоятельств – понимания и интерпрета-
ции анализируемых фактов вполне закономерно. Следует учесть,
что и предметом, т. е. тем, что изучается – культурные ценности,
язык и т. д., и ведущим методом исследования культурных
ценностей, т. е. тем, как изучается предмет, в сравнительных
исследованиях является категория сравнения. Отсутствие ясно-
сти на данный момент в понимании цели сравнения языков как
носителей определенной культуры (лингвокультуры) и уровня
обобщения найденных закономерностей сказывается и на крайне
противоречивом видении роли гуманитарных дисциплин, в том
числе и языкознания, в понимании культуры. С одной стороны,
утверждается, что «в гуманитарной группе наук основная задача
связана с изучением индивидуального характера культур, их
сравнением; обобщение выступает как вторичная задача
[Там же: 280]. С другой стороны, подчеркивается, что без

использования методов гуманитарных наук невозможно рассмотрение культуры на уровне ее масштабных динамических трансформаций, цивилизованного развития в целом, так как «методы гуманитарных наук обладают большой обобщающей и, вместе с тем, познавательной способностью видеть за внешними конкретными явлениями культуры ее глубинные отношения и схематизмы сознания» [Там же: 282].

Метод сравнения, широко использующийся в гуманитарных науках, позволяет, с одной стороны, выявлять индивидуальное, особенное. С другой стороны, он обладает большой обобщающей силой. Его использование очень важно в процессе изучения таких сложных многоликих объектов, как язык и культура. Роль языка в понимании культуры неоднозначна и является, скорее всего, следствием многогранности познавательных возможностей, которыми обладает язык. Исследования в лингвистике и, шире, филологии проводятся на уровне «макроструктур» и «микроструктур»: на одном полюсе сосредоточены глобальные обобщения, на другом – выделяются минимальные единицы значений и смысла. Если в изучении культурно-специфических черт языков языкознание делает первые шаги, то относительно использования типологического подхода, что, в целом, и является генерализующим методом, его традиции намного богаче. Вероятно, именно этот факт позволил С. С. Аверинцеву сделать вывод о том, что традиционная ориентация филологии на реальность целостного текста, и тем самым как бы на человеческую мерку, сопротивляется тенденциям фиксации исследования только на индивидуальном, различном, сколь бы плодотворными данные тенденции ни обещали быть [Культурология 1997: 494].

Уровень развития современной науки позволяет взглянуть на процедуру сравнения с более широких оснований, минуя идеологические препоны предыдущих эпох. Важной чертой постнеклассической науки является методологический плюрализм [Философия 2006: 189] как ответная реакция на стремление некоторых ученых к абсолютизации крайностей. Для лингвиста-

практика, желающего проникнуть в лабораторию методов, опасность представляет не множественность выборов, ибо в действительности ее не существует, а абсолютизация одного какого-либо метода как якобы универсального. Сила современной лингвистики – в богатстве методов, отвечающем разнообразию и сложности стоящих перед ней задач и целей [Степанов 2001: 17].

С учетом важнейшей роли операции сравнения, как в обыденно-практическом, так и в научном познании, определенную помощь в решении обозначенной проблемы могут сыграть экспериментальные лингвистические данные об особенностях реализации мыслительной операции сравнения в обыденной речи людей. Большое значение имеет и изучение сравнения как системы приемов и методов в научном познании. Ученые-когнитивисты ставят вопрос, являются ли исследовательские процедуры сравнения естественным развитием и систематизацией уже заложенных в практическом мышлении основ сравнения или ученый пользуется совершенно иной системой сравнения, неизвестной обыденно-практическому мышлению и т. д.

Вторая международная конференция по когнитологии (Санкт-Петербург, июнь 2006 г.) показала, что всплеск интереса к вопросам взаимоотношения языка и мышления привел на данный момент к интенсивному обсуждению представителями разных школ и направлений роли мыслительных операций в обыденно-практическом познании, в первую очередь сравнения и обобщения. Однако следует констатировать, вслед за Л. А. Мостовой, что к концу XX в. из-за неразработанности частных вопросов поставленная проблема возможностей взаимопересечения генерализующего и идиоэтнического методов во многом сохраняет свою неопределенность и остается невозделанным полем для ученых [Культурология 1997: 485].

В качестве итога вышесказанному следует отметить, что изучение логико-философских основ метода сравнения позволяет выявить, с одной стороны, важнейшую роль сравнения в познавательной деятельности людей, с другой стороны, вскрывается существенная методологическая проблема его изучения,

вызванная расхождениями во взглядах ученых на суть данной категории в результатах познания. Несмотря на то, что описанные выше два метода являются двумя разновидностями единого процесса сравнения, принципиальные разногласия во взглядах ученых, настаивающих на несовместимости генерализующего и идиоэтнического методов, ведут к абсолютизации либо сходств в изучаемых объектах, либо различий между ними в процессе познания. Прием внутринаучной рефлексии, развиваемый в данной работе, подводит к мысли о том, что время логики контрастов прошло, в науке созрели условия для осмысления метода сравнения языков и культур как гармоничного сочетания достижений и системно-центрического (генерализующего), и антропоцентрического (идеозэтнического, индивидуализирующего) подходов к процессу научного познания. Изучение возможностей метода сравнения требует анализа того, как развивался данный метод в разных направлениях сравнительного языкознания и какими способами решаются в них сложнейшие методологические вопросы сравнения языков.

1.2. Направления сравнительного языкознания

За длительную историю существования языкознания метод сравнения доказал свою эффективность как способ более глубокого понимания природы языковых явлений. Данный метод оттачивается уже многие десятилетия в нескольких научных направлениях: сравнительно-историческом, типологическом, ареальном, контрастивном и т. д. Все эти направления объединяет открытое, т. е. целенаправленное межъязыковое сравнение.

Изучение метода сравнения осуществляется в двух аспектах – статическом и динамическом. То, как он реализуется в разных направлениях современного языкознания, дает представление о методе сравнения как о статическом явлении. В этом аспекте метод сравнения предстает как набор отдельных методов, которые используются в конкретных, более-менее четко выделенных

направлениях сравнительного изучения языков, например сравнительно-историческом, типологическом и т. д. направлениях. Лингвисты придают большое значение детальному описанию данных направлений, стремясь максимально точно определить рамки использования методов, основанных на сравнении, в соответствии с этими направлениями языкознания (см., например [Кашкин 2007; Гергиева 2009; Зеленецкий 2010 и др.]) Сложность изучения методологии сравнительных исследований в статическом аспекте связана с тем фактом, что, независимо от частных различий, между существующими направлениями сравнительного языкознания имеются пересекающиеся зоны как результат использования общего приема изучения языков – сравнения. Это проявляется и в цели сравнительных исследований, так как в той или иной мере они все направлены на поиск сходств и различий между языками. Это очевидно и из частных методов и приемов сравнения языков: как известно, все они основаны на двух основных подходах – от формы к содержанию или от содержания к форме и т. д. Эти факты свидетельствуют о наличии преемственности между всеми направлениями языкознания, основанными на сравнении, что и определяет, на наш взгляд, динамический аспект изучения метода сравнения.

Анализ сравнения как динамического целого представляется интересной и актуальной задачей методологии науки, так как позволяет выявить эти самые пересекающиеся зоны между разными направлениями сравнения языков, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию движения исследовательской мысли при использовании процедуры сравнения в исторической перспективе. Это является, на наш взгляд, важным шагом на пути к осмыслению этапов, приемов, цели, задач сравнения – всего того, что составляет методологию сравнительных исследований, а также перспектив, которые открываются перед учеными при использовании данного метода как инструмента познания языка, мышления и культуры.

В данном разделе речь пойдет, главным образом, о тех направлениях языкознания, которые в большей степени ориенти-

рованы на сравнение языковых фактов современных разнотипных языков на уровне синхронии: типологическом, сопоставительном и контрастивном. Это вызвано тем, что общий объект изучения – разнотипные языки на уровне синхронии – предопределяет наличие особо сложных взаимопересекающихся отношений между ними.

Изучение сравнения в динамическом аспекте ставит первый и, возможно, основной вопрос, который достаточно широко обсуждается лингвистами, а именно: нужно ли одно общее название для направлений языкознания, занимающихся сравнением языков, как в синхронии, так и в диахронии? Думается, что да, так как их объединяет общий метод сравнения, что делает методологию любых сравнительных исследований принципиально сходной. Однако при изучении метода сравнения в статическом аспекте это не столь очевидно, так как ученые направляют все усилия на разграничение, а не на объединение методов, методик и приемов, основанных на сравнении. При этом в качестве аргумента за введение общего названия для всех направлений языкознания, основанных на сравнении, является тот факт, что в практике сравнительных исследований разнообразные методы и приемы сравнения достаточно легко пересекаются, дополняя друг друга, что позволяет достичь более полных и адекватных результатов сравнения языков. Так, приемы, используемые в диахронических исследованиях, достаточно широко применяются и при типологическом, и контрастивном направлениях исследования [Языкознание 1998: 487; Манакин 2004: 19]. Все это свидетельствует о наличии глубокой связи и преемственности между разными направлениями сравнения языков.

Следует констатировать, что единый термин для обозначения всех направлений, занимающихся сравнением языков, не найден. Так, предлагается термин «лингвистическая компаративистика» как дисциплина, объединяющая направления исследования языков на основе сравнения [Конецкая 1993: 8]. Однако этот термин уже традиционно используется в более уз-

ком смысле как синоним генетическому, сравнительно-историческому языкознанию [Климов 1990: 13]. Кроме этого, данный термин стал использоваться в зарубежной философии при сравнении философских систем Востока и Запада – так называемая «философская компаративистика» [Современный 2004: 333].

Существуют еще два термина, которые «конкурируют» за титул общего обозначения направлений сравнения языков. Это сравнительное языкознание и сопоставительное языкознание. Следует признать, что между терминами «сопоставление» и «сравнение» сложились непростые содержательные отношения. Например, в паспорте специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» за сопоставительным языкознанием закрепляется большая, неопределенная область сопоставительных исследований, которые не носят выраженный типологический характер. Сравнительно-историческое языкознание по ходу текста называется время от времени сравнительным языкознанием. При этом ряд дисциплин, не различающихся направленностью на диахронию или синхронию, называются в паспорте то сравнительными, то сопоставительными: сравнительная лексикография и терминология; сопоставительная стилистика; сопоставительная семантика; сравнительная социолингвистика [Паспорт]. Отсутствие системного разграничения терминов «сопоставление» и «сравнение» еще более очевидно в предлагаемых в паспорте названиях методов, характеризующих рассматриваемые направления сравнения языков: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический, сравнительно-сопоставительный.

В целом, содержательный анализ обозначенных выше направлений сравнения языков в паспорте специальности позволяет выделить три критерия их сравнения: название направления, название метода, наиболее ярко его характеризующего, а также предмет исследования. Суммировать общее представление об основных направлениях, занимающихся открытым сравнением языков в паспорте специальности 10.02.20, можно с помощью табл. 1.

Таблица 1 – Направления языкознания в паспорте специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

<i>Направление</i>	сравнительно-историческое языкознание	типологическое языкознание	сопоставительное языкознание
<i>Метод</i>	сравнительно-исторический	сопоставительно-типологический	сравнительно-сопоставительный
<i>Предмет исследования</i>	накопление знаний о предшествующих этапах исторического развития и процедур реконструкции первоначальных и промежуточных языковых состояний, осуществляемых посредством установления соответствий на всех уровнях языка	установление сходства и различия языков (языкового строя) на основе наиболее общих и наиболее важных свойств языка, независящих от их генетического родства и скрытых от исследователя при других лингвистических подходах	установление несоответствия между сравниваемыми языками и отношений контраста

Общий термин для направлений сравнения языков в паспорте не предлагается. И это не случайно в связи с потребностью очертить границы каждого из направлений, что, однако, не мешает поиску обобщающего данные направления понятия. Думается, что наиболее оптимальным термином, который понятен всем лингвистам, не пересекается с названиями других науч-

ных дисциплин и отвечает требованию широты охвата всех направлений языкознания, занимающихся сравнением языков, является, на наш взгляд, *сравнительное языкознание* (данный термин в качестве обобщающего предложен Г. А. Климовым [Климов 1990: 6]). Сопоставительное языкознание в качестве обобщающего термина менее приемлемо в связи с тем, что за ним традиционно закрепляется одно из направлений сравнения языков, как это видно из табл. 1.

Контрастивная лингвистика упоминается в паспорте специальности 10.02.20, но четко ее место в системе направлений сравнительного языкознания не обозначено. Однако отмечается ориентация сопоставительного языкознания (см. табл. 1) на выявление расхождений (контрастов), из чего следует полагать, что сопоставительное языкознание и есть контрастивная лингвистика в другой терминологии, за которой многие лингвисты также видят поиск, главным образом, несходств между сравниваемыми языками. Неразграничение сопоставительной и контрастивной лингвистики – достаточно традиционная позиция, зафиксированная в лингвистических терминологических справочниках. Так, согласно В. А. Виноградову, сопоставительный метод – исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью выяснения его *специфичности* (системной идиоматичности). Сопоставительный метод направлен в первую очередь на выявление *различий* между сравниваемыми языками и поэтому также называется контрастивным. Данный метод лежит в основе контрастивной лингвистики [Языкознание 1998: 481]. Подобные мысли высказываются и в более современных исследованиях, например, показательна следующая формулировка: «контрастивная или, как ее часто называют, сопоставительная, лингвистика» [Манакин 2004: 11].

На этом терминологический разнобой сравнительных исследований не заканчивается. «Терминологическая игра» превращается в терминологический антагонизм, когда

исследование касается сравнения систем типологически и генетически несходных языков на уровне синхронии. Так, далеко не все исследователи согласны с классификацией направлений сравнительного языкознания, предложенной в паспорте специальности 10.02.20. Например, И. А. Стернин считает принципиальным отделение контрастивной лингвистики от сопоставительного языкознания (сопоставительной лингвистики в его терминологии) с учетом четырех критериев: системности / атомарности процедуры сравнения, цели сравнения, особенностей используемого метода сравнения, связи с практикой обучения и перевода.

Цель сопоставительного исследования, отмечает автор, – обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков. Это, по его мнению, влияет и на применяемый метод сравнения: одноименные подсистемы сравниваемых языков изучаются и описываются автономно, а затем результаты описания подвергаются сравнению [Стернин 2007: 15]. Автор подчеркивает преимущественно теоретический характер сопоставительной лингвистики в отличие от контрастивной лингвистики. Цель контрастивного исследования – сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий. У контрастивной лингвистики, следовательно, свой метод изучения языка: она изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке. Результаты контрастивного описания единиц языка могут быть непосредственно внедрены в практику преподавания [Там же: 25]. Суммировать взгляд И. А. Стернина на направления сравнительного языкознания, в которых изучаются языки в синхронии, можно с помощью табл. 2.

Таблица 2 – Направления сравнительного языкознания
в понимании И. А. Стернина

<i>Направление</i>	типология	сопоставительная лингвистика	контрастивная лингвистика
<i>Цель</i>	установление общих типов языков мира	обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков	изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий
<i>Метод</i>	типологический	сопоставительный (вначале изучаются микросистемы каждого из сравниваемых языков, затем данные микросистемы сравниваются)	однозначного термина не предложено (изучаются отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке)
<i>Роль системного подхода</i>	+	+	–
<i>Связь с практикой обучения иностранным языкам</i>	–	–	+

Можно отметить и другие мнения относительно рассматриваемых направлений. Хорошо известна позиция В. Д. Аракина, согласно которой сопоставительный метод является основным методом типологических исследований. Соответственно, суще-

ность сопоставительного метода, по его мнению, заключается «в отыскании и определении явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции (подчеркнуто нами. – Л. М.), независимо от того, являются ли сопоставляемые языки генетически родственными или нет» [Аракин 1989: 59].

Как показал проведенный анализ, сопоставительный метод рассматривается как метод, направленный по поиску: 1) сходств (В. Д. Аракин); 2) сходств и различий (И. А. Стернин); 3) различий (В. А. Виноградов, В. Н. Манакин) и т. д. Продолжим наш анализ точек зрения на современные направления сравнительного языкознания и рассмотрим более подробно мнения лингвистов о контрастивной лингвистике (КЛ). Изучение данного вопроса показывает, что все определения КЛ можно условно разделить на четыре группы. В *первой группе*, возможно, самой многочисленной, утверждается, что целью контрастивных исследований является установление различий между сравниваемыми разноструктурными языками на современном этапе их развития. Большую роль в таком понимании задач КЛ сыграла известная работа В. Н. Ярцевой «Контрастивная грамматика» [Ярцева 1981]. *Вторая группа* представлена мнением, что КЛ в равной степени должна изучать как сходства, так и различия между языками. Наиболее ярким представителем данного понимания цели КЛ является В. Г. Гак [Гак 1989: 9]. *Третью группу* составляют мнения тех лингвистов, которые считают, что цель контрастивных исследований – «выявление принципиального сходства организации плана выражения» в сравниваемых языках [Актуальные 1998: 4], т. е. акцент ставится на поиске сходств, а не различий. *Четвертая группа* объединяет тех ученых, которые убеждены, что цель контрастивных исследований не связана напрямую с установлением сходств и различий, которые выступают лишь средством выявления более общих закономерностей во взаимоотношениях между разнотипными языками. Так, А. В. Широкова подчеркивает, что «конечной целью всякого контрастивного описания является типологическое объяснение выявленных различий» [Широкова 2006: 87]. Из этого следует,

что установление как сходств, так и различий между сравниваемыми языками — одна из важных задач, но не цель контрастивных исследований.

Естественно возникает вопрос, чем вызван этот разноречивый во мнениях. Уместным для дальнейшего обсуждения этого вопроса представляется привести мнение В. Г. Гака, одного из наиболее авторитетных отечественных лингвистов в области сравнительных исследований. В целом, он выделяет четыре направления языкознания, занимающихся открытым сравнением языков: сравнительно-историческое, ареальное, типологическое и сопоставительное (контрастивное). Как видно из данной классификации, он ставит знак равенства между терминами «сопоставительная» и «контрастивная» лингвистика, так как, по его мнению, второй термин — дублет, результат влияния английского языка¹.

Важно отметить методологические последствия отношения к данным терминам как к синонимам, так как из этого следует, что контрастивная (сопоставительная) лингвистика выявляет «схождения и расхождения в использовании языко-

¹ Что касается соответствующих английских терминов, рус. *сравнение* и *сопоставление* имеют эквивалент англ. *comparative*, который, однако, закрепился в лингвистической терминологии за сравнительно-историческим языкознанием. *Comparative linguistics – an independent linguistic discipline with the goal of reconstructing the origins, developmental history, and relations of and between individual languages* [Routledge 1998: 85]. Английский термин, который однозначно соответствует сравнению современных языков в синхронии, — *contrastive*. *Contrastive linguistics – linguistic subdiscipline concerned with the synchronic comparative study of two or more languages* [Там же: 102]. Показательно название учебного пособия В. Н. Вагнер, в котором данный метод представлен на русском, английском и французском языках: *Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа; Methods of Teaching Russian to English Speakers and French Speakers on the Basis of Interlanguage Contrastive Analysis. La méthode d'enseignement de la langue russe pour les anglophones et les francophones sur la base de l'analyse comparative interlinguistique* (подчеркнуто нами. — Л. М.) [Вагнер 2001].

вых средств различными языками» [Гак 1989: 9]. Этим данная точка зрения существенно отличается от той, которая представлена в паспорте специальности 10.02.20, где отмечено, что сопоставительное языкознание занимается поиском расхождений между языками, и от позиции И. А. Стернина, согласно которой сопоставительная лингвистика занимается изучением сходств и различий между языками, а контрастивная лингвистика – только различий.

Предложенный обзор точек зрения на содержательные отношения между направлениями сравнительного языкознания, занимающимися изучением разносистемных языков в синхронии, показывает, что за одними и теми же терминами стоят разные методологические установки авторов, и вопрос о названии того или иного направления сравнительного языкознания – это не просто терминологические предпочтения, это «столкновения идеологий» сравнительных исследований. Очевидно, что особенно непростые отношения складываются между сопоставительной и контрастивной лингвистикой. В связи с этим остановимся на этих двух направлениях подробнее и попытаемся проанализировать причину терминологических и содержательных трудностей их разграничения, взяв за основу их соотношение по цели сравнения языков.

В. Г. Гак рассматривает и сходства, и различия в кругу интересов контрастивной лингвистики на том очевидном для него основании, что при сравнении языков неизбежно отмечаются как сходства, так и различия [Там же: 9]. Суть метода сравнения по определению заключается в двунаправленном результате. Подтверждение этому можно найти в практических выводах контрастивных (сопоставительных) исследований при сравнении как грамматических конструкций, так и лексики разных языков. На выявление сходств и различий направлены и исследования, связанные с изучением лингвокультурных концептов. Хотя для многих из них характерен целенаправленный поиск различий (особенностей в другой терминологии), результаты исследования практического материала неизбежно выхо-

дят за рамки поставленной цели, так как наряду с различиями выявляются и сходства. Так, при изучении концептов целью исследования нередко «является изучение лингвокультурологических *особенностей* (выделено нами. – Л. М.)» того или иного концепта, например, концепта «вежливость» в казахском, русском и английском языках. Результатом же исследования являются «как *общие* значения, так и *специфические* компоненты (выделено нами. – Л. М.), наполненные лингвокультурологическим содержанием, которые необходимо знать и учитывать в процессе межкультурной коммуникации» [Савойская 2005: 21]. Это достаточно типичный пример методологического противоречия между узко поставленной целью и реальными результатами изучения практического материала.

То, что в межкультурной коммуникации необходимо знать и учитывать не только специфическое, несходное, вытекает и из других наблюдений. Какой механизм лежит в основе взаимопонимания представителей разных лингвокультур? – задают вопрос авторы коллективной монографии «Картина мира и способы ее репрезентации». Их мнение: успешность взаимопонимания представителей разных лингвокультур требует наличия следующих условий: 1) общность языковых / речевых навыков; 2) общность (пересечение) образов мира (сознания) [Картина 2005: 67]. Не углубляясь в философские вопросы соотношения общего и специфического, можно лишь отметить, что выявляемые в ходе исследования как сходства (общность), так и различия (особенности) играют каждый свою важную роль в реальной картине выявленных закономерностей, осмысление которой еще предстоит гуманитарному знанию.

Необходимость обращения как к различиям, так и к сходствам в сравнительных исследованиях, в том числе и контрастивного характера, отмечается ведущими лингвистами, которые подчеркивают, что системность при рассмотрении отдельных участков сопоставляемых языков плохо сочетается с теми теориями, адепты которых ищут в языках только несходное, разделяющее, считая именно этот подход спецификой кон-

трастивных исследований. Подобные работы не создают основ для творческого развития контрастивных исследований, так как они не раскрывают диалектическую связь формы и содержания в языке, связь языковых явлений и мыслительных категорий, своеобразие отдельных, единичных языков, сочетающих в своем строе общее и особенное [Ярцева 1981: 37].

Проведенный анализ показывает, что при ответе на вопрос, чем вызван такой разброс мнений относительно сопоставительной и контрастивной лингвистики, в первую очередь следует отметить специфику самого метода сравнения, использование которого неизбежно приводит к выявлению как сходств, так и различий в изучаемом материале. Однако ученый, намечая задачи конкретного исследования, имеет возможность усилить, подчеркнуть те аспекты стоящих перед ним задач, которые интересуют его в большей степени. Отсюда наблюдается определенный «произвол» выбранных ориентиров.

То, что сравнительное исследование подчиняется осознанно выбранному аспекту в использовании метода сравнения, становится очевидным при более внимательном изучении ряда дефиниций сопоставительной и контрастивной лингвистики. Так, В. П. Конецкая отмечает, что задача сопоставительного изучения языков – установление *сходств и различий* их существенных характеристик на основе научного описания, предполагающего системное рассмотрение языковых единиц, с целью выделения структурно-семантических и функционально-обусловленных *особенностей* каждого языка [Конецкая 1993: 30]. В контрастивном исследовании, возникшем как практическая необходимость сравнения иностранного и родного языков, основное внимание (подчеркнуто нами – Л. М.) уделяется *различиям* [Там же: 32]. Нетрудно заметить, что цель сравнения является как бы двухуровневой: основной цели сопутствует промежуточная цель (задача). Если выявление различий (особенностей) является основной целью сопоставительного и контрастивного исследования, в интерпретации В. П. Конецкой, то установление

сходств (наряду с различиями) носит промежуточный характер и соответствует не цели, а задаче сравнительного исследования.

Это же «двуединство» в постановке цели контрастивной лингвистики характерно и для И. А. Стернина. Напомним, что, согласно его мнению, контрастивная лингвистика – сопоставительное изучение межъязыковых *соответствий* двух языков для выявления их *различий*. Что же такое «межъязыковое соответствие»? Межъязыковые соответствия – центральное понятие контрастивной лингвистики, отмечает И. А. Стернин. Это единицы разных языков, имеющие *сходство* (выделено нами. – Л. М.) в семном составе [Стернин 2007: 34]. Таким образом, мысль о том, что контрастивная лингвистика изучает сходства наряду с различиями, И. А. Стерниным не отвергается. Но вновь, как и в определениях В. П. Конецкой, отталкиваясь от выявленных сходств, данный ученый предлагает сконцентрировать внимание на различиях в сравниваемых языковых единицах.

Обзор точек зрения по вопросу о характере взаимоотношений разных направлений сравнительного языкознания относительно предлагаемой в них методологии сравнения языков показывает одну важную закономерность: между этими направлениями очень трудно провести четкие пограничные линии, что становится более очевидным при анализе цели сравнения в разных направлениях сравнительного языкознания. Это объясняется, главным образом, тем, что все они основаны на методе сравнения, который предполагает использование схожих процедур анализа, основанных на поиске сходств и различий между сравниваемыми языками. Этим обусловлено желание лингвистов сузить фокус своего исследования, определив либо сходства, либо различия приоритетной целью сравнения.

Встает следующий вопрос: насколько произволен выбор того или иного автора в определении цели сравнительного исследования? Если отвлечься от терминологии, которой, как показал проведенный анализ, свойственна неустойчивость, многозначность использования, можно заметить еще одну важную закономерность. Интуитивно или осознанно ученые,

предлагая свое видение взаимоотношений между направлениями сравнительного языкознания, показывают движение исследовательской мысли в направлении от поиска, главным образом, сходств в анализируемом языковом материале к пристальному интересу к различиям между ними. Вырисовывается своего рода динамическое целое в подходах к изучению языкового материала в сравнении: «сходства» – «сходства и различия» – «различия», которое носит вполне объективный характер. Тогда встает вопрос относительно причин наблюдаемой динамики в постановке целей сравнительного исследования. Не менее актуально в связи с этим и более четкое представление о характере сходств и различий, выявляемых в процессе сравнения языков в разных направлениях. Если все направления сравнительного языкознания так или иначе выявляют сходства и различия языков, то что стоит за этими понятиями? Являются ли они принципиально «одними и теми же» или речь идет о разных типах сходств и различий, выявляемых с помощью разных исследовательских процедур в рамках отдельных направлений сравнения языков? Более детальное изучение этих вопросов вскрывает сложные отношения формы и содержания сравниваемых языковых единиц, которые стоят за этими двумя понятиями. Попытка разобраться в типологии сходств и различий, выявляемых в разных направлениях сравнительного языкознания, приводит к необходимости обращения к центральной и потому одной из сложнейших философских проблем языкознания – антиномии единства и многообразия, которая определяет жизнь языка в современном социуме.

1.3. Антиномия единства и многообразия в сравнительных исследованиях современных языков

Метод сравнения широко используется в самых разнообразных научных дисциплинах в связи с тем, что он является эффективным приемом более глубокого познания природы сравниваемых объектов. Его применение ставит перед исследователем важные философские вопросы научной методологии: как соотносятся в сравниваемых объектах общее и единичное, целое и часть, тождественное и различное, абстрактное и конкретное, структура и система и т. д. Все эти вопросы являются аспектами противоречивого целого, за которым в научном знании закрепилось название «антиномия единства и многообразия», которая поставлена философами еще на заре формирования философии как науки.

В языке антиномия единства и многообразия проявляется как «противоречие между общечеловеческим содержанием отражения и идеоэтнической семантикой языковых единиц» [Языкознание 1998: 330]. Сравнительные исследования в языкознании показательны и актуальны именно тем, что непосредственно направлены на разрешение этой антиномии в методологическом плане. Выявляемые сходства между языками свидетельствуют о наличии общечеловеческого единства языков, различия же фиксируют национально-культурную специфику каждого из них.

Анализ направлений сравнительного языкознания по цели межъязыкового сравнения с учетом времени появления того или иного направления, изложенный в разделе 1.2, позволяет увидеть динамику в развитии представлений лингвистов о характере взаимоотношений между языками. Оттолкнувшись от изучения наиболее общих языковых законов, ведущих к установлению родственных связей между языками, а также типов языков, сравнительные исследования все более погружаются в частные, с точки зрения типологии, языковые различия. Как бы ни назывались направления сравнительного языкознания, в истори-

ческой перспективе цель сравнения языков выглядит как движение исследования от общего к частному, от поиска максимальных сходств – к типологически (структурно) несущественным, но важным для понимания содержательной стороны языковых знаков различиям.

Закономерен в связи с этим вопрос: является ли поиск различий между языками конечным пунктом сопоставительного исследования, тем пределом, дальше которого метод сравнения в языкознании развиваться не может? Следует обратить внимание на мнение философов-компаративистов, которые предупреждают, что тенденция подчеркивать различия во взглядах, понятиях, значениях, свойственная современному гуманитарному знанию, является достаточно опасной. Конечный результат подобного сравнения парадоксален, ибо, в конце концов, остаются только различия, ведущие к бесконечному дроблению знаний, закрытости культур и вавилонскому столпотворению. Выходом из этого является создание иных условий отношения частного к всеобщему, чем условия разнонаправленности или взаимного исключения [Сравнительная 2000: 135].

Определенную помощь в поиске выхода из сложившегося «методологического тупика» может оказать изучение двух базовых категорий процедуры сравнения языков – сходств и различий. Изучение особенностей сходств и различий, выявляемых лингвистами, работающих в разных направлениях сравнительного языкознания, позволит выяснить, всегда ли эти термины наполняются одинаковым содержанием, можно ли говорить о различиях и сходствах как независимых друг от друга категориях, и если они связаны друг с другом, то какова эта связь.

1.3.1. О типологии сходств

При знакомстве с многочисленными попытками определения «сферы влияния» того или иного направления сравнительного языкознания создается впечатление, что, раз определившись, на что – сходства или различия – направлено то или иное сравнительное исследование, можно установить его границы. Однако этого не происходит, как можно было видеть из анализа представленных выше точек зрения на цель сравнительных исследований. Думается, что глубинной причиной тому является разное толкование двух важнейших методологических категорий метода сравнения, а именно: что же понимается под сходствами, с одной стороны, и различиями – с другой, в процессе сравнения языков.

Продемонстрировать данную мысль можно на примере того, как трактует, что такое сходства и различия, В. А. Виноградов, известный русист-историк. Так, разграничивая разные направления сравнительного языкознания, он отмечает, что сравнительно-исторический метод базируется на основе установления соответствий (сходств в нашей терминологии), а сопоставительный метод – несоответствий (различий в нашей терминологии). И приводит следующие примеры: слова рус. *белый* – укр. *білий* от др.-рус. *бѣлый* являются, с его точки зрения, диахроническими соответствиями, но синхронически они предстают как несоответствия [Языкознание 1998: 481]. Для хода дальнейшего исследования важно выяснить, что же имеет в виду автор, говоря о сходствах и различиях сравниваемых слов. Позиция В. А. Виноградова неочевидна, так как неочевиден критерий, по которому определяются им сходства и различия между сравниваемыми словами. Как лингвист-историк он, по-видимому, рассуждает с позиций исторического языкознания и видит «синхронические несоответствия» там, где лингвист-«контрастивист» увидел бы, скорее, сходства. В самом деле, слова рус. *белый* – укр. *білий* сходны по своему значению, следовательно, это больше синхронические соответствия, чем несоответствия. Однако В. А. Виноградов относит их к синхро-

ническим несоответствиям. Следовательно, при решении данного вопроса он руководствуется другими критериями выделения сходств и различий, нежели лингвист, изучающий сравниваемые языки в синхроническом плане. Какими? Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит вспомнить мнение Р. А. Будагова, который подчеркивал, что вопрос о том, как следует понимать сходства и несходства между языками, во многом спорный, недостаточно изученный [Будагов 1985: 24].

За понятиями сходств и различий скрываются непростые отношения формы и содержания языковых знаков, диалектическая связь между которыми, как показывает изучение многих частных сопоставительных исследований и монографий, не рефлексирована в достаточной мере. И это вполне объяснимо, так как «взаимоотношение между звуковыми формами и их функциональным содержанием – одна из центральных проблем теории языка» [Кацнельсон 1986: 281], следовательно, одна из наиболее сложных в методологическом плане.

Мы исходим из признания того, что основой сравнительного изучения языков является то, какую роль в исследовании играет корреляция формы и содержания (в самом широком смысле) языковых единиц – точки зрения, которая уже высказывалась в лингвистической литературе [Актуальные 1998: 21]. Систематизация взглядов на форму и содержание в разных научных направлениях сравнительного языкознания является, на наш взгляд, единственным ключом к пониманию характера сходств и различий, которые исследуются ими. В свою очередь анализ формы и содержания как двух фундаментальных категорий языкознания может способствовать решению центрального вопроса данного раздела, а именно: всегда ли категории «сходства» и «различия» наполняются одинаковым содержанием в разных направлениях сравнительного языкознания. Далее будет предпринята попытка выяснить, что понимается под сходством и различием в работах сравнительно-исторического, типологического и контрастивного (сопоставительного) характера.

Изучение вопроса о характере сходств и различий между сравниваемыми языками следует начать со сравнительно-исторического направления как родоначальника современных сравнительных исследований. Общепринято мнение, что сравнительно-историческое направление видит своей задачей обобщение, главным образом, сходных черт между сравниваемыми языками с целью установления степени родства между ними. «Задача историка-лингвиста состояла в том, – отмечает французский лингвист А.-Ж. Греймас, – чтобы, приблизившись, насколько это возможно, к истокам, свести различия к тождествам» [Греймас 2004: 25].

Акцент на поиске сходств между языками не значит, что различия не интересовали и не интересуют историческое языкознание. Но фиксируемые ими различия являются своего рода отправным пунктом для выявления сходств, аналогий между языками. Так, лингвисты отмечают сравнительную легкость установления родства языков флективного типа, к которым по большей части относятся индоевропейские языки. Это вызвано тем, что все эти языки изобилуют аномалиями. Наоборот, языки с регулярной морфологией, как, например, тюркские, плохо поддаются сравнению [Климов 1990: 34].

Аномалия, с точки зрения лингвиста-историка, – это несходства / различия языков. Из этого следует, что несходства воспринимаются в традиционном сравнительно-историческом исследовании не более чем аномалии, лишь облегчающие поиск сходств генетического характера. Аномалия – коннотативно окрашенное слово и в истории языкознания. «Всякие изменения, естественно протекавшие в языке, рассматривались как своего рода порча языка» [Аракин 1989: 16]. Как результат, несколько десятилетий практического применения сравнительно-исторического метода выявили не только его несомненные достоинства, но и некоторые слабые стороны, например, тот факт, что сравнительно-историческим методом можно исследовать сходства, но он малоэффективен при исследовании различий между языками [Введение 1998: 34].

Следует далее подчеркнуть, что лингвиста-историка интересуют различия и сходства, в первую очередь во флексии, т. е. в форме слова. Флексия предполагает ряд дополнительных формальных надстроек в виде сложных парадигматических систем склонения и спряжения. Эти «надстройки» отличны в разных флективных языках [Кацнельсон 1986: 114], что облегчает выявление генетически сходных элементов во флективных языках на фоне частных различий и затрудняет сравнение языков нефлективных. Именно поэтому все основные открытия сравнительно-исторического языкознания сделаны на материале индоевропейских языков, отличительной чертой которых является развитая флексия.

Итак, сравнение флексий слов родственных языков в их историческом развитии приводит к изучению так называемых *генетических сходств*. Важно далее подчеркнуть, что генетические сходства носят формальный характер. Речь идет о приоритете сходств материального фонда языков, который более надежен и устойчив в процессе исторического развития, чем содержание, передаваемое данными формами. В связи с этим «тезис, типа значение *m* в языке *A* соответствует значению *n* в языке *B* абсурден, с точки зрения сравнительно-сопоставительного языкознания» [Языкознание 1998: 487]. Историка языка интересуют формальные сходства и различия, а не содержательные. Как известно, родственные слова в разных языках со временем развивают новые значения, следовательно, содержание является зыбкой почвой для генетического исследования.

В свете диахронических принципов сравнения родственных языков становится понятна позиция В. А. Виноградова, по мнению которого рус. *белый* – укр. *білий* являются синхроническими несоответствиями, так как его внимание обращено не на их значение, а форму, в которой очевидны различия в звукобуквенном составе. Синхроническое несоответствие, с его точки зрения, следовательно, это несоответствие в графической форме сравниваемых слов. Традиционный формализм сравнительно-исторических исследований связан с узким пониманием морфологии как исключительно флективной морфологии. Флек-

тивное оформление само по себе служит достаточной гарантией грамматической «благонадежности» данной формы и избавляет от «проклятого вопроса», что есть грамматическое значение и в чем его отличие от лексического [Кацнельсон 1986: 113].

Приоритет формы над содержанием сохраняется и в современных диахронических исследованиях. Лингвисту, изучающему, скажем, историю заимствования отдельных слов, важно установить, что, например, рус. *баллон*, англ. *balloon*, нем. *Ballon* и т. д. являются заимствованиями из французского языка – *ballon*. Поэтому все эти слова оказываются в этимологических словарях в одной рубрике [Зеленина 2003: 74]. В то же время в двуязычных словарях, отражающих современное состояние языков, эти слова не будут языковыми эквивалентами и не будут указаны в одной словарной статье. Так, рус. *баллон* соответствует англ. *cylinder, can, cistern, gas container, bulb*, а англ. *balloon* переводится на русский язык как *воздушный шар(ик)*, а не *баллон* [Пахотин 2006: 23]. В лучшем случае подобные слова попадают в особую рубрику «ложных / мнимых друзей», или «ложных когнатов», которые «look or sound like words from other (foreign) languages but very often the meanings of such words differ from their foreign «relatives»» [Parkes 1992: 6].

Генетически тождественными языковыми единицами могут быть фонемы, морфемы, лексемы. Однако в центре внимания при изучении родственных языков методами сравнительно-исторического исследования оказываются фонетика и морфология [Языкознание 1998: 419]. Особую роль в развитии сравнительно-исторических исследований сыграла фонетика, т. е. звуковая форма слова. В известном смысле можно сказать, что фонетические законы лежат в основе всей сравнительной грамматики [Кацнельсон 1986: 192]. Наличие некоторой общности лексического состава, синтаксических конструкций вне регулярных звуковых соответствий может быть результатом позднейших сближений различных (родственных и неродственных) языковых коллективов, *случайных совпадений*. Так, следующие примеры из славянских языков связаны закономерными звуковыми соответ-

ствиями: рус. *ворона, сон, мох, муж*; болг. *врана, сън, мъх, мъж*; польск. *wrona, sen, mech, mąż* [Языкознание 1998: 419], серб. *врана, сан, маховина, муж*², а фонетически сходные англ. *bad* и новоперс. *bād* «плохой» не имеют ничего общего с точки зрения генетического родства [Мейе 2001: 282]. Следовательно, из-за случайности совпадения формы и значения в данных межъязыковых соответствиях они не станут предметом классического сравнительно-исторического исследования.

Естественным представляется тот факт, что в области изучения синтаксиса сравнительно-историческое языкознание не сделало каких-либо заметных достижений, так как в период расцвета данного научного направления «оставалась нераскрытой диалектика формы и содержания в грамматике, что препятствовало пониманию сложных взаимоотношений синтаксиса и морфологии, с одной стороны, истории грамматических форм и истории мышления – с другой» [Кацнельсон 1986: 167]. Недостаточный интерес к изучению синтаксиса при определении родства языков вызван еще и опасением лингвистов-историков выйти на *генетически несопоставимые* элементы языка. Как показывают ареальные исследования, занимающиеся изучением языковых контактов, синтаксис подвержен конвергенции в наибольшей степени, что и наблюдается в языковых союзах, в которых, по меткому замечанию В. П. Нерознак, «слова разные, грамматика подобная» [Языкознание 1998: 63].

Таким образом, на примере сравнительно-исторических исследований становится очевидным, что метод сравнения позволяет лингвисту увидеть как сходства, так и различия между сравниваемым языковым материалом и в диахронии. Однако уровень развития науки определяет подход к использованию данного метода. Сравнительно-исторический метод в своем классическом виде направлен на сбор и обобщение

² Примеры на сербском языке любезно предоставлены Д. И. Кнежевич, доцентом кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Удмуртского государственного ун-та.

эмпирических данных, обуславливающих особый интерес к установлению сходств между сравниваемыми языками по формальным пометам, к которым относится звукобуквенная сторона слов. Именно поэтому в языкознании существует понятие «генетическое сходство», но нет понятия «генетические различия». При этом обнаруживаемые лингвистами различия (аномалии) между сравниваемыми языковыми единицами играли важную роль в процессе выявления генетических сходств. Отталкиваясь от различий, исключая их из инвентаря рассматриваемых данных, лингвист имел возможность сосредоточить внимание на сходном.

Развитие типологии протекало параллельно со сравнительно-историческим языкознанием. Формирование типологии было подготовлено лингвистикой XVIII в. – философией языка (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер) и универсальной («всеобщей») грамматикой, показавшей принципиальную сопоставимость языков различного происхождения [Языкознание 1998: 514]. Закономерен вопрос, являются ли сходства, изучаемые в сравнительно-историческом языкознании, аналогичными сходствам, выявляемым в типологической лингвистике. Интерес представляет также выяснение того, какую роль играют различия между языками в типологии.

Одним из теоретических понятий, лежащих в основе типологического сопоставления языков, отмечает известный типолог в области романского языкознания Т. А. Репина, является понятие лингвистических универсалий, т. е. таких элементов и свойств языка, которые присущи всем языкам мира или большинству из них [Репина 1996: 7]. Данное наблюдение прямо отвечает на вопрос о соотношении роли сходств и различий в классических типологических исследованиях. Выявление сходств первично: типология обнаруживает за разнообразием фонологических и грамматических систем ряд объединяющих их элементов и существенно ограничивает многообразие языков, кажущееся на первый взгляд бесконечным [Якобсон 2001: 335].

Что касается характера сходств в типологических исследованиях, в отличие от генетического сходства их можно объединить понятием «структурное сходство», пришедшим в лингвистику XX в. вместе с появлением структурной лингвистики. Сочетание структурной лингвистики с типологией привело к возникновению структурной типологии, исследующей общие закономерности строения отдельных фрагментов языковой системы и языка в целом [Языкознание 1998: 496]. Изучение особенностей корреляции формы и содержания в структурном (типологическом) сходстве позволяет заключить, что структурное сходство, так же, как и генетическое сходство, в первую очередь ассоциируется со сходством в форме языковых единиц, а не с их содержанием / значением. Существенное отличие типологического сходства от генетического заключается в объекте исследования: введение в процедуру анализа не только родственных, но и неродственных языков на уровне синхронии, а не диахронии.

На протяжении 50–60-х гг. XX в. структура и система языка обычно противопоставлялись категории значения, и создавалось впечатление, что система и значение находятся друг к другу в обратной пропорциональности [Будагов 1985: 47]. Эта закономерность прослеживается и в современных работах, где типичны выражения «структура и значение языковых единиц», свидетельствующие о связи структуры с понятием формы в сознании исследователей. Структурное разнообразие языков, отмечают типологи, все это не более чем разная техника, разные средства выражения (любого) содержания [Мечковская 2004: 130]. Базой типологического сравнения является *формальный анализ слова*, основанный на способности слова члениться на основу и аффиксы [Широкова 2006: 89], поэтому при решении вопроса о типологической близости языков первое место принадлежит морфологии (словоизменению и словообразованию) [Сравнительно-сопоставительная 1972: 402].

Таким образом, можно сделать вывод, что между генетическим сходством и структурным (типологическим) сходством существует много общего: оба основаны на анализе, в первую очередь, формы языковых единиц. В определенном смысле генетическое сходство тоже можно охарактеризовать как структурное с учетом опоры при его выявлении на те же параметры слова, что и в типологии (членение слова на основу и аффиксы). При этом существенной особенностью структурного сходства, выявляемого типологическим методом, является его огромная обобщающая сила. Типологическое сходство, по мнению исследователей, это наиболее общий вид структурного сходства между языковыми системами по сравнению с ареальным и диахроническим сходством, так как оно не ограничено ни временем, ни пространственными рамками и может определяться для любых языков и любых состояний языков [Широкова 2006: 84].

Типологическая общность языков обусловлена единством биологической и психической организации человека как вида *Homo sapiens* [Мечковская 2004: 29]. Если в ряде языков наблюдаемое типологическое сходство охватывает большую серию системно связанных между собой явлений, то такие языки можно рассматривать как определенный языковой (структурный) тип. Серии системных межъязыковых сходств существуют на разных языковых уровнях – фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и т. д. Но наиболее традиционный предмет исследования в типологии – морфология с учетом того, что словоизменение и словообразование отличаются большой возможностью обобщения на основе конкретного языкового материала и являются важнейшими критериями при определении структурного типа языка [Конецкая 1993: 6; Широкова 2006: 7].

Типология отражает движение исследовательской мысли, связанное с углублением общих представлений о языке. Осознание наличия структурных (типологических) сходств между языками мира является результатом оформившегося в начале XX в. понимания языка как системы (структуры). Поэтому важной

особенностью метода сравнения в типологическом подходе является сопоставление языковых явлений с учетом их системных связей [Репина 1996: 4]. Под типологией стали понимать не физические особенности комбинирования значащих элементов звучания, поясняет эту мысль Ю. В. Рождественский, а особый вид отношений между системами – ненаблюдаемый физически, а реконструированный из речевых проявлений. Эмпирический материал типологии по сравнению с генетическим языкознанием изменился: это уже не тексты, а описанные ранее, выведенные из текстов системы языков. На деле это означает, что типолог отныне должен пользоваться описанными системами. Обращение к конкретно-текстовому факту имеет лишь второстепенную, вспомогательную силу [Рождественский 1969: 10].

Сравнение языков на уровне их систем – важная причина того, что результаты сравнения, осуществляемого с помощью типологического метода, обладают высоким уровнем обобщения. Можно, следовательно, говорить о системности типологических сходств. В свете понимания системности типологических сходств, предложенной Ю. В. Рождественским, вряд ли можно охарактеризовать сходства, выявляемые сравнительно-историческим методом, как системные. Определенная узость генетических исследований по сравнению с типологическими вызвана тем, что в них сходжения выявляются на уровне некоторых элементов: рассматривается общность ряда морфем, грамматических структур и т. д., основанная на исконном родстве, а не вся система языка, в которой многие участки сложились под влиянием языковых контактов и многочисленных конвергентных процессов.

Атомистическое рассмотрение отдельных элементов, как бы вырванных из системы, вызвано и особенностями материала сравнительно-исторических работ. Сохранившийся исконный материал слишком фрагментарен для того, чтобы в нем удалось зафиксировать определенную системность в рефлексах исконных единиц, и этот важный факт накладывает ограничения на перспективы генетического исследования в целом и, в частности, на перспективы обоснования родства [Климов 1990: 36].

Как результат этих важных различий в подходах к сравнению языков ряд ученых разграничивают системные (типологические) сходства, с одной стороны, и регулярные (генетические) сходства – с другой [Кацнельсон 1986: 194].

Структурная типология – более зрелое научное направление, возникшее в процессе осмысления накопившихся обобщений языковых фактов, свидетельствующих о наличии системных отношений между языковыми явлениями, которые объединяются в отдельные уровни, а также обладают межуровневыми отношениями. Современная типология характеризуется и более глубоким пониманием взаимоотношений между формой и содержанием языковых единиц. Большие преимущества типологических исследований в том, что они не ограничиваются рамками материального родства языков. Обращение к сравнению неродственных языков обещает пролить больше света на историю речевого мышления, раскрыть основные закономерности развития внутренней структуры языка как в ее формальном, так и содержательном аспектах [Кацнельсон 1986: 180].

Сложившийся структурно-системный подход к изучению языка позволил типологии существенно изменить предмет своего изучения. Типология оперирует такими лингвистическими понятиями, как категория. Центральное понятие типологии – грамматические категории, которые являются одними из важнейших типологических характеристик языков, например, категория рода, числа у существительных, лица, времени, наклонения у глагола и т. д. Необходимым признаком грамматической категории является единство значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних языковых единиц [Языкознание 1998: 116]. Грамматические категории, находящие выражение в нескольких языках, относятся к числу языковых универсалий. Так, перечисленные выше грамматические категории рода, числа, лица, времени, наклонения присущи, например, всем современным романским языкам, поэтому их можно отнести к числу общероманских грамматических универсалий [Репина 1996: 8].

Изучение синтаксиса, который занимает второе по важности место в качестве предмета типологических исследований (после морфологии), – новый шаг лингвистики в движении на тернистом пути познания взаимоотношений формы и содержания (грамматического значения). Требуется значительная зрелость научной мысли, чтобы во фразе *Он лежит больной* разглядеть в глаголе элемент служебности. Форма слова в данном случае ничего исследователю не подсказывает, и он должен пуститься в то опасное плавание, которого больше всего страшится формалистическая мысль в языкознании: в анализ и сопоставление самих значений [Кацнельсон 1986: 113].

Коммуникативно-мыслительные структуры, с помощью которых на разных языках происходит формирование и сообщение мысли, входят в предмет изучения так называемой контенсивной типологии, которая «за сменой форм языкового выражения в процессе исторического развития языка стремится уловить ход развития абстрагирующего мышления» [Кацнельсон 1986: 4]. Это предполагает выявление основных синтаксических моделей (структурных схем предложения) в качестве выработанных языками устойчивых содержательных структур, каждая из которых обладает своими возможностями представления той ситуации или события, о котором говорится в высказывании [Мечковская 2004: 86].

Анализируя глубину проникновения в особенности корреляции формы и содержания при выявлении типологических сходств, можно сделать вывод, что в традиционной (классической) типологии форма и содержание языковых единиц далеко не всегда рассматриваются как диалектическое единство. Судя по тому, что выделяются два основных направления современной типологии – структурная и контенсивная, приоритет отдается либо изучению формы, либо содержания. Подобное мнение высказывалось В. А. Виноградовым. Так, он подчеркивает, что в типологии понятие соответствия не является обязательно двуплановым (в форме и значении) и может ограничиться только формой или только значением сопоставляемых единиц. Формальная (структурная) типология ориентирована на план выражения,

а контенсивная типология – на семантические категории языка и способы их выражения [Языкознание 1998: 513].

Таким образом, характеризуя типологию сходств в целом, можно сделать вывод, что в истории сравнительного языкознания зафиксировано три типа сходств: генетическое, ареальное и структурное (типологическое), из которых наибольший интерес для нашего исследования представляет анализ генетического и структурного сходства как двух крайностей в этой триаде. При всех различиях этих понятий их объединяет единый подход к исследованию языкового материала: его движение от частного – к общему. Это период развития языкознания, связанный с накоплением и систематизацией фактов из разных языков.

Нельзя не отметить, что последовательное изучение сходств между языками является до сих пор важным направлением многих современных сравнительных исследований. Выявляемые учеными сходства между типологически и генетически неродственными языками столь разительны, что теория о единстве всех языков («нордическая теория») только набирает обороты с увеличением базы данных. Основным предметом подобных исследований являются по-прежнему грамматические категории, например категория принадлежности, времени, частей речи, состояния и т. д., исследуемые в таких разнотипных языках, как удмуртский, русский, башкирский, татарский, английский, немецкий, французский и т. д. [Актуальные 1998; 1999].

Анализ динамики изучения сходств в сравнительном языкознании показывает, что поиск сходств в большей степени ориентирован на изучение формальных признаков языковых единиц – главным образом, морфологической структуры слова и грамматической структуры предложения. Такой подход можно условно назвать «от формы – к форме». Хотя возможна и систематизация сходных содержательных характеристик языков, что зафиксировано в ряде лексических универсалий. Они касаются свойств слова как единицы языка и словарного состава языков, а также некоторых черт лексической семан-

тики в языках мира. Например, важным общим свойством языков является возможность переносного (метафорического и метонимического) употребления значений слов; всюду есть имена собственные, универсально табуирование и т. д. [Мечковская 2004: 310]. В лексических универсалиях проявляется направление сравнительного исследования, которое можно условно назвать «от содержания – к содержанию». Показательно, что, как говорилось выше, форма и содержание в этого рода обобщениях практически не пересекаются, не коррелируют.

Изучение сходств между языками не потеряло своей актуальности и в современном языкознании. Единообразие, обнаруживаемое в конкретных языках, определяет суть человеческого языка. Поэтому высказываются идеи, что описание межъязыкового единообразия является делом более важным, чем описание межъязыковых различий, поскольку это позволяет установить параметры психологического единства человечества [Шафиков 2008: 6]. Поразительные сходства разных философских систем (Греции, Индии и т. д.), обнаруживаемые, в свою очередь, философами, также являются показателем того, что имеется сокровищница истин, составляющих общее достояние всего человечества – истин, которые, по твердому убеждению М. Мюллера, могут быть открыты всеми нациями, если они будут искать их упорно и честно [Сравнительная 2000: 42].

Выявляемые в процессе сравнения различия (содержательные, структурные) в таком направлении исследования важны лишь как общий фон для отсеивания того, что не войдет в результат исследования, сосредоточенного на поиске сходных элементов между языками. В то же время все возрастающий интерес к содержательной стороне языковых знаков повышает значимость другой составляющей метода сравнения – нюансов, тонкостей, специфики содержания, нередко спрятанного за внешне (формально) сходными языковыми единицами.

1.3.2. О типологии различий

Интерес к различиям начал определяться, как это ни парадоксально, в процессе сравнения близкородственных языков. Наличие близкородственных языков, генетическое родство которых исторически засвидетельствовано и не вызывает сомнений, ставит перед исследователем вопрос о том, обязательно ли генетическое родство сопровождается структурной общностью на современном этапе существования этих языков [Сравнительно-сопоставительная 1972: 3]. Фундаментальные исследования романских языков дали богатый фактический материал для изучения разнообразных типов различий, выявляющихся при сравнении языков. Однако в отличие от структурных сходств, определяющих базовое, типичное (максимально общее) сходство между языками, понятие различий между языками не столь однозначно и на сегодняшний день мало изучено.

Исследования родственных языков в синхронном плане необходимы именно потому, что внутри, казалось бы, внешне сходного набора грамматических категорий функциональные различия оказываются весьма значительными и, вместе с тем, очень тонкими [Будагов 1985: 135]. «Внешне сходными» являются языковые единицы / грамматические категории, имеющие формальное (графическое и / или звуковое) или, другими словами, структурное сходство, которое сопровождается содержательными (функциональными) различиями. Например, категория артикля – общероманская универсалия, но категориальные оттенки значения, реализуемые этой категорией в отдельных романских языках, составляют их частную специфику [Сравнительно-сопоставительная 1972: 341].

Введение в оборот типологических исследований категории различий существенным образом изменяет и усложняет процедуру сравнения языков. Во-первых, появляется целенаправленный интерес к содержательной стороне сравниваемых языковых явлений. Этот подход известен в языкознании как подход «от формы – к значению (содержанию)» или от «средств – к функциям». Во-вторых, меняется направление исследования,

под которым в данной работе понимается его движение от общего к частному или от частного к общему.

Движение сравнительного исследования от частного к общему (т. е. поиску универсалий, структурных или содержательных сходств) или от общего к частному зависит от состояния изученности общих вопросов типологии при сравнении конкретных языков. Так как для романских языков, например, инвентарь грамматических универсалий в основном выявлен, а понятийные категории более или менее однотипны во всех языках, универсалии могут быть приняты в качестве «данного», а не «искомого». Именно такой подход – от общего к частному – дает возможность сосредоточиться на различиях между языками [Репина 1996: 9].

Если процесс сравнения от частного к общему приводит к выявлению разного типа сходств, а движение исследования от общего (сходств) к частному ведет к выявлению различий, следовательно, различия / несходства – это всегда частное по отношению к сходствам. Таким образом, «типологические различия» однозначно предполагают их меньшую степень обобщенности, их меньший «удельный вес» в типологических исследованиях по сравнению со структурными сходствами. Интерес лингвистов к различиям знаменует отход от изучения формы языковых единиц и все большее погружение в содержательную сферу языковой семантики. Представляется важным далее проанализировать, как коррелируют содержание и форма в типологических различиях, можно ли выявить разновидности типологических различий и установить определенную динамику в движении исследовательской мысли от общего к все более частному, от формы – к содержанию.

По мнению Р. А. Будагова, между языками существует два типа расхождений: 1) та или иная категория «может быть, а может не быть»; 2) данная категория есть, но наблюдаются различия в ее использовании [Будагов 1985: 150]. Неблизкородственные языки часто характеризуются первым типом типологических различий: у них могут отсутствовать те или

иные грамматические конструкции, например перфект или грамматическая категория детерминации. Так, в романских языках категория детерминации (категория определенности-неопределенности) является грамматической, основным средством ее выражения выступает артикль. В русском языке – это смысловая (понятийная) категория. И в этом – существенное структурное и, соответственно, типологическое различие русского и романских языков [Репина 1996: 65]. Следовательно, одним из важных типов различий является *структурное различие*, характеризующееся по отсутствию – наличию грамматических средств выражения (формы, в нашей терминологии) схожего содержания в разных языках. Процедура сравнения языков при наличии структурных различий между ними является инструментом более глубокого понимания обоих сравниваемых языков. Ярким примером может быть сравнение русского и английского (как и других западноевропейских) языков по вопросам выражения в них грамматической категории аспектуальности. Как известно, аспектуальность является специфической проблемой русского языка. Однако сравнение способов выражения тонких оттенков аспектуальности, не свойственной английскому языку, с русским языком позволяет «увидеть» то, что практически невозможно при изучении как русского, так и в особенности английского языков без сравнения [Контрастивная 1984: 27]. Так, сравнение русских видовых конструкций типа (1) *Читайте книги!* и (2) *Прочтите книги!* с их английскими эквивалентами (1a) *Read books!* и (2a) *Read the books!* помогает выявить тот факт, что в первом случае мы имеем дело с пожеланием, в котором не имеются в виду никакие конкретные книги, а во втором, напротив, это, скорее, повеление прочесть какие-то определенные книги. Эта смысловая особенность, имплицитно представленная в русских видовых конструкциях, эксплицирована в соответствующих английских предложениях с помощью определенного артикля [Аркадьев 2010: 5].

Второй тип различий, отмеченный Р. А. Будаговым (изучаемая категория есть в обоих сравниваемых языках, но наблюда-

ются различия в ее использовании), чаще выявляется при сравнении близкородственных языков. Так, изучение грамматической категории вида в славянских языках приводит исследователей к выводу, что при всем сходстве формальных способов выражения данной категории, в их употреблении наблюдаются существенные различия, позволяющие разделить славянские языки на две большие группы в зависимости от особенностей употребления видов [Аркадьев 2011: 8]. Этот тип различий можно назвать *содержательным различием*. Выявление подобных различий между языками основывается на наличии сходных грамматических форм, отталкиваясь от которых исследователь вскрывает содержательные различия в их употреблении.

Как показывает проведенный анализ, при целенаправленном изучении различий между языками сходства, естественно, выявляются и играют свою роль. Попробуем проанализировать два основных типа различий, а также сходств между языками с точки зрения корреляции формы и содержания в них. Если в процессе сравнения обнаруживается, что та или иная грамматическая категория отсутствует в одном из языков, результатом этого является установление структурных различий, выявляемых на основе наличия – отсутствия грамматической формы. На этом процедура сравнения может быть и закончена. Однако ученых, как правило, интересует другой вопрос, вытекающий из полученного результата: есть ли в сравниваемых языках способы для передачи схожего содержания, но с помощью разноразличных средств. Логично предположить, что наличие структурных различий между сравниваемыми языками подразумевает определенную общность в содержании, передаваемом другими языковыми единицами относительно грамматической категории, от которой отталкивается исследователь. Для этого нужно хорошо изучить содержание, передаваемое грамматической категорией. Следовательно, содержание грамматической категории играет важную роль в выявлении структурных различий между языками. Однако очевиден приоритет грамматической формы в сравниваемых языках при определении

направления исследования. Наличие грамматической формы (с определенным свойственным ей содержанием) в одном языке является важным фактором для начала поиска сходного содержания в другом языке, выражающегося, однако, другими, не грамматическими языковыми средствами. Отсюда следует, что при наличии структурных различий между сравниваемыми языками направление исследования идет «от формы – к содержанию»: $\Phi \rightarrow C$ при условии, что $\Phi 1 \neq \Phi 2$, а $C 1 = C 2$ (где Φ – форма, C – содержание, стрелка указывает на направление исследования, а цифры указывают на сравнение двух языков).

Естественно ожидать, что сходство в содержании сравниваемых языков при наличии структурных различий будет относительным. Так, исследователи отмечают, что в русском языке по сравнению с английским особенно «скупое» представлено содержание, которое соответствует семантике определенного артикля в английском языке [Диалектика 1999: 216]. При этом важным заключительным этапом исследования является установление тех языковых средств, которые в той или иной степени способны передавать схожее содержание в языке, в котором грамматическая категория отсутствует. Законченный вид исследование принимает при прохождении трех этапов исследования: «от формы (грамматической категории) – к содержанию и от содержания – к форме (разноуровневым средствам выражения)»: $\Phi 1 \rightarrow C \rightarrow \Phi 2$.

Второй, содержательный, тип различий также предполагает направление исследования от формы к содержанию: $\Phi \rightarrow C$ при условии, что $\Phi 1 = \Phi 2$, а $C 1 \neq C 2$. При этом содержательные сходства не исключены, а чаще всего преобладают, как в случае с категорией вида в славянских языках, где во всех языках существует противопоставление совершенного и несовершенного вида, видовые формы глаголов легко переводятся с одного языка на другой [Аркадьев 2010: 8]. Однако наличие сходных моментов как в форме, так и в содержании сравниваемых языковых явлений обостряет интерес исследователей к несходному, нетипичному, делает поиск различий преобладающей целью исследования и в содержании, и в форме исследуемых языковых явле-

ний. Так как различия в содержании неизбежно связаны с особенностями организации плана выражения, можно утверждать, что при выявлении содержательных различий между языками важным заключительным этапом исследования является выявление нюансов в форме. Так, наличие времен имперфекта и аориста в болгарском языке является важным фактором для содержательных различий с русским языком при выражении видовых значений глаголов [Там же: 8]. Следовательно, законченный вид исследования приобретает, как и в случае с выявлением структурных различий, при прохождении трех этапов: $\Phi 1 \rightarrow C \rightarrow \Phi 2$.

Проведенный анализ показал, что оба типа различий в равной степени основаны на корреляции формы и содержания изучаемых языковых явлений. Оба типа различий устанавливаются в результате применения подхода «от формы – к содержанию». В них обеих форма есть то общее, отталкиваясь от которого выявляется специфика – частное от общего. При этом структурное различие по своей сути является типологически существенным различием. Второй, содержательный, тип различий представляет типологически несущественное различие, так как не влияет на определение типа языка и не является предметом изучения типологии в полном смысле этого слова. Следовательно, структурное различие является различием более общего характера, так как непосредственно связано с определением языкового типа. Не случайно с точки зрения противопоставления наличия – отсутствия грамматической категории вида славянские языки выделяются в типологически особую группу языков, так как при строгом подходе к грамматике категория вида свойственна лишь структуре глагола славянских языков, чем они существенно отличаются от всех других [Волостнова 2008: 65]. В отличие от структурных содержательные различия носят внутриязыковой характер, касаются более частных проблем функционирования и организации определенного языка.

Изучение работ лингвистов-типологов убеждает в том, что между языками можно выделить и другие типы различий. Обратимся к исследованиям В. Д. Аракина, занимавшегося разработ-

кой типологических паспортов для языков мира. Как и многие типологи этого периода он различает *языковой тип* (устойчивую совокупность ведущих признаков языка вне какой-либо связи с конкретным языком) и *тип (отдельного) языка* (устойчивую совокупность ведущих признаков языка, по которым можно судить о наиболее характерных особенностях данного языка) [Аракин 1989: 12]. Продемонстрировать оба явления можно с помощью табл. 3 (стр. 57), составленной на основе ведущих структурных признаков сравнения языков, предложенных ученым.

Это образец типологической классификации языков по структурным признакам, которые играют роль структурных сходств. Лингвистическая типология, отмечает автор, исследует случаи сходств и различий в структуре языков, которые носят *общий* характер и, следовательно, охватывают широкий круг однородных признаков [Там же: 6]. В. Д. Аракин выделяет семь основных структурных признаков или критериев сравнения языков, как это показано в табл. 3. Каждый из этих признаков лежит в основе выделения того или иного языкового типа в рассматриваемых языках. С их помощью выявляется, например, группа языков, в которых наличествует флексия (как в русском, английском и исландском); языки, в которых имеется фузия (как в русском языке); языки, для которых характерен суффиксальный способ образования слов (как в русском, исландском, турецком) и т. д.

В отличие от языкового типа тип языка основан на комбинации лишь ряда ведущих структурных признаков. Каждый язык является уникальным сочетанием этих признаков. Так, русский язык характеризуется набором пяти типологических признаков, выраженных в структуре языка в разной степени, что и отражено в типологическом паспорте этого языка. Два других общих структурных признака не являются его ведущими типологическими чертами, следовательно, этим русский язык структурно отличается от других языков. Таким образом, каждый язык характеризуется особой комбинацией структурных сходств и различий с другими языками.

Таблица 3 – Структурные признаки определения типов языков
в классификации В. Д. Аракина

<i>Языки</i>	<i>Наличие флексии</i>	<i>Наличие фузии</i>	<i>Суффиксальный способ образования слов</i>	<i>Префиксальный способ образования слов</i>	<i>Примыкание</i>	<i>Согласование</i>	<i>Управление</i>	<i>Языковой паспорт / тип языка (комбинация ведущих структурных признаков для того или иного языка)</i>
Русский	+	+	+	+	–	+	–	Флективно-фузионный, суффиксально-префиксальный с сильно развитым согласованием в знаменательных частях
Английский	~	–	~	~	+	–	–	Слабо флективный с преобладанием признаков агглютинативного типа и примыканием, отсутствие фузии на стыках морфем
Исландский	+	–	+	+	–	+	+	Флективно-синтетический с отсутствием фузии, суффиксально-префиксальный с согласованием и управлением
Турецкий	–	–	+	–	+	–	–	Агглютинативный, одноморфемный, суффиксальный с примыканием и четкими морфемными швами

Следует отметить, что в связи с тавтологичностью терминов *языковой тип* и *тип языка* в типологических исследованиях они не закрепились как смысловозначительные. Тип языка в понимании В. Д. Аракина изучается так называемой лингвистической характерологией, возникшей в процессе совершенствования типологических исследований. В отличие от универсологии, задача характерологии – описать существенные особенности данного языка в синхроническом плане [Конецкая 1993: 25].

И тип языка, и языковой тип, описанные выше, – не универсалии, построенные на максимальном учете сходных признаков между всеми языками мира. Это более частные классификации языков. Поскольку абсолютные универсалии не дают возможности выявить специфические признаки отдельных языков или групп языков, приходится признать, что большее значение для типологии приобретают те явления и факты лингвистического характера, которые представлены не во всех, а в подавляющем большинстве языков [Аракин 2005: 26]. Именно к таким более частным специфическим явлениям и относит В. Д. Аракин отмеченные выше семь структурно значимых признаков языковых типов.

Универсалии, таким образом, представляют самую обобщенную характеристику всех или подавляющего большинства языков мира. По отношению к ним понятия языкового типа и типа языка являются более частными типологическими категориями, основанными на корреляции структурных сходств и различий. Важно помнить о наличии единства общего и индивидуального в понятии «тип». Единичное и общее не существуют отдельно друг от друга, но образуют неразрывное единство [Там же: 13]. Нетрудно при этом заметить, что понятие языкового типа представляет более обобщенную характеристику языковых особенностей, чем понятие типа языка. Тип языка в понимании В. Д. Аракина – своеобразная комбинация «плюсов» и «минусов», которая предполагает структурные сходства и структурные различия между языками при их сравнении по универсальному набору структурных критериев.

Подчеркнем, что при определении языкового типа и типа языка речь идет о структурных, формально выраженных сходствах и различиях, о сходствах и различиях в языковой форме. Это направление сравнения от «формы – к форме». Либо форма в сравниваемых языках совпадает, и тогда делается вывод о наличии структурных сходств, либо форма не совпадает, и тогда выявляются структурные различия. Речь не идет о направлении исследования от формы к содержанию, либо, наоборот, от содержания – к форме, так как языковое содержание в явном виде в определении языкового типа и типа языка не участвует.

Кроме этого, как структурные сходства, так и структурные различия этого типа имеют «силу» только при рассмотрении их в комплексе. При всем различии между отдельными языками все языки имеют глубокое внутреннее сходство: они представляют собой разновидности одного и того же особого общественного явления – человеческого языка вообще. Следовательно, в каждом отдельно взятом языке повторяются общие черты, принадлежащие ряду языков и выступающие как то общее, что свойственно всем языкам вообще и каждому языку в частности.

Из сказанного следует, что структурные сходства, как и структурные различия, выделяемые в типе языка, являются обобщениями многих частных случаев. Так, отсутствие согласования в синтаксической связи является важной характерной чертой английского и турецкого языков, что очевидно из табл. 3. Это их структурное отличие от других языков и в то же время особая типологическая черта, объединяющая их.

Важно также подчеркнуть, что выявление типов языков происходит не при сравнении одного конкретного языка с другим, а при сравнении каждого из изучаемых языков с неким эталоном или эталонным языком, в котором все рассматриваемые структурные признаки сравнения представлены. В табл. 3 такой эталонный язык характеризуется всеми семью типологическими признаками сравниваемых языков в горизонтальной части таблицы. Типологи полагают, что научное описание языка, определение его типологии не будет носить безусловный харак-

тер, если сравнение будет происходить относительно двух сравниваемых языков. Сравнение двух языков, например родного и иностранного, всегда относительно, так как сравнение родного языка с другим иностранным языком даст, скорее всего, совершенно отличные результаты. Поскольку в языке-этalone представлено лишь все то общее, что свойственно многим языкам мира, его можно рассматривать как некоторый типологический инвариант, от которого можно отталкиваться при установлении типологии различных языков [Там же: 30–32].

В типологии хорошо известны понятия изоморфизма, т. е. сходства (подобия или параллелизма) отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, ее составляющих, и алломорфизма, т. е. разнотипности структуры языковых единиц, составляющих изучаемый уровень. Следует подчеркнуть, что изоморфизм и алломорфизм структур отдельных языков устанавливается в первую очередь именно относительно языка-эталоны, а не относительно двух-трех отдельно взятых языков.

Таким образом, напрашивается вывод, что структурные различия, характерные для разных типов языков, являются различиями более общего характера, чем структурные различия, которые выявляются относительно двух конкретных языков при направлении исследования от формы – к содержанию. Структурные различия этого типа, в свою очередь, отличаются от содержательных различий более общим и типологически существенным характером.

Проведенный анализ показывает наличие определенной последовательности в развитии взглядов лингвистов на категорию индивидуального (различного, несходного) в сравнительном языкознании. Первый важный вывод свидетельствует о том, что индивидуальное не существует без общего, вместе с которым оно составляет динамическое целое. Длительная история развития сравнительного языкознания позволяет описать динамику сравнительных исследований от поиска полных структурных сходств к содержательным различиям как *шкалу*, демон-

стрирующую изменение предмета исследования типологии в направлении от общего и максимально сходного к частному и все более различному. По мере движения вправо по шкале наблюдается уменьшение роли структурных сходств и усиление роли содержательных различий между сравниваемыми языками: *полные структурные сходства* (универсалии) → *частичные структурные сходства* (языковой тип, эталон языка) → *структурные сходства* и *структурные различия* (тип языка по отношению к языку-эталону) → *структурные различия* (при определенной общности содержания двух сравниваемых языков) → *содержательные различия* (при общности формы, т. е. при структурных сходствах двух сравниваемых языков).

Изучение различий, как структурных, так и содержательных, свидетельствует об отходе от «классического» предмета исследования в типологии. Поиск содержательных различий, по причине их меньшей обобщающей силы, еще больше отдаляет процедуру сравнения от традиционного предмета изучения типологии. Переход от структурных сходств к структурным различиям и, далее, к содержательным различиям – это качественный переход, важный для выявления тонких поступательных движений от традиционной структурной типологии к континентивной типологии, приближающейся к контрастивной лингвистике. Это движение на пути к углублению познания языков через изучение не столько структурных сходств, сколько содержательных различий между ними. В направлении анализа от общего к частному, через структурные сходства к содержательным различиям проявляется поступательное движение сравнительных исследований.

Можно ли продолжить этот ряд постепенных количественно-качественных переходов от общего к частному? Безусловно. Помимо универсалий, находящих отражение в морфологии и синтаксисе, т. е. грамматических категорий, существуют универсалии сознания или, как их называет И. И. Мещанинов, понятийные категории. Понятийные категории – смысловые компоненты общего характера, свойственные не

отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами [Языкознание 1998: 385]. К таковым относятся, например, понятия субстанции у имени, процессы действий и состояний у глагола [Репина 1996: 7], понятия причины, следствия, цели, условия, субъекта, предиката, объекта, атрибута и т. д. [Мечковская 2004: 87]. Это разноуровневые образования, в которых общее мыслительное (понятийное) содержание выражается грамматическими, лексическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, грамматико-контекстуальными и контекстуальными средствами [Бондарко 1983: 36]. Ярким образцом подобной категории является сама категория сравнения, которая выражается в языках мира морфологическими, синтаксическими, лексическими и др. средствами [Анохина 2008].

Вовлечение понятийных категорий в предмет сравнительных исследований языков существенным образом повлияло на глубину понимания отношений формы и содержания языковых единиц. Факт того, что одной и той же мыслительной содержательной структуре соответствует несколько разных структур языкового содержания, позволяет сделать вывод: между мыслительным и языковым содержанием отсутствует изоморфизм [Бондарко 1983: 73]. Изменяется и подход к исследованию, которое движется от (общего) содержания к форме (представленной разноуровневыми языковыми единицами). Однако «в чистом виде» направление описания «от содержания к форме» выступает лишь до тех пор, пока анализ сводится к систематизации формальных средств, относящихся к данной семантической области, подчеркивает А. В. Бондарко. Как только возникает необходимость субкатегоризации внутри данной семантической категории, становится неизбежным обращение к значениям конкретных языковых средств. Этот этап исследования связан уже с подходом «от формы – к значению» / «от средств – к функциям» [Бондарко 1984: 14]. Так или иначе, при попытке выявить характер соотношения мыслительного и языкового, т. е. оформ-

ленного определенными языковыми средствами содержания, выявляется потребность синтеза подходов от значения и от формы. Исследование строится в направлении «содержание → форма → содержание»: $C \rightarrow \Phi \rightarrow C$.

Представленную выше шкалу (стр. 61) можно продолжить, показав, что с появлением в сравнительном языкознании такого предмета исследования, как понятийные категории, ученых стали интересовать не только различия, но и сходства содержательного характера: ... *содержательные различия* (при общности формы, т. е. при структурных сходствах двух сравниваемых языков) → *содержательные сходства* (понятийные категории) → *структурные различия* (разноуровневые средства выражения общего содержания в сравниваемых языках) → *содержательные различия* (свойственные разноуровневому языковому единицам сравниваемых языков, выражающим общее понятийное содержание).

В этой шкале сохраняется движение исследования от «общего – к частному». Поэтому содержательные различия, выявляемые между языками при общности формы, т. е. при выражении исследуемого содержания одноуровневыми средствами, существенно отличаются от содержательных различий, выявленных при функционировании разноуровневых языковых единиц. Общность формы предполагает большой удельный вес содержательных сходств между сравниваемыми языками, как в случае с перфектом в так называемых перфектных языках. Движение по шкале вправо с ослаблением роли формы в передаче сходного содержания увеличивает удельный вес несходств, углубляет изучение семантики языковых единиц, которая представляет интерес своими нюансами, обертонами, полутонами.

Где же на этой воображаемой шкале «заканчивается» типология и начинается контрастивная (сопоставительная) лингвистика? Установление относительно сходного содержания при отсутствии одноуровневых формальных способов его передачи не является, по мнению многих ученых, предметом типологии в традиционном понимании. Как подчеркивает В. Д. Аракин,

в типологии сравнение идет по уровням и сопоставляться должны однородные величины [Аракин 1989: 54]. Этот факт отмечается и в более ранних работах известных типологов: «Для типологии важна не номенклатура единиц, а особенности системы взаимных отношений между единицами *одного уровня*. Эти особенности и составляют предмет типологии» [Рождественский 1969: 65]. Следовательно, в «чистом виде» типологическое исследование имеет направление «от формы – к форме» или «от содержания – к содержанию», о чем уже шла речь выше. Однако в практике сопоставительных исследований нет единства мнений в том, является ли сравнение от содержания к форме (и наоборот) типологическим или контрастивным исследованием. Решается этот вопрос формально, например, разграничением исследований от содержания к форме как типологических, а от формы к содержанию – как контрастивных (например, см. [Конецкая 1993: 37]). Отсутствие реальных четких границ между обоими типами исследований подтверждается тем, что в других работах подход от содержания к форме рассматривается как контрастивный [Контрастивная 1984: 34]. В. Н. Ярцева, анализируя роль данных подходов в результатах сравнения языков, полагает, что они оба являются важными элементами контрастивных исследований. Объясняет она это тем, что только при учете синтеза обоих подходов в зону контрастивного исследования вовлекаются как структурные, так и содержательные черты сравниваемых языков [Ярцева 1981: 38].

Проведенный анализ показывает, что, независимо от подхода к исследованию материала от формы или от содержания, все сравнительные исследования последних лет характеризуются направлением исследования от общего – к частному. Общим может выступать как форма, так и содержание, отталкиваясь от которого исследователь погружается во все более тонкие специфические проявления как формальной, так и содержательной организации языков.

Другим немаловажным выводом является факт, что для получения законченного вида сравнительное исследование должно пройти три этапа, которые синтезируют подходы от формы и от содержания. Их можно представить как движение от (общего) содержания к форме (совокупности разнородных, разноуровневых средств выражения этого содержания в разных языках) и от формы – к содержанию (индивидуализированному, уточненному представлению общего содержания). Схематично $C \rightarrow \Phi \rightarrow C$ при условии, что, как правило, $\Phi_1 \neq \Phi_2$, т. е. при отсутствии полных структурных сходств в сравниваемых языках. Либо от общей формы – к различиям в содержании, которые зафиксированы в ряде формальных различий между сравниваемыми языками: $\Phi \rightarrow C \rightarrow \Phi$.

Ряд постепенных количественно-качественных переходов от общего к частному, от формы – к содержанию и от содержания – к форме можно продолжить далее, если привлечь к результатам сравнения языков лексико-семантический уровень. Ученые подчеркивают, что для уяснения типа языка исследователь должен отсеять все *специфически индивидуальное*, что имеется в данном языке или группе языков [Аракин 1989: 7]. Следовательно, в данной шкале, отражающей результаты сравнения, главным образом, грамматического уровня языков, в полной мере не отражены «специфически индивидуальные» особенности языков, которые, как представляется, вскрываются в основном при изучении слова как носителя лексического, а не грамматического значения.

Почему «формальный», или «структурный», анализ слова, а не слово как отдельный лексико-семантический уровень языка стал определяющим для типологических исследований? Хорошо известно мнение А. А. Реформатского о том, что тип языка, его характер определяется не лексикой: она слишком непрочна и легко переходит из одного языка в другой. Характер и тип языка определяется, прежде всего, его морфологией [Широкова 2006: 73]. Изучение лексики – выход в исследование языкового сознания / вербального мышления носителей сравниваемых

языков. Это их «языковая реакция на объекты и отношения в окружающем человека мире и к структурному типу самих языков отношения не имеет» [Репина 1996: 206]. Из чего следует, что лексика как система содержательных величин, как самостоятельный лексико-семантический уровень, а не средство установления фонетических, морфологических типов структур сравниваемых языков помогает исследовать более тонкие различия между языками, менее существенные с точки зрения типологического метода, хотя важные для выявления «индивидуально специфического».

Глубокие национальные черты проявляются даже в синтаксисе, но прежде всего в лексике и фразеологии [Будагов 1985: 130]. Говоря о социальной природе языка, в первую очередь имеют в виду лексику, разные условия развития литературных языков, взаимодействие с диалектами, явление билингвизма. Связь же грамматики с социальной природой языка – непрямая. Интересный пример наличия такой связи приводит Р. А. Будагов на материале романских языков. Он считает, что ограничение / неограничение части лексики определенным артиклем является результатом проявления мировоззренческих оснований средневекового человека. Так, отсутствие определенных артиклей в старых романских текстах с такими словами, как «солнце, луна, земля, бог, любовь, император» и т. д., свидетельствует о том, что с точки зрения средневекового человекоопределенная группа слов не нуждается в такой детерминации. Нельзя выравнивать такие слова, как «стол, дом и император, всевышний, господин» [Будагов 1985: 145].

Сравнительные исследования грамматики с целью выявления национально специфических черт не единичны, но гораздо менее распространены, чем сравнение лексики с этой же целью (см., например, исследования по контрастивной грамматике [Wierzbicka 1991; Селиверстова 2004]). Думается, что объяснить это можно тем фактом, что наличие той или иной грамматической категории – важный типологический признак языка. Именно поэтому сравнительные исследования грамматики

потенциально отличаются большей степенью обобщенности результатов сравнения, даже при выявлении явных содержательных различий между теми или иными сходными грамматическими структурами разных языков. Об этом свидетельствуют результаты практически всех сравнительных исследований, проведенных на уровне грамматики.

Другое дело – исследование в сравнительном плане лексики. По большому счету, сравнение лексической семантики разных языков позволяет продолжить представленную выше шкалу постепенных количественно-качественных переходов от более-менее общего в языковой форме и лексической семантике к все более частному, практически трудно сопоставимому. На одном конце этой шкалы можно расположить интернациональную лексику. Как известно, для получения статуса интернациональной лексики необходимо, чтобы лексические единицы имели сходство в нескольких (достаточно трех) языках по четырем признакам: сходство в графическом, фонетическом и, как правило, семантическом отношениях, наличие общего этимона [Кочурова 2010: 6]. Благодаря этому пласту лексики можно легко определить значения интернациональных слов из незнакомого языка, например испанского: *avance*, *balance*, *vagón*, *galleria*, *delicado*, *idiota*, *interes*, *carrera* и др.

На другом конце нашей воображаемой шкалы расположится безэквивалентная лексика. К данному типу относятся слова, семантика которых соотносится с обозначением специфических для определенной культуры реалий. И реалии, и слова, их обозначающие, являются уникальными, единственными в своем роде, поэтому их в принципе не с чем сопоставлять или сравнивать [Манакин 2004: 138]. Например, рус. *сарафан*, укр. *трембита*, серб. *коло*, англ. *pie*, фр. *vingt quatre heures*, нем. *Eintopf* и т. д. Следовательно, как форма слова – его графическая и звуковая оболочка, так и его лексическое значение являются «пустым звуком» с позиций другого языка, другого языкового сознания, которому «не за что зацепиться», чтобы понять его.

Однако этот предел, которого достигает безэквивалентная лексика по отношению к форме и содержанию как основным коррелирующим факторам сравнения языковых единиц в разных языках, также очень относителен. Во-первых, выделяются несколько разновидностей безэквивалентной лексики. Большую ее часть составляют слова, попавшие в эту группу только потому, что соотносятся не с отдельными словами в другом сравниваемом языке, а со словосочетаниями: укр. *падолист* – рус. *опавшая листва*; рус. *сутки* – англ. *twenty four hours*; серб. *забавник* – рус. *газета, журнал развлекательного содержания* и т. д. Во-вторых, сюда же относятся и слова, значения которых, т. е. понятия, связанные с ними, в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне, но при необходимости могут быть пояснены при помощи языка. Так, в русском литературном языке нет слов, соотнесенных по значению с укр. *ступак* «загнутый верхний край лопаты». Но это не говорит о специфичности данного понятия в украинской языковой культуре: оно осталось незамеченным русским языком, но не сознанием [Там же: 148]. И, в-третьих, безэквивалентность как явление касается, как правило, только двух языков. Нередко относительно третьего (четвертого) языка безэквивалентное становится вполне эквивалентным. Так, русские слова *квас*, *кириллица* безэквивалентны по отношению к английскому или французскому языкам, но не по отношению к украинскому, белорусскому, болгарскому [Там же: 139].

Отдельным направлением в изучении различий между языками является поиск причин их вызывающих. В общем и целом ученые рассматривают два типа причин. Первый тип кроется «в самих языках»: в истории развития языков, их контактов с другими языками, в особенностях языкового типа, преобладающего в том или ином языке. К таковым причинам относят расхождения между сравниваемыми языками типологического, генетического или ареального характера [Конецкая 1993: 3; Широкова 2006: 194 и др.]. Думается, что все эти причины указывают на структурные (формальные) различия между языками. Наибольший интерес у ученых

вызывает систематизация второго типа причин, обуславливающих содержательные расхождения между языками. Эти причины систематизируются с помощью когнитивного подхода, направленного на изучение взаимоотношения языка и культуры, языка и менталитета нации, говорящей на данном языке. На данный момент выделено четыре разновидности причин, приводящих к содержательным различиям между языками: 1) различия в естественных условиях обитания людей; 2) различия в темпах научного познания у разных культур; 3) различия в формах коммуникаций разных культурных сообществ; 4) различия в категоризации мира, осуществляемой мышлением [Шафиков 2008: 6–7]. Как соотносятся причины, ведущие к формальным различиям между языками, с причинами, обуславливающими содержательные различия между ними, – вопрос, на который современная лингвистика лишь только готовится ответить.

Подводя итог проведенному анализу соотношения сходств и различий на основе корреляции формы и содержания языковых единиц, можно сделать вывод, что сходства и различия между разными языками образуют диалектическое единство. Их изучение вскрывает наличие ряда переходных случаев, свидетельствующих о том, что между формой и содержанием сравниваемых языковых явлений нет жестких пограничных линий. Все это является показателем существования определенного механизма взаимодействия сходств и различий как проявления диалектического единства формы и содержания языковой материи, о чем более подробно речь пойдет в следующем разделе.

1.4. Механизм взаимодействия сходств и различий

1.4.1. Сходства и различия как динамическое целое

Сходства и различия между разными языками образуют динамическое целое, которое можно представить в виде шкалы. На одном ее конце сгруппированы максимальные сходства структурного типа, а на другом – максимальные содержательные различия между языками, по которым можно судить об индивидуально-специфическом в сравниваемых языках. «Переливание», переход одного в другое, является плавным, с массой переходных случаев, что демонстрируется результатами изучения разных уровней языка.

Кроме этого, очевидно, что изучение сходств в большей степени связано с анализом формы (так называемых структурных сходств), а изучение различий позволяет глубже проникнуть в содержание языковых единиц. При этом как между сходствами и различиями, так между формой и содержанием существует диалектическое единство, глубокая взаимосвязь, показать которую схематично можно с помощью следующей двунаправленной шкалы на рисунке 1:

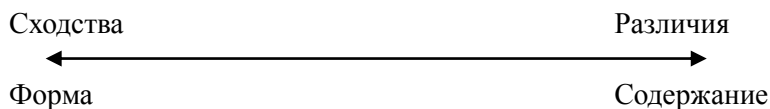

Рисунок 1 – Шкала корреляции сходств и различий

Встает вопрос: можно ли выделить некие информативные блоки на данной шкале, которые более наглядно организуют ее пространство, частично объединяя и разъединяя ее на основе определенных критериев. Думается, что да: данную шкалу условно можно разделить на три основных отрезка в зависимости от роли сходств и различий в результатах сравнения языков. В соответствии с философскими категориями всеобщего, общего и единичного [Философия 2006: 130] первую часть шкалы можно условно назвать ступенью всеобщего в сравниваемых

языках, вторую – степенью общего (особенного, в другой терминологии), выявляемого в сравниваемых языках, и третью часть шкалы можно назвать степенью единичного (специфического, в другой терминологии) как результата выявления сугубо национально-специфических черт сравниваемых языков:

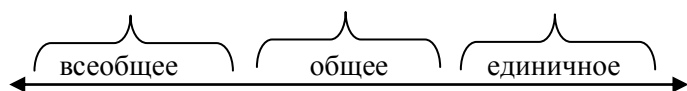

Рисунок 2 – Организация пространства шкалы по степени общности результатов сравнения языков

Всеобщие закономерности, выявляемые при сравнении языков, относятся к универсалиям – структурным сходствам самого общего уровня абстракции между сравниваемыми языками. Условно этот уровень структурного сходства можно представить моделью $Я1 = Я2 = Я3 = \dots$, которая демонстрирует необходимость привлечения максимального количества языков для выявления межъязыковых универсалий.

Общность между языками, в отличие от всеобщности, характеризуется примерно одинаковым соотношением роли сходств и различий в процессе сравнения языков. С точки зрения всеобщего это частное от всеобщего, т. е. различное по сути, но характеризующееся высокой степенью обобщенности. Причина этого в том, что сходства и различия общего (структурного) характера между языками устанавливаются на основе учета типологически существенных (структурных) признаков, в которых несходство языков по одним из них не мешает проявлению черт сходства между сравниваемыми языками по другим структурным признакам. К блоку «общего», на наш взгляд, относятся сходства и различия содержательного характера, о которых писал Р. А. Будагов, так как они являются результатом выявления различий (частного) при сравнении языков по тем же типологически (структурно) существенным признакам. Однако, являясь различиями, выявленными на основе сравнения структурных признаков, содержательные признаки сравнения языков

позволяют углубиться в более детальное сравнение языков и в блоке «общего» займут место ближе к правой части шкалы.

Общность, в отличие от всеобщности, проявляется уже на ограниченном количестве сравниваемых языков, что можно продемонстрировать с помощью модели $Я1 \neq Я2 = Я3...$, подчеркивающей, что несходство с одним языком при сравнении с другим языком может обнаружить потенциальное сходство.

Третья часть шкалы объединяет результаты исследований, основанных на поиске содержательных различий, которые выявляются вследствие целенаправленного поиска частно-специфического, *единичного* в сравниваемой паре / тройке языков: $Я1 \neq Я2 \neq Я3$. Это своеобразный «остаток», дающий представление о самых тонких, специфических чертах сравниваемых языков. Продemonстрировать результаты распределения шкалы по информационным блокам можно с помощью следующей таблицы:

Таблица 4 – Корреляция сходств и различий по степени общности результатов сравнения

всеобщее	общее		единичное
+	+/-	+/-	-
структурные сходства	структурные сходства / содержательные различия	содержательные сходства / структурные различия	содержательные различия
$Я1 = Я2 = Я3 = ...$	$Я1 \neq Я2 = Я3$		$Я1 \neq Я2 \neq Я3$

Важно подчеркнуть, что точно установить границы между этими частями шкалы практически невозможно, потому что переходы от одной части к другой не совершаются «прыжком», они постепенные, поступательные. Как хорошо известно типологам, далеко не все универсалии являются абсолютными, т. е. присущими всем языкам мира. Описано немало универсалий разной степени общности (так называемые статистические универсалии), следовательно, многие из них будут очень

тесно соприкасаться с частью шкалы, соответствующей «общему». Точно так же граница между «общим» и «единичным» не является четкой, однозначной. Ведь и лексика большей своей частью демонстрирует множество сходных черт между языками, как по форме, так и по содержанию. Возьмем для примера огромный пласт интернационализмов в разных языках, терминов, родственных слов, которые при наличии определенных содержательных различий, безусловно, характеризуется большим содержательным и даже формальным (графическим) сходством.

Где же заканчивается типология и начинается контрастивная лингвистика (КЛ)? Очевидно, не в части шкалы, соответствующей всеобщему в языках. Сложности начинаются при анализе двух других частей шкалы. Анализ позиций разных авторов позволяет прийти к заключению, что место КЛ на данной, хотя и абстрактной, но объективно существующей, шкале обуславливается, как и следует ожидать, двумя возможностями. КЛ для одних авторов имеет прямую связь с типологией и потому соответствует уровню «общего» на нашей шкале. Чтобы отделить ее от «всеобщего», многие авторы выделяют общую и частную типологию, и именно частная типология фактически сливается с КЛ. Так, А. В. Широкова уточняет в своем определении: «частная типология (контрастивная типология)» [Широкова 2006: 73]. Эта позиция свойственна лингвистам, сравнивающим языки на уровне грамматики (морфологии и синтаксиса) и занимающимся поисками сходств и различий «структурно различающихся систем». Большинство сравнительных работ 80–90 гг. XX в. представлены этой разновидностью КЛ.

В ряде работ последних лет КЛ ассоциируется с правой частью шкалы: ее интересует специфическое, «остаток», который получается в результате углубленного изучения содержательных различий между языками на уровне лексической семантики. В этой интерпретации контрастивная лингвистика сужается до контрастивной лексикологии. Таким образом, при-

ходится констатировать, что сложилось понимание КЛ в широком и узком смыслах. КЛ в широком смысле – это «контрастивная типология», это КЛ, занимающаяся грамматическим уровнем языка. КЛ в узком смысле – сравнительное изучение языкового сознания через лексико-семантический уровень языка, что сближает КЛ с лингвокультурологией, точнее, с ее разделом – сравнительной лингвоконцептологией, поскольку контрастивное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, по существу имеет дело с лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса [Воркачев 2003].

С учетом широкого и узкого понимания КЛ на нашей шкале займет два блока – «общее» и «единичное». Типология также займет два блока – «всеобщее» и «общее». Покажем это на следующем рисунке:

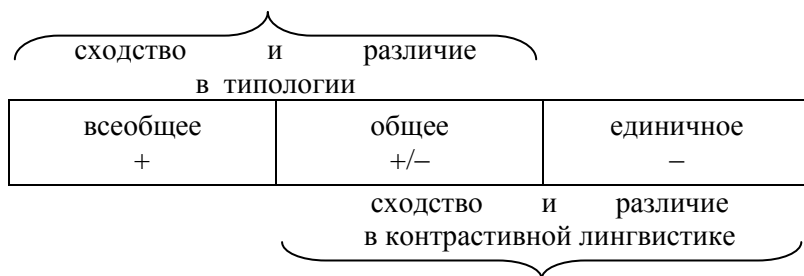

Рисунок 3 – Корреляция сходств и различий в типологии и контрастивной лингвистике

На наш взгляд, предложенная шкала соотношения сходств и различий демонстрирует тот факт, что сходства и различия бывают разной степени обобщенности в зависимости от роли формы (структурных признаков) в результатах сравнения языков. В связи с существованием пересекающихся зон между типологией и КЛ незаметно происходит подмена понятий, когда речь идет о базовых терминах сравнительного языкознания – «сходствах» и «различиях». Так, говоря о различиях, в одном случае

(при широком понимании КЛ) имеют в виду различия, основанные на структурных признаках сравнения, а в другом (узкое понимание КЛ) – на содержательных. Это касается и характеристики «чисто» типологических исследований. Отмечая, что в типологии изучаются как сходства, так и различия, лингвисты не уточняют, какие сходства и различия имеются в виду, и создается впечатление, что речь идет о сходствах и различиях одного уровня абстракции, одного качества.

Поиск различий в языках предполагает, как подчеркивалось выше, направление исследования от общего к частному. «Всеобщее» в нашей шкале соответствует сходствам самого широкого уровня обобщения, например универсалиям или структурным сходствам при установлении языкового типа. «Общее» включает сходное и различное, поэтому оно является частным на фоне «всеобщего». Оно касается процедуры сравнения языков по набору структурно (категориально) значимых признаков, касающихся универсальных черт языков. В связи с этим то, что воспринимается как различие в блоке «общего», проявляется как сходство в процессе поиска содержательных различий между языками, отталкиваясь от которого исследователь ведет поиск самых частных различий, соответствующих блоку «единичного»:

сходство —————> различие / сходство —————> различие

Рисунок 4 – Корреляция сходств и различий
в направлении исследования от общего к частному

Эта особенность корреляции сходств и различий разной степени общности подмечается и другими исследователями. Так, В. Н. Манакин подчеркивает, что если типологический анализ основывается на категориальном сравнении, то контрастивный, *отталкиваясь от категориального* (курсивом выделено нами. – Л. М.), ... позволяет более детально рассматривать межъязыковые расхождения [Манакин 2004: 14]. Из данных наблюдений следует, на наш взгляд, важный вывод о том, что попытка отде-

лить типологию от КЛ по направлению исследования в соответствии с формулами «от формы к содержанию» или «от содержания к форме» не дает результатов, так как при этом не учитывается другой фактор – направление исследования от общего к частному или от частного к общему. Направление сравнения от общего к частному, когда ставится задача поиска различий между языками, отталкиваясь от выявленных (заявленных) сходств, соответствует контрастивному подходу в процессе сравнения языков в самом широком смысле этого слова. Этим сходством, который В. Н. Манакин называет категориальным и которое соответствует блоку «общего» на нашей шкале, может выступать как форма, так и содержание языковых единиц. Поэтому приведенные выше формулы требуют уточнения: от *общей* формы – к *различному* содержанию; от *общего* содержания – к *различным* формам.

Направление исследования от частного к общему, или от различий к сходствам, соответствует типологическому направлению исследования в широком смысле этого слова. Следовательно, являясь двумя сторонами принципиально единого процесса сравнения разносистемных языков на современном этапе их развития, типология и контрастивная лингвистика не имеют четких критериев разграничения как отдельные научные дисциплины. Можно говорить лишь об общем направлении сравнительного исследования, стремящемся акцентировать либо (структурные) сходства (типологический подход), либо (содержательные) различия между языками (контрастивный подход).

1.4.2. От контрастивного анализа – к контрастивному синтезу

Неоднозначность сравнительных исследований, соответствующих центральной части нашей шкалы – «общему», побуждает лингвистов выделить в ней отдельное направление, отличающее его от типологии и контрастивной лингвистики. Попытка соотнести выделенные нами блоки на шкале сходств и различий с классификацией направлений сравнительного языкознания, предложенной И. А. Стерниным (раздел 1.2), приводит к следующему результату:

Таблица 5 – Направления сравнительного языкознания
по степени общности изучаемых закономерностей

<i>Всеобщее</i>	<i>Общее</i>		<i>Единичное</i>
лингвистика универсалий	типология	сопоставительное языкознание	контрастивная лингвистика

Наложение шкалы на классификацию направлений сравнительного языкознания И. А. Стернина показывает, что центральная часть шкалы соответствует так называемому сопоставительному языкознанию в его классификации, цель которого – обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков [Стернин 2007: 15]. КЛ занимает место правой части шкалы и сужается до контрастивной лексикологии, как отмечалось выше, занимающейся поиском содержательных различий между лексическими единицами разных языков.

При всей привлекательности четкого и однозначного разграничения сопоставительной и контрастивной лингвистики на деле этого не происходит. Каждый автор, как показывает наше исследование, решает этот вопрос в определенной степени субъективно. Так, одни авторы относят исследование синтаксических структур к числу контрастивных на том основании, что в результате обнаруживаются довольно большие различия между сравниваемыми языками [Селиверстова 2004: 5]. При этом не уточняются, о каких – структурных или содержательных различиях идет речь. Другие называют исследование лексики сопостави-

тельным, так как ими ставится задача «установления сходств и различий существенных характеристик на основе научного описания, предполагающего системное рассмотрение языковых единиц» [Конецкая 1993: 30]. Третьи зачастую само исследование называют контрастивным, а метод исследования – сопоставительным [Контрастивная 1984] и т. д.

Движение от всеобщего к специфическому как цели межъязыкового сравнения вполне согласуется с общей динамикой социального познания, в котором на современном этапе явления и процессы исследуются, главным образом, со стороны качества и единичного (индивидуального), а не количества и всеобщего [Философия 2006: 316]. Из этого следует, что современное гуманитарное знание, в том числе и языкознание, действительно отдает предпочтение так называемому идеографическому методу в изучении языка и культуры, направленному на анализ особенного и индивидуального, в отличие от генерализирующего метода. Закономерен в связи с этим вопрос, поставленный в начале данного раздела: является ли поиск различий между языками конечным пунктом сопоставительного исследования, тем пределом, дальше которого метод сравнения в языкознании развиваться не может. Конечный результат подобного сравнения, как предупреждают философы, парадоксален, ибо, в конце концов, остаются только различия, ведущие к бесконечному дроблению знаний и закрытости культур. Философы-компаративисты видят выход в создании иных условий отношения частного к всеобщему, чем условия разнонаправленности или взаимного исключения. Попытаемся выяснить, какие предпосылки для дальнейшего развития метода сравнения и, соответственно, все более глубокого познания предмета исследования – языка и культуры имеются в современном сравнительном языкознании. Для этого следует, на наш взгляд, еще раз более внимательно изучить роль сходств между сравниваемыми языками в процессе осуществления контрастивного сравнения, основанного на движении исследования от общего – к частному, от сходств – к различиям.

Очевидно, что в процессе контрастивного исследования сходства играют немаловажную роль. Во-первых, это то, от чего отталкивается исследователь, приступая к процедуре сравнения. Как правило, этот вид сходства называется *tertium comparationis* – «третий член сравнения», т. е. общее между сравниваемыми предметами, основание сравнения или критерий сравнения в разной терминологии. Во-вторых, в результате процедуры сравнения по выбранному критерию, как правило, исследователь выявляет и сходства, и различия между сравниваемыми языковыми единицами. Этот факт вызывает целую серию вопросов, а именно: какую роль играют обнаруженные в ходе контрастивного исследования различия, а какие – сходства; что это за сходства; аналогичны ли они *tertium comparationis* или это принципиально иной вид сходства.

Для иллюстрации того, что может служить *tertium comparationis*, можно привести критерии сравнения лексических единиц, предложенных Ю. Н. Карауловым. Лингвисты полагают, что им составлен самый полный набор подобных критериев (всего сорок наименований) для всестороннего синхронного контрастивного анализа лексики. Приведем ряд из них: орфография слова, графическая длина слова, ударение, произношение, часть речи, грамматический род, морфологическое членение слова, словарное толкование, стилистический параметр, эмоционально-оценочный параметр, этимология слова и т. д. [Караулов 1981: 75–76].

Обращает на себя внимание тот факт, что все критерии сравнения лексики делятся на две большие группы: критерии, которые в большей степени связаны с формой слова, например орфография, произношение, морфологическое членение слова, и критерии, в большей степени ориентированные на содержательный анализ слова, например стилистический параметр, словарное толкование и т. д. Следовательно, этим «категориальным общим», которое служит отправной точкой контрастивного анализа, являются как содержательные, так и структурные сходства. Это приводит к выводу, что для изучения семантики слова нужны по-прежнему два типа знаний: формы слова и его содержания.

Совершенно очевидно, что выявленные учеными критерии сравнения лексики являются абстракциями от частных языков, частных эмпирических данных. К их выделению лингвисты смогли прийти на соответствующем уровне развития теории языка. Наличие эксплицитно сформулированных критериев, которые охватывают достаточно репрезентативную часть соответствующих эмпирических данных, является, по мнению ученых, важным показателем методологической зрелости любой индуктивной науки (в том числе лингвистики) [Сильницкий 2004: 3]. Они выступают своеобразным эталоном сравнения лексики, очень напоминающим эталонный язык в понимании В. Д. Аракина (табл. 3, стр. 57), разработанный им для определения типов языка на основании общности языков в структурных признаках, касающихся организации предложения в целом. Это еще раз убеждает нас в том, что между типологией и контрастивной лингвистикой непроходимых и четко обозначенных границ нет. «Виной» всему – использование метода сравнения, имеющего объективно единую модель приложения к исследованиям разного уровня и разного характера, которую можно рассматривать в статическом и динамическом аспектах.

Метод сравнения в динамическом аспекте показывает взаимосвязь всеобщего – общего и индивидуального на каждом изучаемом уровне. Описание любого уровня языка, подчеркивает Вяч. Вс. Иванов, всегда включает ссылку на некоторые языковые универсалии данного уровня [Языкознание 1989: 620], отталкиваясь от которых становится возможным изучение более частных явлений по более детально очерченным критериям сравнения. На наш взгляд, отмеченные выше критерии сравнения лексики из исследования Ю. Н. Караулова являются разновидностями подобных универсалий, которые играют роль метаязыка исследования языковой (лексической) семантики. И в этом широком смысле изучение любого уровня конкретного языка включается в типологическое языкознание, способное отвлекаться от пространственно-временных особенностей сопоставляемых языков.

Как и в любых сравнительных лингвистических исследованиях, при сравнении семантики используются три типа эталона сравнения, выбор которых определяется свойствами сопоставляемых единиц: 1) за эталон принимаются свойства, абстрагируемые от свойств единиц одного из сопоставляемых языков; 2) эталон представляет собой конструкт, образованный из искусственных семантических признаков; 3) эталон формируется из признаков, общих для всех сопоставляемых единиц [Воркачев 2003]. Думается, что набор признаков-критериев для сравнения лексики, предложенный Ю. Н. Карауловым, можно рассматривать как эталон-конструкт, образованный из искусственных семантических признаков, т. е. используемых лингвистами *a priori*. Его особенность в том, что из всех сорока признаков в процедуре сравнения лингвист может оперировать некоторыми, наиболее значимыми для поставленных задач исследования.

Независимо от типа эталона для сравнительного изучения семантики слова его наличие свидетельствует о принципиальном сходстве методологии сравнения лексических единиц и грамматических (морфологических, синтаксических) структур. В обоих случаях системный подход является важным принципом проведения исследования. Он позволяет проводить сравнительное изучение объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. При этом следует признать, что в сопоставительных исследованиях, посвященных описанию конкретных семантических единиц, эталон для сравнения, как правило, эксплицитно не формулируется и используется интуитивно – «по умолчанию» [Воркачев 2003]. Исследователь опирается не на все критерии, а на несколько или на один, что делает процедуру сравнения достаточно гибкой, но зависимой от исследовательских предпочтений.

Логично задать вопрос: можно ли с помощью семантических признаков – критериев сравнения выявлять как сходства, так и различия сравниваемых лексических единиц? Напомним в связи с этим достаточно устоявшееся мнение, что «целью контрастивного исследования является не установление сходств

и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически» [Стернин 2007: 25].

Приведем ряд примеров из исследований В. Н. Манакина по сопоставительной лексикологии славянских языков. Обращает на себя внимание тот факт, что использование отдельных критериев сравнения позволяет исследователю «расставлять акценты» и делать осознанный выбор в поисках либо сходств, либо различий между сравниваемыми языковыми единицами. В. Н. Манакин сознательно делает акцент на различиях, учитывая, что исследование родственных, т. е. во многом совпадающих языковых систем, делает поиск различий гораздо более ценной и важной задачей. Так, если лексика сравнивается по категории рода в близкородственных языках, используемый им критерий сужается до «различий в категории рода». В связи с этим им отбираются примеры ярких несовпадений по этому признаку. Например, в первую группу попадают однокоренные существительные: рус. *берлога* (ж. р.) – укр. *барліг* (м. р.) и др.; во вторую группу попадают разнокоренные существительные: рус. *здание* (ср. р.) – укр. *будинок* (м. р.) и т. д. [Манакин 2004: 186]. В целом же, делает вывод автор, применительно к родственным и близкородственным языкам грамматические признаки слов чаще всего совпадают, т. е. являются типологическими [Там же: 193].

В другом исследовании коллектива авторов при сравнении чешских и белорусских параметрических прилагательных отмечается, что в обоих языках наблюдается сходство механизма возникновения переносных значений. В каждой паре прилагательных одно из них, с большим значением размера, в переносных значениях получает положительные коннотации, с меньшим значением – отрицательные. Однако существуют и исключения. Так, белор. *тонкі* получает значение «трудный для восприятия, т. е. требующий мастерства». Или другой пример относительно способов выражения времени в этих языках. Авторами отмеча-

ется, что лексико-семантическое поле времени имеет в обоих языках сходную иерархическую структуру. Однако и здесь наблюдаются различия в сегментации лексико-семантического пространства: в чешском языке отсутствует специальная лексема для выражения понятия «сутки» (белор. *суткі*); напротив, в белорусском языке нет однословных эквивалентов чешских слов *dopeldene* «в первой половине дня» и *odopeldene* «во второй половине дня» и т. д. [Лингвокультурный 2011: 22].

Приведенные примеры вызывают ряд размышлений. Оперирование отдельными критериями сравнения лексики действительно создает впечатление определенной «бессистемности», «атомарности» сравнения, особенно если сравниваются не большие пласты лексики, а отдельные языковые единицы. Исследователь как будто-то имеет дело не с системой, а с «остатком» от системы, имеющим небольшую познавательную ценность. Нельзя в связи с этим не вспомнить мнение В. Н. Ярцевой, полагающей, что сопоставление отдельных форм двух языков малоинформативно, так как при подобном методе можно лишь констатировать, что какие-то формы совпадают, а какие-то расходятся [Ярцева 1981: 12]. Причем при таком «поэлементном» сравнении выявляемые различия намного информативнее, чем сходства, так как сходства чаще всего являются как бы самоочевидным фоном, «неинтересным» для анализа. Здесь напрашивается аналогия с тема-рематическим членением предложения, точнее, мыслями о чем-то. Сходства выступают тем категориальным общим – «данным» (известным) или «темой», отталкиваясь от которого исследователь находит «новое», еще непознанное – «рему» сообщения. Все это приводит к выводу, что само по себе использование в анализе общего основания сравнения – *tertium comparationis* не способствует существенному повышению познавательных возможностей метода сравнения, так как не в полном объеме используются возможности этого метода. Возникает в связи с этим очередной вопрос: реально ли повысить познавательные возможности процедуры сравнения при условии пересмотра роли сходств в общей картине выявляемых закономерностей?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, требуется вернуться к основной методологической проблеме сравнительного языкознания – цели сравнения языков, т. е. тому познавательному результату, которым заканчивается процедура научного поиска. Здесь можно лишь вновь напомнить, что познание, как известно, движется либо в сторону выявления общих закономерностей единого процесса через анализ частных, либо в сторону частных, все более и более детализируя изучаемую картину. Обращение к мнению философов по данному вопросу позволяет выявить три основных подхода к процедуре сравнения на примере изучения философских систем. *Первый подход* включает исследования, в основании которых лежит идея единства мирового историко-философского процесса в различных цивилизациях. Отсюда любые тематические и концептуальные параллели в философских системах трактуются как частные проявления общих исторических закономерностей развития мышления. *Второй подход* нацелен на более глубокое понимание отдельно взятой системы или традиции, все же, что сравнивается с ней другие системы или традиции, – выступает в качестве непроблематизированного контрастивного фона, подчеркивающего ее уникальность и своеобразие. Иные традиции берутся как нечто «известное», с помощью которого исследуется «неизвестное». *В третий подход* попадают те исследования, в которых использование сравнения никак особо теоретически не мотивировано. Это спонтанные сравнения по ассоциации или, напротив, по контрасту, имеющие чисто иллюстративный характер [Сравнительная 2000: 151].

Эти же подходы характерны и для лингвистических исследований. Следует подчеркнуть, что они не отделены друг от друга пропастью. Это сознательно (или интуитивно) выбранный исследователем аспект / направление сравнения. Каждый из этих подходов имеет право на существование и даже сосуществование в рамках одного исследования. При этом следует согласиться с уже оформившейся в лингвистике позицией, что рассмотрение каждого конкретного языка и его особенностей на

фоне единства всех языков – это основной принцип любого сопоставления и в то же время наиболее сложный путь лингвистического исследования [Манакин 2004: 65]. Лингвисты, сумевшие в конкретных языковых фактах увидеть общие закономерности устройства языка, смогли в частности найти ответ глобальных и поэтому единых сил, действующих в языках, оставили след в науке. И, наоборот, малозначительными остаются те работы, в которых, хотя и добросовестно, описываются многочисленные примеры наблюдений над языковыми фактами без осмысления их места в общей системе знаний о языке и мире.

Вероятно, эти и подобные размышления приводят ученых к выводу, что контрастивная лингвистика как одно из последних направлений сравнительного языкознания, пристально изучающее различия между языками, и типология как одно из фундаментальных направлений языкознания, занимающееся выяснением наиболее общих закономерностей различных языков и обладающее в связи с этим большой объяснительной силой, находятся друг с другом в диалектической связи как частное и общее. Во-первых, исследователи отмечают, что накопление результатов контрастивного метода дает выход в общую типологию. Во-вторых, и это, на наш взгляд, наиболее существенно, высказывается мнение, что конечной целью всякого контрастивного описания «должно стать типологическое объяснение выявленных различий» [Широкова 2006: 87]. В возможности увидеть это диалектическое единство между контрастивной лингвистикой и типологией заключается, как нам видится, смысл развития метода сравнения в языкознании.

Думается, что для дальнейших размышлений о путях развития метода сравнения требуется вернуться к истокам понимания того, что такое анализ, так как это ключевой термин для научной методологии. В исконном терминологическом употреблении слово «анализ» обозначает «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения) ... для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью

другого логического приема – синтеза – в целое, обогащенное новыми знаниями» [Кондаков 1975: 34–35]. Размышляя над ролью синтеза в лингвистических методах применительно к компонентному анализу лексического значения, А. М. Кузнецов отмечает, что последнее обстоятельство семасиологи, использующие метод компонентного анализа, часто упускают из вида. Дело сводится к простому разбиванию значений на минимальные составляющие, выделение которых считается конечной целью исследования. Этап объединения семантических компонентов оказывается или вообще не представленным, или только предполагается, но не реализуется в каком-либо конкретном виде. Во многих случаях это связано с тем, что количество выделяемых смысловых элементов бывает настолько велико, что возврат к целостному значению, «обогащенному новыми знаниями» его отдельных частей, становится затруднительным или вообще невозможным. Однако, напоминая он, при чрезмерном дроблении объекта возникает опасность утраты его целостного восприятия. Сколько бы нас ни радовали тончайшие нюансы, надо уметь вовремя вспомнить, что перед нами единое целое [Кузнецов 1986: 6].

Очевидно, что на современном этапе развития метода сравнения контрастивный анализ должен быть расширен и дополнен особой исследовательской процедурой объединения, сочленения выявленных сходств и различий. А. М. Кузнецов этот этап компонентного описания предлагает называть компонентным синтезом [Там же: 7]. Думается, что это уместно и для контрастивного анализа, который может быть дополнен контрастивным синтезом, требующим, однако, разработки соответствующих приемов исследования и понятийного аппарата.

Традиционно принято считать, что познание объекта начинается с процедуры анализа, за которым должен следовать синтез. Но всякий анализ предполагает и наличие синтеза, предвещающего анализ. В этом смысле синтез – то общее, нерасчлененное (категориальное) сходство, отталкиваясь от которого познающий выявляет в сравниваемых предметах сходства и различия, т. е. осуществляет непосредственный анализ изучаемого предмета. В направлении от

синтеза к анализу исследовательская мысль движется от общего к частному. Но познавательный цикл, как известно, должен вновь закончиться синтезом проведенного анализа. С точки зрения диалектического подхода к познанию синтез, завершающий этап анализа, является проявлением общеметодологического принципа «оборачивания метода». В соответствии с ним создается возможность объединения старого и нового метода в виде зеркальной динамической симметрии этих противоположных по своей сущности методов [Стребков]. В нашем случае сравнение, начавшись как движение от общего к частному, меняет свое направление и при переходе от анализа к синтезу движется в обратном направлении – от частного к общему.

Таким образом, контрастивное исследование предположительно должно пройти три этапа: синтез 1 – анализ – синтез 2. На этапе «синтез 1» лингвист опирается на общее основание сравнения (*tertium comparationis*, в нашем случае общие семантические признаки) и сопоставляет две (три и т. д.) языковые единицы разных языков по этому основанию с целью выяснения возможности их дальнейшего изучения, т. е. проведению собственно процедуры сравнения. На этапе анализа выявляются сходства и различия между сравниваемыми языковыми единицами. На заключительном этапе – «синтез 2» – происходит обобщение и систематизация выявленных на этапе анализа закономерностей и придание всему результату сравнения целостного, но внутренне упорядоченного вида. «Синтез 2» сложнее анализа, «поскольку в случае с анализом нужно разделить имеющееся целое, а в случае с синтезом – соединить компоненты с необходимыми в таких случаях преобразованиями в некое неизвестное целое» [Белоусов 2008: 62]. Но заключительный, третий этап сравнения, возможен лишь при соблюдении ряда дополнительных условий.

Оперирование понятием синтеза, заключающего процедуру анализа в смысле возможности перехода на другой уровень обобщения, возвращает нас к необходимости пересмотра вклада типологии в развитие метода сравнения на современном этапе.

Во-первых, мы вновь возвращаемся к необходимости «реабилитации» роли сходств в контрастивном исследовании наряду с различиями. Во-вторых, с этих позиций выявление сходств и различий в контрастивной лингвистике – не самоцель, а средство выявления определенных существенных, категориально значимых (типологических) закономерностей. Однако напрашивается вопрос, который нередко задают лингвисты: если изучение грамматики (морфологии и синтаксиса) в типологическом ракурсе приводит к выявлению типов языков и существенных категориальных обобщениях, можно ли говорить о каких-либо типологических обобщениях при изучении лексики?

В целом, лингвистика положительно отвечает на этот вопрос. По мнению лингвистов, обращение к типологии облегчает решение сложнейших вопросов семантики и структуры, функции и отношения лингвистических единиц не только на уровне грамматики, но и на уровне лексики современных языков [Изучение]. Следует в связи с этим уточнить, что типологический метод предполагает, как минимум, два составляющих принципа: наличие системного подхода и опора на таксономические процедуры анализа. Представляется важным выяснить, какими возможностями обладает лексический пласт языка, для того чтобы процедура контрастивного анализа, точнее, контрастивного синтеза, лексики проводилась с учетом этих принципов.

Для систематизации процедуры сравнения лексики требуется, на наш взгляд, пересмотреть отношение к *tertium comparationis* или тем семантическим признакам – эталонам, которые используются как общая основа для сравнения лексики. Самым важным достижением выделения из разных языков подобных критериев является возможность пользоваться ими как классификационной схемой. Однако, хотя эталон сравнения и является обязательным в сопоставительной семантике, по большей части он используется либо интуитивно, либо отобранные семантические признаки перечисляются, но не систематизируются в общую классификационную схему. Как результат, отобранные исследователем семантические признаки функционируют не

взаимосвязанно, а как отдельные критерии или уровни исследования. В то же время сравнение лексических единиц по одному критерию предполагает наличие и других, от которых исследователь абстрагируется.

Так, рус. *берлога* (ж. р.) – укр. *барліг* (м. р.) показывают различие по критерию «грамматический род существительных», о чем шла речь выше. Но эти же существительные демонстрируют сходство по таким критериям сравнения, как, например, «графическая форма слова» и «основное лексическое значение». Следовательно, абстрагируется исследователь, как правило, от тех критериев, на основе которых сравниваемая лексика показывает наличие сходства. Нередко это критерии, связанные с формой слова – его морфологической структурой, графикой, звучанием и т. д. Но если попробовать создать из релевантных для исследования семантических признаков классификационную схему, последовательно состоящую как из сходств (+), так и различий (–), основанных на корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц, результат (этап синтеза выявленных сходств и различий) подобного сравнения будет в значительной степени иным.

При создании классификационной схемы из совокупности признаков – критериев сравнения, безусловно, потребуются их внутреннее структурирование. Классификационная система признаков, достигнув определенного количественного и качественного предела, может рассматриваться как семантический прототип или модель [Воркачев 2003], т. е. внутренне упорядоченная система. Накладывая результаты контрастивного анализа лексики на эту модель, исследователь может достаточно четко определить место выявленным особенностям в общей системе, уточнить эту систему и дополнить новым эмпирическим материалом. Эта классификационная схема, или модель, носит «предсказательный», или «объяснительный», характер, так как способствует определению потенциальных возможностей сочетания отобранных критериев сравнения в качестве взаимодополняющих + и –. Например, если в результате сравнения найдены слова, в которых графическая (звуковая) форма совпадает (+), а лексическое значе-

ние расходится (–), то закономерно предположить, что имеются и слова, в которых, наоборот, лексическое значение сходно (+), а графическая форма разная (–) и т. д.

Лингвисты ведут поиски в этом направлении и создают свои образцы подобных прототипов или моделей на материале, в том числе и фразеологии. Так, Т. Н. Федуленкова, исследующая особенности фразеологии в английском, немецком и шведском языках, подчеркивает, что теория фразеологии приобретет значительно более интегративный и законченный характер, если в большей степени будет оперировать понятиями и категориями общего языкознания и в, частности, лингвистической типологии [Федуленкова 2006: 32]. В этом случае появляется возможность установить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и определить то место, которое они занимают в своей микросистеме.

Результат сравнения лексики разных языков с учетом этапа контрастивного синтеза можно назвать типологией межъязыковых лексических соответствий. Термин не является новым, идея создания типологии межъязыковых соответствий «витает в воздухе». В работе В. П. Конечкой [Конечкая 1993] перечисляется больше десятка работ исследователей, предлагающих свои варианты подобной типологии. Общим для них является поиск системного подхода к критериям межъязыкового сравнения лексики, т. е. создание определенной внутренне структурированной схемы их использования в процедуре сравнения, а также попытка описания возможных типов взаимодействия лексики. В результате создается классификация лексики на основе взаимосвязанных критериев сравнения, которая может служить прототипом (моделью, классификационной схемой) при сравнении лексики конкретных языков.

В данной классификации центральным понятием является понятие соответствия, т. е. определенной системы (меры) сходств и различий сравниваемых языковых единиц по предложенным критериям (основаниям) сравнения. Подобная классификация является своего рода «слепок» системно-структурных отношений в языке, как их увидел в исследовании ученый на

своем предмете изучения. Думается, что сходства и различия, выявляемые с учетом корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц, способствуют более глубокому пониманию как системы языка в целом, так и его структуры. Если признать, что система – это целостный упорядоченный объект, состоящий из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, а структура – атрибут системы, т. е. сетка или устройство внутрисистемных отношений элементов [Федуленкова 2006: 27], то уместно предположение, что сходства того или иного типа в конечном счете «работают» на систему языка в целом, а различия в большей степени способствуют изучению / уточнению структуры изучаемых языковых явлений. То, что различия в сознании лингвистов соотносятся с изучением структур изучаемых явлений, становится очевидным из цитат лингвистических исследований. Например, модель *структуры* сопоставляемых языков ... дает возможность ... описания языковых различий; структурно различающиеся системы... (подчеркнуто и выделено нами. – Л. М.) и т. д. [Широкова 2004: 17, 85].

Можно далее предположить, что система и структура соотносятся друг с другом как соотносятся между собой синтез и анализ. Понятие системы указывает на способ объединения элементов в целое, а понятие структуры – на способ расчленения целого на его элементы. Уместно в связи с этим вспомнить мнение Б. Рассела, согласно которому выявить структуру объекта – значит упомянуть его части и способы, с помощью которых они вступают по взаимоотношения [Там же: 12]. С этих позиций «синтез 1» – это система критериев-оснований сравнения и примерная априорная классификация по типам межязыковых соответствий на основе данных критериев. Это категориальное целое, общее, отталкиваясь от которого исследователь переходит к анализу предмета изучения. Анализ – результат сравнения по системе критериев и выявление сходств и различий сравниваемых языковых явлений. «Синтез 2» – уточненная система-классификация с выявленными внутри нее системно-структурными отношениями, в которые вступают изучаемые языковые единицы.

Привлечение к процедуре контрастивного анализа (синтеза) результатов сходств и различий сравниваемых языковых единиц, основанных на корреляции их формы и содержания, способствует созданию комплексной, многомерной классификации, которая в идеале представляет баланс между реляционными характеристиками языка (отношениями между знаками, элементами системы) и его субстанциональными характеристиками, т. е., скорее, самими знаками, их материальной оболочкой. Такой комплексный подход позволяет со временем достичь более адекватного понимания системы языка, так как выявляет взаимодействие словаря с грамматикой в системе языка и взаимозависимость ее уровней. Единство формы и значения в системе парадигматических связей, подчеркивают ученые, создает твердую основу для контрастивного анализа и позволяет избежать той расплывчатости в сравнении и в выводах, которые свойственны работам, оперирующим понятиями «значения» без их категориальной локализации [Ярцева 1981: 55].

Разработка типологии межъязыковых лексических соответствий на представленных выше основаниях вполне отвечает задачам, стоящим перед современным языкознанием. Ученые пишут об актуальности создания многомерной характеристики языковой системы, которая достигается введением все более сложных, многомерных классификаций, позволяющих объемно представить «признаковое пространство» системы языка [Языкознание 1998: 454]. Изучение этой задачи непосредственно связано с разрешением еще более глобальной проблемы – антиномии единства и разнообразия, главной проблемы гуманитарного знания. И в этом смысле языкознание имеет существенные преимущества перед другими науками. В силу простоты своего объекта (сравнительно с культурой, человеческим сознанием, искусством, литературой) лингвистика первая решает вечные вопросы гуманитарного знания. Философский смысл этих вопросов в том, чтобы на относительно простом материале языкового ландшафта Земли найти и испытать эмпирические подходы, которые в будущем помогут видеть и различать в континууме социально-культурной истории все сту-

пени, вехи, переходы, способствующие соединению универсального и общечеловеческого с неповторимым и индивидуальным [Мечковская 2004: 328].

Совокупность исторических условий мысли должна рассматриваться и как средство к достижению единства, и в то же время как препятствие к нему, подчеркивают философы. Иначе говоря, человеческие сообщества, изначально поставленные в разные географические, социальные и прочие условия, именно для того чтобы двигаться к всеобщему единству, должны были каждый раз изобретать особые ритуальные практики, специфические языки и оригинальную терминологию. Последние, не нанося никакого ущерба единству, выражали, отражая его под определенным углом зрения, указывали на него. Люди, как бы заброшенные в разные кантоны вселенной, должны прокладывать себе дорогу к единой вершине горы с помощью разных тропинок. Обнаружить всю сеть этих тропинок – задача будущего [Сравнительная 2000: 136]. Вслед за А. Вежбицкой можно сказать, что гипотеза лингвистической относительности имеет смысл только в сочетании с хорошо продуманной «гипотезой лингвистической универсальности» [Актуальные 1999: 29].

Антиномия единства и разнообразия разрешается либо в пользу преобладания различий между языками и народами, и тогда смыслом движения гуманитарной науки становится познание этих различий, что чревато своими негативными последствиями, о чем речь шла выше. Либо в пользу преобладания единства, где различное подчинено общим законам развития, и тогда смыслом науки становится все большее обобщение накапливаемых фактических данных, чем и занимается «традиционная» типология. Но есть надежда, что есть и третий путь разрешения данной антиномии, когда общность и многообразие рассматриваются как диалектическое единство, в котором «побеждает» комплексный, многомерный подход к их сосуществованию в языках и культурах. Думается, что современное языкознание вплотную подошло к разрешению этой антиномии с более гибких и синтезирующих оснований.

Подведем некоторые итоги.

1. Метод сравнения, как он представлен на разных этапах развития сравнительного языкознания, может быть рассмотрен в статическом и динамическом аспектах. Вопрос разграничения разных направлений сравнительного языкознания по тем или иным параметрам является отражением статического взгляда на метод сравнения. В этом случае он предстает как набор разных приемов и методов анализа, различающихся по цели исследования, характеру сравниваемых языков, результату сравнения. Рассмотрение метода сравнения в этом аспекте важно для систематизации методологии сравнительных исследований, для создания более-менее четких ориентиров и границ при определении направленности сравнения в конкретном исследовании.

2. Изучение метода сравнения в динамическом аспекте позволяет увидеть, как развиваются взгляды ученых на возможности процедуры сравнения языков и все более глубинное понимание их природы. Сравнительно-историческое языкознание поставило вопрос о необходимости изучения языков в сравнении. Оно определило преимущественный интерес к сходствам между ними, что достигло своего апогея в типологии и привело к возможности выделения структурных сходств, возникновению понятий системы и структуры языка. Интерес к различиям между языками возник в процессе совершенствования типологических исследований и все более глубокого познания языков. Контрастивная (сопоставительная) лингвистика является закономерным этапом развития метода сравнения, подготовленного всем ходом развития сравнительного языкознания. В целом контрастивная лингвистика соответствует направлению сравнительного исследования «от общего – к частному», от сходств – к различиям. Предшествующие ей направления в большей мере представляют направление сравнительного исследования «от частного – к общему», от различий – к сходствам. В общем, все направления сравнительного языкознания отражают единый процесс сосуществования всеобщего / общего и единичного в сравниваемых языках.

3. За понятиями сходства и различия скрываются непростые отношения формы и содержания языковых знаков, диалектическая связь между которыми и должна стать предметом изучения в контрастивной лингвистике. За этими двумя понятиями «скрываются» две другие базовые категории научного познания – наши представления о структуре изучаемого объекта и его роли в построении общей системы знаний о мире. Если различия между сравниваемыми языковыми явлениями углубляют наше представление об их структуре (семантической или грамматической), то сходства позволяют найти им место в языковой системе / подсистеме. Таким образом, установление диалектической связи между сходствами и различиями, с одной стороны, с формой и содержанием – с другой, позволяет углубить наше понимание структуры языковых единиц и системных отношений, в которые они вступают в языке.

4. Ценность контрастивного исследования – не в констатации факта выявленных различий, а в определении места предмета изучения (сравниваемых языков) в системе более общего характера через найденные различия и сходства. Таким образом, контрастивное исследование будет иметь законченный вид при условии прохождения через три этапа исследования: синтез-1 (то категориальное, или содержательное, сходство, от которого оно отталкивается) → анализ (выявление особенностей, т. е. как сходств, так и различий между сравниваемыми языками) → синтез-2 (определение места найденных особенностей в системе / классификации более общего характера).

5. Контрастивная (сопоставительная) лингвистика, понимаемая в широком смысле как сравнение языков на уровне грамматических (и лексических) подсистем, и контрастивная лингвистика в узком смысле как сравнение языков на лексико-семантическом уровне, не противоречат, а дополняют друг друга и являются этапами поступательного движения к все более глубокому познанию языков через корреляцию формы и содержания языковых единиц.

6. Описанные два основных подхода к выявлению соответствий между языками через формулы «от формы – к содержанию» и от «содержания – к форме» должны быть уточнены с помощью указания на направление исследования: «от общего содержания – к структурным различиям» и «от общей формы (структурных сходств) – к содержательным различиям», являющиеся, на наш взгляд, основополагающими. При этом для доведения исследования до логического конца в соответствии с трехэтапностью сравнительного исследования, о чем шла речь в п. 4, важно «вернуть» его к тому категориальному общему, с которого оно начиналось, с учетом выявленных его особенностей на этапе анализа различий между сравниваемыми языковыми явлениями. В результате создается многомерное, внутренне структурированное видение того категориального общего (искомой формы или содержания), которое послужило отправной точкой всего исследования. В таком случае подходы «от содержания – к форме» и «от формы – к содержанию» не противоречат, а дополняют друг друга. Наглядно это можно продемонстрировать с помощью двух моделей: $\Phi \rightarrow C \rightarrow \Phi$ или $C \rightarrow \Phi \rightarrow C$.

7. Следует отметить и необходимость опоры на системный подход, а также таксономические (классификационные) процедуры анализа изучаемых языковых единиц в данном случае.

8. Как показал проведенный анализ перспектив развития метода сравнения в языкознании, его будущее во многом зависит от возможности интеграции разных направлений сравнительного языкознания, в первую очередь достижений контрастивной лингвистики и типологии. Актуальность синтеза полученных в результате контрастивного анализа данных в более общую систему знаний ставит вопрос о необходимости дальнейшей разработки типологии межъязыковых лексических соответствий. Наша попытка ответить на этот запрос времени представлена в следующей главе предлагаемого исследования.

Раздел II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ

2.1. Моделирование как прием межъязыкового сравнения лексики

Обращение к лексике как объекту теоретического и прикладного изучения в сравнительном аспекте вызвано рядом причин. *Во-первых*, общей тенденцией в сторону изучения лексической стороны речи в современных исследованиях языка, в том числе и в сравнительном языкознании. С изучением лексики связывают надежды на возможности познания тонких содержательных различий между национальными менталитетами, познание «специфически индивидуального». В связи с этим определяется и *вторая причина* обращения к лексике, а именно возможность дальнейшего совершенствования методологии сравнительных исследований через сравнительное изучение лексики как родственных, так и неродственных языков на современном этапе их развития. Основными проблемными вопросами методологии сравнения лексико-семантического уровня языков являются следующие: насколько межъязыковое сравнение лексики способствует выявлению «специфически индивидуального», т. е. содержательных различий между языками; какую роль играют выявленные при этом сходства – содержательные и формальные; какую траекторию дальнейшего развития методологии межъязыкового сравнения показывает сравнительное изучение лексики современных языков и др.

Третья причина обращения к лексике вызвана ролью лексического пласта в развитии прикладных аспектов сравнительных исследований. Именно лексика является одним из важнейших и сложнейших аспектов изучения иностранных языков. Лексика вызывает большие трудности и в работе начинающих переводчиков. Согласно исследованиям психолингвистов,

в изучении иностранных языков большую роль играет так называемый *bilingual mental lexicon* (билингвальный ментальный лексикон) [Barcroft 2004: 202], формирующийся в сознании обучающегося как результат системы ассоциаций между лексикой родного и иностранного (и иностранных) языков. Нельзя переоценить роль преподавателя в регуляции процесса формирования этого межъязыкового словарного запаса. Большую помощь преподавателю в формировании билингвального ментального лексикона у обучающихся могут оказать соответствующие прикладные исследования лексики в сравнительном аспекте.

Следует оговориться, что предлагаемая ниже процедура межъязыкового сравнения лексики основана на развиваемом в данной работе положении о том, что в межъязыковом сравнении принципиально важно учитывать как выявленные сходства, так и различия между сравниваемыми языковыми явлениями, которые коррелируют с формальной и содержательной сторонами языковых знаков. Это положение можно назвать структурно-семантическим подходом к изучению языковых единиц в сравнении. В его рамках складывается целое научное направление, имеющее большую теоретическую и прикладную ценность, целью которого является разработка типологии межъязыковых лексических соответствий, о чем более подробно пойдет речь ниже.

2.1.1. О типологии межъязыковых лексических соответствий

Необходимость создания типологии межъязыковых соответствий при изучении языковых явлений в сравнении, особенно на материале лексики, обсуждается практически всеми исследователями последних лет [Конецкая 1993: 31–32; Манакин 2004: 122–149, Стернин 2007, Гвишиани 2010 и др.]. Типология межъязыковых соответствий представляет собой классификацию наиболее типичных соответствий между лексикой (грамматикой) сравниваемых языков по определенным критериям. В связи с тем, что критерии подобной классификации носят дискусси-

онный характер, пока трудно говорить о целостных результатах работы исследователей в данном направлении. Однако сам факт обращения контрастивистов к такой категории, как «типология», очень показателен. Это означает, что проникновение в различия и все более глубокое познание каждого из сравниваемых языков не отменяет, а предполагает помещение результатов сравнения в определенную систему координат, позволяющую синтезировать их в более общую картину языковой типологии. Это является еще одним аргументом в пользу развиваемой в работе идеи, что поиск сходств и различий между языками (этап анализа) в современных сравнительных исследованиях является средством создания разновидности типологической классификации (этап синтеза), которая получила название типологии межъязыковых соответствий.

Важно, на наш взгляд, отметить, что определение типологии межъязыковых соответствий в качестве приоритетной цели современных сравнительных исследований позволяет установить более точные отношения между основными, наиболее тесно связанными понятиями методологии сравнительных исследований: *сравнением, сопоставлением и соответствием*. Исследовательская практика показывает, что эти понятия логически взаимосвязаны между собой и каждое из них соответствует определенному этапу процедуры сравнения языков. Сопоставление многими исследователями рассматривается как первый, предварительный этап сравнения языков [Языкознание 1998: 487]. На этом этапе проверяется, насколько сопоставимы интересующие исследователя языковые факты и можно ли выделить критерий (систему критериев) их дальнейшего изучения. Этот этап не носит очевидный характер при работе с хорошо известными и часто сравниваемыми языками. Однако он имеет принципиальное значение при изучении языков редко сравниваемых. Например, сравнение чеченского и немецкого языков (нахско-дагестанской группы иберо-кавказских языков, с одной стороны, и германской группы индоевропейских языков – с другой) требует предварительного сопоставления по набору

критериев для того, чтобы удостовериться в возможности проведения процедуры сравнения. Так, сопоставление вокалической системы чеченского и немецкого языков позволяет увидеть, что им присуще фонематическое противопоставление по признаку долготы и краткости [Актуальные 1999: 195].

Если попытка сопоставления двух языковых форм является удачной (т. е. они оказались сопоставимы по определенным признакам), она переходит в следующий этап непосредственного сравнения, в результате которого выявляются как сходства, так и различия между сравниваемыми языковыми явлениями по набору критериев. В приведенном выше примере сравнение относительных длительностей показало, что длительность гласных переднего ряда верхнего подъема выше в немецком языке. Длительность остальных гласных в чеченском языке больше, чем в немецком [Там же]. Многие сравнительные исследования ограничиваются этими двумя этапами анализа языкового материала. Однако, как уже неоднократно отмечалось выше, цель современной контрастивной лингвистики – разработать типологию межъязыковых соответствий в качестве более глубокого и системного инструмента изучения сравниваемых языков. Поэтому на завершающем этапе результаты сравнения в идеале синтезируются в разработанную ученым (или заимствованную из других исследований) типологию межъязыковых соответствий, которая благодаря этому уточняется, дополняется, обогащается практическим материалом.

Таким образом, выстраивается логическая цепочка последовательных этапов процедуры сравнения лексики: *сопоставление* → *сравнение* → *соответствие*. Это в полной мере отвечает методологии сравнения, в котором синтез 1 (этап сопоставления и выявления критериев или основания для сравнения) сменяется собственно анализом (сравнением и выявлением сходств и различий сравниваемых языков по отобранному критерию), который завершается синтезом 2 (установлением системы соответствий между сравниваемыми языками).

Соответствие отличается от понятия сходства. Соответствие – результат процедуры сравнения, и поэтому, в отличие от «чистого» сходства, является определенной комбинацией выявленных сходств и различий по набору критериев, основанных на корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц. Продемонстрируем сказанное на ряде примеров.

В известной работе Р. Ладо, одним из первых предложивших систему соответствий между языками на примере английского и испанского языков, выделено семь типов лексических соответствий, которые он назвал «моделями трудности», на основе корреляции четырех критериев: формы, значения, коннотации и дистрибуции языковых единиц. Одной из наиболее трудных моделей в его классификации является четвертая, в которую попадают слова, «не известные в другой культуре ни по форме, ни по значению», т. е. безэквивалентная лексика в более современной терминологии. А в первую модель им отнесены слова, «схожие по форме и содержанию», т. е. родственная или интернациональная лексика [Ладо 1989]. Эти несложные примеры наглядно показывают, что межъязыковые соответствия можно рассматривать как попытку уточнения и систематизации того, какие наиболее существенные комбинации взаимодействия формы и содержания языковых единиц при изучении лексической семантики в принципе возможны между разными языками.

Философия науки выделяет два вида общего: абстрактно-общее как простая одинаковость, внешнее сходство, поверхностное подобие ряда единичных предметов (например, наличие у всех людей, в отличие от животных, ушной мочки), и конкретно-общее как закон существования и развития ряда единичных явлений в их взаимодействии в составе целого, как единство в многообразии [Философия 2006: 227]. Следовательно, выстраивая систему соответствий между сравниваемыми языками с учетом всех трех этапов сравнительного исследования, мы имеем дело как с абстрактно-общим (на этапе сопоставления), так и с «конкретно-общим» на этапе выявления соответствий – реальным

результатом и целью современного сравнительного (контрастивного) исследования.

Типология межъязыковых соответствий, как она разрабатывается в большинстве исследований, предполагает сравнение двух языков. Еще больший вклад в углубление наших представлений о корреляции всеобщего, общего и специфичного вносят исследования, выполненные на материале трех языков. С методологической точки зрения сравнение трех объектов исследования (А, В и С) приводит к созданию классификации, в которой теоретически выделяются три уровня. К первому уровню относятся результаты сравнения, характерные для всех трех сравниваемых объектов (то, что соотносимо с категорией всеобщего в создаваемой классификации). Во второй уровень войдут те результаты сравнения, которые характерны для двух сравниваемых объектов (что соотносимо с категорией общего в подобной классификации). Третий уровень классификации образуют явления, характерные только для одного из сравниваемых объектов (что соответствует специфичному для каждого из них). Наглядно эти комбинации могут выглядеть следующим образом: $A = B = C$; $A = B$, $A = C$, $B = C$; A , B , C .

Вопрос о необходимости сравнения трех языков в современных контрастивных исследованиях рассматривается лингвистами на практическом материале лексической стороны речи. Следует упомянуть работу В. П. Конецкой, которая установила межъязыковые сходства и различия английских, немецких и шведских слов на основе изучения их звуковой, морфологической и семантической структур [Конечкая 1993]; Т. И. Зелениной, разработавшей типологию взаимодействия лексики во французском, русском и удмуртском языках [Зеленина 2002]; исследование семантических единиц Т. С. Нифановой на материале английского, французского и русского языков [Нифанова 2004]; результаты сравнения фразеологии английского, немецкого и шведского языков Т. Н. Федуленковой [Федуленкова 2006] и др. Все эти исследования объединяет попытка создания многомерной и многоуровневой классификации межъязыковых соот-

ветствий. Они показывают, что целью современного сравнительного исследования является не «простое и строгое описание языковых различий», как бы хотелось видеть некоторым исследователям, например [Широкова 2006: 85], а более реалистическое представление разнообразия языков в виде лингвистического континуума с учетом корреляции всеобщего, общего и специфичного в сравниваемых языках.

Создание типологии межъязыковых соответствий рассматривается нами как важная перспективная цель современных сравнительных исследований, обладающая большой практической значимостью. Подобная классификация является своеобразным перекидным мостиком от сугубо теоретических методологических вопросов сравнения языков к прикладным результатам сравнительных исследований. Ученые полагают, что опора на ту или иную типологию межъязыковых соответствий существенно облегчает как процесс обучения (изучения) иностранных языков, так и деятельность переводчиков, особенно начинающих.

Почему типологии межъязыковых соответствий определена такая важная роль? Как и все результаты научных исследований, направленные на систематизацию и обобщение изучаемого материала, классификация подобного рода способствует выявлению закономерностей там, где частное сравнительное исследование, не оперирующее понятием «типа», выявляет одни особенности. Типология межъязыковых соответствий обладает большой обобщающей силой и, как следствие этого, позволяет ученому переходить от фиксации частных фактов к их систематизации и созданию целостной картины изучаемого объекта. Обобщающая сила типологии межъязыковых соответствий такова, что и практик, опираясь на предложенную учеными классификацию, в состоянии дополнять ее своими примерами и наблюдениями, а также совершенствовать ее и даже создавать свою собственную.

Нередко типология межъязыковых соответствий создается под конкретный материал двух сравниваемых языков. Такова, например, типология межъязыковых лексических соответствий,

разработанная Н. Б. Гвишиани, так как она касается сравнения русского и английского языков [Гвишиани 2010]. Однако есть смысл и в разработке типов межъязыковых соответствий более общего характера. Такая классификация могла бы быть использована в процессе сравнения большего количества языков, в том числе русского и немецкого, немецкого и английского и т. д., а также таких разносистемных языков, как русский и удмуртский, английский и татарский языки и др. Разработка подобной типологии межъязыковых соответствий повышает значимость сравнительных исследований для интенсификации языкового образования в полиэтнических регионах Российской Федерации, в решении сложных вопросов языковой политики при интеграции мигрантов в новую социокультурную среду.

Продemonстрируем возможности создания типологии межъязыковых соответствий, не ограниченной материалом двух конкретных языков. Ее можно использовать при сравнении языкового материала разносистемных языков в практических целях – при обучении неродным языкам (с опорой на родной язык обучающихся) и в переводческой деятельности. В качестве предваряющего теоретического обоснования подобной типологии следует обратиться к слову как важной межъязыковой категории при изучении лексики разных языков, а также критериям его сравнения.

2.1.2. Критерии сравнения лексики современных языков

Лингвисты, занимающиеся вопросами сравнения языков, отмечают, что использование метода сравнения ставит два основных вопроса: что сравнивать и на основе чего сравнивать [Конечкая 1993: 8]. Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что наиболее плодотворные попытки создания типологии межъязыковых соответствий касаются лексического уровня языковой системы, поэтому их нередко называют межъязыковыми лексическими соответствиями. Так, в работе В. П. Конечкой рассматриваются не менее десяти примеров классификации

лексики сравниваемых языков по наиболее общим типам. Это означает, что типология межъязыковых соответствий построена, главным образом, на уровне слова. Уровень предложения и, соответственно, грамматическая сторона речи в этом отношении, как правило, системно не изучаются. Думается, что одной из причин этого является тот факт, что изучение грамматической стороны речи выводит исследование на другой, еще более высокий уровень обобщения языков мира по языковым типам и рассматривается как прерогатива сугубо типологических исследований. «Типологизация» лексики – специфическая задача, поставленная в языкознании с приходом контрастивной лингвистики, интересующейся систематизацией содержательных сходств и различий с учетом корреляции формы и содержания, которые выявляются в лексической семантике сравниваемых языков.

Другой важной причиной обращения к уровню слова является тот факт, что слово – основная единица языка, которая для его носителей является особой психолингвистической реальностью. Носители языка, как и неносители изучаемого языка, способны спонтанно, без труда выделять большинство слов в потоке речи и употреблять их обособленно. Трудности выделения слов они испытывают в тех же случаях, что и специалисты. Хотя люди говорят фразами, они помнят и знают язык, прежде всего, через слова. Слова служат средством закрепления в языке и передачи в речи знаний и опыта людей, поэтому знание языка связано в первую очередь со знанием слов. Обращение к уровню слова в межъязыковом плане – не только актуальная, но и вполне реально осуществимая задача, так как специальные исследования подтверждают, что слово выделяемо в языках разных систем, в том числе в аморфных (например в китайском языке) и в полисинтетических (североамериканские, палеоазиатские языки) [Языкознание 1998: 465]. Все эти свойства слова делают его изучение в межъязыковом аспекте чрезвычайно актуальным в период усиления языковых контактов, в связи с необходимостью создания альтернативных методик одновременного изучения нескольких иностранных языков.

Второй поставленный выше вопрос – на основе чего сравнивать выбранный предмет исследования – требует определенной предварительной систематизации терминологии, представляющей методологический аппарат процедуры сравнения. При межъязыковом анализе слова, как отмечают исследователи, необходимо выделять уровни, аспекты и параметры, которые составляют основу целостного подхода к сравнению лексики. В каждом параметре следует определить основы и критерии сравнения. Однако детальность проработки всего методологического аппарата исследования зависит от цели и глубины анализа, количества сравниваемых языков, степени их генетической близости и типологического сходства [Конецкая 1994: 87].

В связи с определением методологического аппарата предлагаемого исследования следует подчеркнуть, что: 1) в настоящей работе ставится задача сравнения лексики с целью создания примера типологии межъязыковых лексических соответствий, которая могла бы использоваться в практических целях изучения новых иностранных языков и в переводе; 2) лексика, рассматриваемая в качестве материала исследования, не ограничивается конкретной парой языков. В работе использован материал на русском, сербском, английском, немецком, французском, испанском, удмуртском, татарском и др. языках. Причина обращения к столь широкому спектру языков также обусловлена выраженной прикладной направленностью проводимого исследования. Назрела необходимость создания типологии межъязыковых соответствий, которая могла бы использоваться в практических целях, независимо от характера контактирующих в каждом конкретном случае языков.

Отмеченные особенности проводимого сравнительного исследования обуславливают необходимость введения ряда ограничений на процедуру сравнения лексики. С учетом прикладных задач, на решение которых направлена предлагаемая в работе типология межъязыковых лексических соответствий, а также в связи с привлечением к анализу разносистемных языков считаем целесообразным минимизацию уровня дробности про-

водимого сравнения лексики. Как отмечают лингвисты, работающие в выбранном нами направлении, межъязыковое сравнение, особенно при необходимости привлечения данных, не ограниченных одной конкретной парой языков, в какой-то степени теряет в смысле тщательности процедуры сравнения. В подобном исследовании обращается внимание на наиболее яркие аспекты (критерии и т. д.) сравнения, более мелкие детали остаются в стороне [Манакин 2004: 297]. Кроме этого, набор параметров и критериев сравнения должен быть минимально достаточным и понятным специалисту, не занимающемуся глубокими теоретическими изысками, а получаемая при этом классификация – удобной для решения практико-ориентированных задач.

Для дальнейшего хода исследования необходимо определиться, как говорилось выше, с уровнями, параметрами, критериями, факторами и т. д. сравнения слов в разных языках. Что касается уровня исследования, то основной изучаемый уровень был уже определен – это уровень слова, в отличие, например, от уровня морфем или уровня предложения (в соответствии с пространственным представлением об уровневой организации языка). Однако, учитывая, что слово является единицей как лексического, так и грамматического уровней языка и обнаруживает признаки, свойственные единицам обоих уровней, в ходе сравнения появляется необходимость рассмотрения слова и на «близлежащих» уровнях: морфемном, словосочетания, предложения.

Выше, при обсуждении общих вопросов метода сравнения в сравнительном языкознании рассматривались две базовые категории – форма и содержание языковых единиц, корреляция между которыми является, по сути, главным и единственным способом выявления сходств и различий между сравниваемыми языками. В связи с существованием асимметрии формы и содержания сравниваемых слов из разных языков между ними никогда не бывает полного сходства, даже если они обозначают очень близкие явления / объекты / понятия и т. д. С другой стороны, при, казалось бы, абсолютном отсутствии корреляции между двумя словами разных языков лингвисты-переводчики умудря-

ются найти между ними сходство, что делает возможным создание переводческих (речевых) соответствий. Таким образом, считаем возможным рассматривать *асимметрию формы и содержания* языковых единиц как **фактор**, выступающий основной движущей силой процесса сравнения языков, определяющий его суть. Сами же понятия *формы* и *содержания* слова являются базовыми **параметрами** сравнения слов разных языков.

Следует признать, что термины «форма» и «содержание» в языкознании достаточно неоднозначны. Под формой, например, понимается: 1) внешняя, наблюдаемая, связанная со слуховым (или зрительным) восприятием сторона языка, т. е. графическая и / или звуковая форма слова; 2) в более широком смысле форму слова образуют его фонетическая и морфологическая структуры. С содержанием слова связывается его семантическая сторона. Таким образом, по отношению к отдельной языковой единице (слову) форма, как правило, обозначает внешнюю сторону языкового знака, его материальную, физическую сущность, которая противопоставляется значению, смыслу.

Лингвисты в практике формально-содержательного анализа слова, наряду с понятием *форма слова*, пользуются понятием *структура слова*, отношения между которыми нельзя назвать прозрачными. Достаточно популярно определение слова, данное В. Г. Гаком, в котором слово рассматривается как основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, отношений действительности [Языкознание 1998: 464]. Наиболее существенные характеристики слова как объекта сопоставления связаны, таким образом, с выделением в нем его структуры (понимаемой в широком смысле как строение слова, что в большей степени ассоциируется с формой) и содержания. Однако это не снимает трудностей разграничения формальных и содержательных критериев сравнения слов, так как длительный опыт исследования структуры слова в языкознании показал, что структура и содержание – понятия пересекающиеся.

Как известно, в слове принято различать следующие структуры: фонетическую (организованную совокупность звуковых явлений, образующих звуковую оболочку слова), морфологическую (совокупность морфем) и семантическую (совокупность значений слова). Следовательно, с одной стороны, форма и структура слова являются синонимами, когда речь идет о его фонетическом облике и морфологическом строении. С другой стороны, и содержание «небесформенно», а структурировано, что находит свое отражение, например, в словарных статьях. В этом смысле структура – более широкое понятие, чем форма.

Для удобства дальнейшего анализа предлагаем пользоваться при обсуждении внешней стороны языкового знака, его материальной, физической сущности термином «форма». Условимся, что такой **параметр**, как **форма слова**, реализуется в трех частных **критериях** сравнения лексики разных языков: *графическая, звуковая и морфологическая* формы слова. Особую роль при знакомстве с новым языком играют графическая и звуковая формы слова. Это та сторона языкового знака, с которой в первую очередь сталкивается изучающий иностранный язык. При определенном сходстве написания и / или звучания даже при использовании разной графики (например, «латиницы» или «кириллицы») форма слова может способствовать угадыванию значения незнакомого слова, если в родном языке есть похожие слова. Русскоязычному говорящему нетрудно догадаться, что, например, означают испанские слова *avance*, *balance*, *vagón*, *delicado*, *idiota* и т. д. И совсем не зная языка, не умея даже читать на нем, можно по графической (звуковой) форме слов догадаться об их значении. А, как известно, умение догадываться о значении слова – важное качество человека, желающего знать иностранные языки.

Не меньше проблем для определения критериев межъязыкового сравнения представляет и содержание (значение) слова. Первая трудность при анализе значения слова связана с тем, что слово является носителем комплекса значений разной степени обобщенности, принадлежащих разным уровням языка [Языко-

знание 1998: 464]. Под совокупностью значений слова в языках со словоизменением понимаются система и единство лексического и грамматического значений. Грамматическое значение передается, главным образом, через морфологическую форму слова. Например, рус. *учитель*, англ. *a teacher*, нем. *der Lehrer*: в каждом из представленных языков данное слово является единством лексического значения – «тот, кто учит» и грамматического значения – показателя принадлежности данного слова к именам существительным, а в русском и немецком языках выражено еще и частное грамматическое значение – мужской род существительных. Таким образом, грамматическая (морфологическая) форма слова является одновременно и носителем важного содержания, которое существенным образом дополняет общее представление о значении слова, особенно актуальное для неносителя изучаемого языка.

Закономерно встает вопрос: следует ли выделять в содержательном параметре два критерия – лексическое значение и грамматическое значение? При ответе на него хотелось бы обратить внимание на то, что лексическое и грамматическое значения в структуре слова, как правило, достаточно четко дифференцированы, что помогает и неспециалистам интуитивно их разграничивать. Лексические значения выражаются знаменательными словами, формообразующими основами знаменательных слов, корневыми морфемами знаменательных слов. Носителями грамматических значений выступают используемые в формообразовании слов аффиксальные морфемы, служебные слова, морфологические операции типа значащих чередований фонем и т. п. Таким образом, средства выражения грамматического значения в большей степени связаны с формой слова, как она была определена выше. Лексическое же значение слова отвечает за то содержание, которое более-менее четко противопоставляется форме слова, т. е. именование с помощью слова предметов и их свойств, отношений действительности. Поэтому, преследуя практические цели, на которые направлена предлагаемая в работе типология межъязыковых лексических соответствий,

считаем возможным основным **критерием** сравнения слов по такому **параметру**, как **содержание слова**, определить *лексическое значение слова*. Не потеряло своей актуальности определение лексического значения как мыслительного содержания, общего для данного языкового коллектива, закрепленного за данной звуковой формой и обусловленного системой данного языка [Арбекова 1977: 52]. Грамматическое же значение нами как отдельный критерий сравнения слов не выделяется. Оно рассматривается как часть формы слова.

Еще одним важным **критерием** сравнения языковых единиц по содержательному параметру является *объем* выражаемого ими значения. Если лексическое значение аккумулирует общее представление / знание о данном предмете, то объем значения – это совокупность предметов одного и того же класса, к которым данное слово применимо в качестве названия. *Заостренный металлический стержень для прикалывания или для украшения* – таково лексическое значение рус. *булавка*. В объем значения этого слова в русском языке входят: *английская булавка, булавка для прикалывания (например, бабочек), булавка для галстука* [Ожегов 2003: 63]. Соответствующее слово в английском языке – *pin* сходно с русским по лексическому значению, но существенно отличается объемом значения, т.е. тем набором предметов, которые обозначаются этим словом: а) *пробойник, итиффт, болт, ось*; б) *штырь, соединительная шина; вывод, контакт*; в) *шип, штырь, палец; болт*; г) *колышек; деревянный гвоздь*; д) *булавка, кнопка*; е) *прищепка, защипка (для белья)*; ж) *заколка, шпилька*; з) *брошка, значок* [Abbyu Lingvo 12].

Тем, кто занимается изучением языков, важно знать, как соотносятся объемы значений слов, у которых общее (схожее) содержание. Объемы значений сходных слов в разных языках редко совпадают. В основном совпадают объемы слов-терминов, интернациональных слов типа *парламент, конституция, география* и т. д. Наиболее же употребительные слова только частично совпадают по объему значений. К сложным случаям относятся те, в которых одному слову с очень широким объемом значения

в другом языке соответствуют несколько слов с более частными значениями. Так, русский глагол *делать* шире по объему значения, чем английский *do*, так как в английском языке есть еще и глагол *make* с этим же значением. Различие между *do* и *make* не всегда ясно для неносителя английского языка. Например, почему говорят *to do homework*, но *to make a mistake*? Ответить непросто, если ограничиваться синхронным анализом сравниваемых выражений, поэтому приходится просто их запоминать. А это сложно русскоязычному человеку, так как он не чувствует разницы между ними, как это интуитивно чувствует носитель английского языка. Точно так же и при изучении русского языка как иностранного происходят серьезные ошибки из-за разницы в объемах значений похожих слов. Носителям английского и французского языков, например, сложно усвоить разницу между словами *где* и *куда* при изучении русского языка, потому что в этих языках они обозначаются одним словом: *where* (англ.), *où* (франц.) и т. д.

Разница в объемах значений слов со схожим лексическим значением в разных языках приводит к курьезным ошибкам, что особенно очевидно, если эти ошибки делаются иностранцами, говорящими на твоем родном языке. Например, следующие ошибки в речи испанцев, изучающих русский язык: *У моего друга родилась девушка; И другой преподаватель – мальчик – ему лет 35; Завтра никуда не пойду, хочу мыть белье* (выделено нами. – Л. М.) и др. [Копылова 2008: 197]. Анализ словарных дефиниций соответствующих испанских слов, в которых сделаны ошибки в русском языке, показывает, что они четкого противопоставления «девушка – девочка», «мальчик – мужчина» «стирать – мыть» и т. д. не имеют, в отличие от русского языка. Эти понятия входят в объем более широких, по сравнению с русским языком, слов. Так, исп. *muchacha* это: 1) девочка; 2) девушка; 3) служанка [Abbyu Lingvo 12] и т. д.

Изучение объема лексического значения в разных языках дает важную информацию для более обширных типологических обобщений на примере лексики. Как известно, чем шире объем,

тем абстрактнее лексическая единица и она менее эмоционально окрашена. Наличие в современных языках слов с дробным обозначением частей чего-либо, например рука – нога, пальцы рук и ног в английском или немецком языках и т. д., рассматриваются учеными как пережитки прошлых этапов развития мышления. Соответственно, большое количество лексики с широкой семантикой является показателем высокой абстрактности языка. Есть языки, в которых слова с широким значением развиваются особенно интенсивно, что обусловлено законом экономии и удобства. К такого рода примерам относятся так называемые *verba ómnibus* – широкозначные глаголы в испанской разговорной речи, имеющие до шестидесяти и более значений. Их использование помогает говорящему не тратить время на поиски точного слова с конкретным содержанием и при этом доносить достаточно точно мысль до собеседника. Подобные глаголы обеспечивают быстрый темп речи при наименьшей затрате усилий как со стороны отправителя, так и со стороны реципиента сообщения [Федосова 2011: 78]. Таким образом, изучение объема лексического значения слов в межъязыковом плане способствует выявлению соотношения «родовое – видовое – единичное» в характере семантики сравниваемых языков.

Еще одной важной особенностью слова, как для анализа его формы, так и для определения его содержательной стороны, является **фактор системности**: принадлежность слова одновременно и языковой системе, и речи. Это обуславливает необходимость введения такого **параметра** межъязыкового сравнения, как **функция слова**, наряду с отмеченными выше двумя основными параметрами – формой и содержанием слова. В целом, следует отметить, что термин *функция* в лингвистике очень многозначен. Говорят о функциях языка, функциях высказывания, функциях фонем и т. д. Функция нередко противопоставляется таким терминам, как *средство* и *форма*, при этом ученые отмечают близкую связь функции с содержанием (значением) языковой единицы. Считаем целесообразным, вслед за Н. А. Слюсаревой, ограничить понимание *функции* слова той

ролью (употреблением), которое оно играет в синтаксической конструкции (предложении). Это дает возможность в определенной степени разграничить понятие *функции* и *значения* языковой единицы. Значение, отмечает далее автор, является абсолютным, сущностным свойством языковых двусторонних единиц, тогда как функция определяется внутри системы языка, но по той роли, которую выполняют данные единицы в речевых конструкциях. Значение, таким образом, это направленность элемента вовне системы, т. е. в мышление как результат отражения объективного мира и как процесс этого отражения, а функция – это свойство элемента, обусловленное отношениями в системе языка, которые определяют возможности его использования [Слюсарева 1986: 31]. В этом широком смысле параметр «функция слова» относится к тем ролям слова, которые оно выполняет и как грамматическая единица языка, с одной стороны, и как лексическая единица языка – с другой. Функция «скрепляет» форму и содержание языковой единицы в единый комплекс.

Важным **критерием** сравнения слов по функциональному параметру с точки зрения той роли, которую выполняет слово в системе языка как лексическая единица, выступает, на наш взгляд, *коннотация*. Лексическое значение формируется в условиях конкретных связей и взаимоотношений слов данного языка. В отличие от понятий, которые являются общими для разных языков, в лексическое значение слова могут входить и другие компоненты: эмоциональная окраска, стилистическая характеристика, соотнесенность с другими словами того же языка. На него наслаиваются добавочные представления и разного рода смысловые ассоциации. Все эти добавочные смысловые наслоения на основное лексическое значение слова в современном языкознании нередко относят к проявлениям коннотативного значения слов. «Коннотативное различие – явление, когда у слов-аналогов двух языков совпадает денотативное значение, но не совпадают стилистическое, оценочное, эмоционально-символическое значения, связанные с данным словом» [Панькин 2011: 69]. В этом широком смысле коннотация понимается и в данной работе.

Коннотация представляет особый интерес для изучающих иностранный язык. Будучи сопутствующим значением языковой единицы, коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка, и отображает культурные традиции общества. Коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. В более обобщенном смысле отношение это может быть положительным, отрицательным или нейтральным. Например, в русском языке суффиксы существенно меняют коннотацию одного и того же слова: *нос* – нейтральная коннотация, *носик* – положительная (благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу *-ик*), *носище* – слово, которое передает отрицательно-насмешливое отношение к этой части лица и т. д.

Подобные примеры можно привести и из других языков. Наиболее частотными и активными суффиксами пейоративной (отрицательной) оценки в английском языке являются *-ard*, *-ster*, *-aster*, *-eer* и полусуффикс *-monger*. Например, *drunkard* (пьяница), *coward* (трус), *gangster* (гангстер), *oldster* (старикан), *poetaster* (рифмоплет), *profiteer* (спекулянт, барышник), *black-marketeer* (спекулянт на черном рынке), *scare-monger* (паникер), *war-monger* (подстрекатель войн) и т. д. В молодежном жаргоне возникают арготические словообразовательные конструкции с суффиксом *-o*, обладающие отрицательно-оценочной коннотацией: *oldo*, *kiddo*. Похожая тенденция наблюдается и в немецком языке: *Anarcho*, *Koalo*, *Brachialo*, *Brutalo*, *Sado*, *Nudo*.

Во французском языке стилистически маркированные существительные с фамильярной и литературно-разговорной окраской образуются при помощи суффиксов *-aire*, *-age*, *-ance*, *-ette*, *-ement*, *-erie*, *-eur*, *-if*, *-al*, *-on*, *-aille* и т. д.: *couchage* (сожителство, связь), *mouchardage* (донос), *fouineur* (любител ходить по барахолкам) [Актуальные 1999: 22] и т. д.

Коннотативно окрашенными могут быть любые части речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия.

Следует отметить, что по отношению к коннотации словарный запас любого языка делится на две большие группы: на слова, характеризующиеся наличием оценочности в своем прямом значении, и слова, приобретающие коннотативную окраску в переносном значении. Такие существительные, как *главарь*, *кляча*, *шляться* и т. д., существуют в языке для того, чтобы с их помощью выражать оценку / отношение к предмету речи. Носитель русского языка легко определит, чем отличается *руководитель* от *главаря*, *лошадь* от *клячи*, а *ходить* от *шляться*. А глагол *пилить* только в переносном смысле значит «изводить, донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирками, бранью», а также «плохо играть на смычковом музыкальном инструменте, извлекать резкие, негармоничные звуки». Это все признаки отрицательной коннотации в переносном значении данного глагола в русском языке.

Наибольший интерес при изучении иностранных языков представляют коннотации, закрепленные за переносными названиями животных, наименованиями цветов и наименованиями частей человеческого тела. Это связано с широкой употребимостью данного пласта лексики в языках мира. Животные, например, всегда занимали важное место в жизни людей и со временем из источника пропитания и помощников в сельскохозяйственном труде стали в представлении человека носителями качеств и признаков, присущих ему самому. Русскоговорящим хорошо известны примеры коннотаций названий животных в русском языке: *лиса* в переносном смысле несет отрицательную коннотацию, так как ее поведение ассоциируется с хитростью, коварством, *петух* – «задиристый», *сорока* – «любопытная» и т. д. [Гвоздарев 1988: 98].

Часто коннотативные оттенки значений являются средством различения синонимов. Например, *осёл* имеет коннотацию «упрямство» (отрицательную коннотацию), а *ишак* – «способность долго работать» (положительную коннотацию)³.

³ Выбор синонимического выражения может свидетельствовать об отношении говорящего к человеку или событию. Сравните следующие пары

В разных языках коннотации одного слова могут быть одинаковыми (например, слово *лиса* во многих европейских языках имеет отрицательную коннотацию, как и в русском языке), частично различающимися или даже противоположными (например, коннотация слова *слон* в русском языке – «неуклюжесть», в санскрите – «грациозность»).

Следует подчеркнуть, что коннотация – трудно выявляемое, достаточно субъективное и противоречивое явление в структуре лексического значения слова. Это связано со сложностью, многоплановостью самого лексического значения. Одно и то же слово может быть носителем нескольких противоречащих друг другу коннотаций. Например, *собака* может оцениваться положительно, и об этом свидетельствуют устойчивые выражения *собачья верность*, *собачья преданность*. Но этот образ ассоциируется и с отрицательными качествами: *собаке собачья смерть*, *собака на сене* и т. д. [Гвоздарев 1988: 91]. Слово *дуб* в русском и немецком языках (*Eiche*) – символ мощи и силы [Мальцева 2001: 37], однако в русском слове содержится еще и коннотация «тупой, глупый», трудная для понимания при изучении русского языка как иностранного [Хуа 2011: 37].

Кроме того, коннотации слов меняются со временем. Так, традиционно отрицательная коннотация слова *амбициозный* в русском языке поменялась на диаметрально противоположную в связи с изменившимися социально-политическими и экономическими условиями. Свидетельство этому – объявления, в которых при найме на работу требуются *амбициозные молодые люди*. Появляются новые коннотативно окрашенные слова, например *евро*. Что такое *евроремонт* в современном русском языке? Это слово стало показателем высокого качества ремонта.

синонимов, явно демонстрирующие нейтральное или положительное, с одной стороны, и отрицательное отношение говорящего к описываемому объекту – с другой: *бережливый* – *скряга*; *экстраверт* – *развязный*; *прогрессивный* – *радикальный*; *эксцентричный* – *помешанный*; *традиционный* – *старомодный*; *осмотрительный* – *трусливый*; *информация* – *пропаганда*; *невысокий* – *коротышка* и т. д. [Русский].

В словарях нет системного подхода к отражению коннотации слов. Это крайне затрудняет изучение столь важного для культуры носителей изучаемого языка аспекта лексического значения. Большую помощь в выявлении коннотативных оттенков слов изучаемого языка оказывают пословицы, устойчивые сравнения и другие фразеологические единицы. Так, определить, что глупость ассоциируется в русском языке с ослом, а в английском – с гусем, помогают устойчивые сравнения типа рус. *осёл, каких свет не видывал*; англ. *silly as a goose* и т. д. [Материалы 2004: 114]. Приведем еще ряд примеров из русского и испанского языков, демонстрирующих возможности выявления коннотативно окрашенной лексики через изучение устойчивых выражений⁴ (см. табл. 6 на стр. 119).

Кроме устойчивых выражений, коннотация отдельных слов определяется по паремиологическому фонду того или иного языка. Так, в немецком языке насчитывается более 60 паремий, отражающих положительное отношение к слову *Ordnung* (рус. *порядок*): *Ordnung ist in allen Dingen gut* (букв. Порядок хорош во всех делах); *Ordnung zielt alles* (букв. Порядок украшает все) и т. д. [Медведева 2011: 30].

Коннотацию отдельных слов можно выявить через определение слова в понятийном словаре. Для примера сравним дефиниции двух слов: английского слова *opportunity* и русского слова *возможность*. *Opportunity* – a favourable moment or occasion (for doing something) [Longman 1992: 725]. *Возможность* – средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь [Ожегов 2003: 92]. Обращает на себя внимание тот факт, что в дефиниции слова *opportunity* подчеркивается наличие благоприятных обстоятельств, чего нет в русской дефиниции слова *возможность*. Оно нейтрально, с точки зрения

⁴ Примеры из дипломного исследования О. Логиновой «Проблема перевода испанских фразеологизмов на русский язык» (2009, научный руководитель – Т. И. Белова), в котором выявляются сходства и различия в коннотативно окрашенной лексике русского и испанского языков на материале пословиц и устойчивых сравнений.

коннотации. На основе различий в дефинициях этих слов и наблюдая за поведением этих слов в контексте, лингвисты делают вывод, что *opportunity* – это шанс действовать, слово с сильной положительной коннотацией, имеющее большое мотивирующее воздействие на англоязычную аудиторию [Никуличева 2009: 41].

Таблица 6 – Русская и испанская коннотативно окрашенная лексика в устойчивых выражениях

Русская коннотативно окрашенная лексика		Коннотация, общая для русского и испанского языков	Испанская коннотативно окрашенная лексика	
заяц	<i>Заячья душа</i>	трусость, неуверенность	gallina (курица)	<i>Estar como gallina en corral ajeno</i> (букв.: быть как курица на чужом птичьем дворе)
воробей	<i>Стреляный воробей</i>	опытный, мудрый	toro (бык)	<i>Toro corredor</i> (букв.: бег быков)
осел	<i>Упрямый как осел</i>	тупой, глупый, упрямый	asno (осел)	<i>No ver siete sobre un asno</i> (букв. перевод: не видеть ничего, кроме зада и переда осла)
змея	<i>Пригреть змею на своей груди</i>	предательство	serpiente (змея)	<i>Criar una serpiente en su seno</i> (букв.: кормить змею на своей груди)

Цветонаименования – другая популярная лексическая группа для выявления дополнительных оттенков смысла, которые несут обозначения цвета в разных языках. Лингвисты, в особенности типологи и этимологи, исследуя десятки языков, изучают вопросы возникновения цветовых понятий и выявляют ряд универсальных черт в развитии систем цветообозначения, особенности восприятия цвета у разных народов и т. д. Ими выявлено, что, воспринимая цветовую картину мира, каждый носитель языка основывается не только на абсолютном цветовом, но и на экспрессивном ощущении от восприятия того или иного цвета, отмечая, зачастую на уровне подсознания, ассоциативные признаки, сопутствующие слову в языке.

Приведем примеры коннотаций, закрепленных за рядом цветообозначений в русском и китайском языках. Интересно отметить то, что если в русском языке молодость обозначается при помощи коннотаций зелёного цвета *зеленый юнец*, *зелен виноград*, то, например, в китайской традиции для этого используются коннотации белого цвета, например *bai mian shu shen* (букв. «белые лица у молодежи») – «неопытная молодежь, новичок в науке».

Фразеологизм *синий чулок* в русском языке, как известно, является иронической характеристикой женщины, служит символом погруженности в науку с добровольным отречением от личной жизни. Китайскому языку такая характеристика личности неизвестна. Как и белый, *голубой* – это цвет истины, верности, целомудрия и правосудия в христианской традиции, светло-голубой – символ непостижимого и чудесного. *Голубой* цвет – это цвет неба, поэтому коннотация слова в русском языке часто только положительная. В Китае голубой цвет символизирует Дао, Священный Путь, принцип сущего. Следует отметить тот факт, что русским словам *голубой* и *синий* в китайском языке соответствуют слова *tian lan* и *lan*, т. е. в китайском языке голубой цвет не выделяется как отдельное цветообозначение. Совпадают в обоих языках и коннотации *красного* цвета, который имеет, в основном положительный оттенок [Ланьсясюань].

Важным **критерием** сравнения слов по функциональному параметру выступают *сочетаемостные (комбинаторные) потенции* сравниваемых слов. В литературе прочно утвердилось мнение, что сочетаемость как лингвистическое явление есть основное свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи. Изучение языковых единиц в данном отношении предполагает анализ связи между значениями слов на синтагматической оси [Влавацкая 2009: 25]. Весьма распространенными в отечественной литературе являются термины «валентность» и «сочетаемость», которые представляют собой значимые аспекты языкового синтагматического потенциала слов. Они широко востребованы при исследовании связей лексического значения слова и крайне необходимы для описания слов в словарях.

Психолингвисты выяснили, что описывая ситуацию, явление и просто в общении, мы пользуемся не отдельными словами, а их сочетаниями. Самые употребительные сочетания – коллокации – заложены у носителя языка в сознании как в компьютере. Словарь каждого человека, его *mental lexicon*, включает все слова и их коллокации, организованные не по алфавиту, а тематически, по ситуациям. Поэтому носители языка не делают ошибок в речи. Они знают, какие слова употребляются с какими словами и в каких случаях. Неносителю языка чаще всего приходится просто заучивать коллокацию слов, если она не совпадает с соответствующей коллокацией слов из уже хорошо знакомых ему языков. Различные сочетаемостные потенции похожих слов в разных языках приводят к ошибкам в речи неносителей языка, которые нередко вызывают недоумение и даже смех у носителей языка. Анализ подобных ошибок, например в речи испанских студентов, изучающих русский язык, является важной частью процедуры сравнения лексики разных языков в прикладных целях: *Мне комендант общежития постоянно говорит, что я не делаю кровать; У этого павлина такой великий хвост!; По городу сплетни бегают, что она выходит замуж* и т. д. (подчеркнуто нами. – Л. М.) [Копылова 2008: 197].

Выявление и изучение коллокационного ряда слова дает важную дополнительную информацию о его значении (в первую очередь об его грамматическом значении) и необходимые сведения для изучающих иностранные языки о его употреблении в речи. Так, для изучающих английский язык важно знать, что слово *солнце* – *the Sun* употребляется с определенным артиклем, так как относится к единичным явлениям, и пишется с заглавной буквы, если речь идет о солнце как об астрономическом явлении. Также важно, что, употребляя это слово в словосочетаниях, по-русски мы говорим «на солнце», а в соответствующем выражении на английском языке – «*in the sun*» и т. д.

Изучение сочетаемостных потенций слова в межъязыковом аспекте с учетом разных точек зрения на теорию этого вопроса позволяет выделить три уровня их анализа [Siermann]: морфемный, словосочетания и предложения.

1. *Морфемный уровень*, т. е. соположение морфем в производных и сложных словах. В качестве иллюстрации можно отметить особенности комбинаторики слова на словообразовательном уровне в мордовских языках. Например, словообразовательный суффикс *-кc* способен не просто менять форму слова, а полностью изменять его лексическое значение: *кедь* «фука», *кедь-кc* «браслет», *недь* «черенок», *недь-кc* «ботва» и т. д. [Цыганкин].

Обсуждение вопросов сочетаемостных потенций слова в межъязыковом аспекте с неизбежностью выводит исследование на типологические обобщения, так как состав и характер морфем непосредственно связаны с типологическими особенностями сравниваемых языков. Так, башкирский язык по морфологическому типу относится к языкам агглютинативного строя, а русский язык – флективный. Поэтому структура словоформы в башкирском значительно отличается от структуры словоформы в русском. В русском языке флексийные морфемы многофункциональны и многозначны: *учител-ям* (дат. п., мн. ч.). В башкирском языке флексия, или окончание, выражает в большинстве случаев одно грамматическое значение: *укытыусы-лар-га* (*лар* – мн. ч., *га* –

показатель дательно-направительного падежа) [Актуальные 1999: 28].

К этому уровню сравнения слов относятся примеры чередования внутренней флексии, типа англ. *foot* – *feet* и т. д., а также примеры существительных, которые обладают морфологическими признаками и синтаксическими свойствами только одного числа – единственного (*singularia tantum*) или множественного (*pluralia tantum*). Списки этих слов в каждом языке определяются многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами и совпадают лишь частично. Ср. порт., исп., фр., ит. «молоко», порт., исп. ит. «финансы», но ср. характерный для испанского языка тип *pluralia tantum* с суффиксом *-deras*, отсутствующий в других романских языках: *las abogaderas* «хитрость, уловки», *las explicaderas* «манера выражаться», *las andaderas* «стул для обучения детей ходить» и др. [Сравнительно-сопоставительная 1972: 149] и т. д.

2. *Уровень словосочетания*, т. е. соположение двух (трех) слов относительно друг друга. Большую трудность для изучающих иностранные языки представляют в первую очередь необычные позиции слов в словосочетаниях изучаемого языка относительно родного. Так, в адъективных структурах английского языка наречие *enough* располагается справа от ядра: *new enough*, в то время как в русском языке типичная позиция наречия *достаточно* в адъективных словосочетаниях – слева от ядра: *достаточно новый*. В глагольных словосочетаниях важна предложная или беспредложная связь с объектом. Расхождения в особенностях оформления этой связи в родном и изучаемых языках является причиной устойчивой интерференции. Например, англ. *enter* + беспредложная связь с объектом: *enter the room*, в отличие от рус. предложного управления в аналогичном контексте: *войти в комнату* и т. д.

3. *Уровень предложения*, т. е. использование словосочетаний в необычных грамматических конструкциях относительно рассматриваемых языков. Особенно это касается так называемых экзистенциональных словосочетаний типа англ. *to be late*

(в отличие от рус. глагола *опаздывать*), ошибочное использование которых становится заметным при попытке построения осмысленного предложения на иностранном языке. Типичны, например, следующие неправильно оформленные предложения на английском языке под влиянием русского языка: **I _late; You _hungry; He _wrong* и т. д.

Сравнение слов по критерию *сочетаемостьные (комбинаторные) потенции* с неизбежностью выводит исследование на уровень предложения [Shimohata 1999: 92]. Считаем приемлемым на основании данного критерия включение отдельной группы сложностей, связанной с необычной структурой предложения сравниваемых языков. К этому уровню относятся, на наш взгляд, такие «грамматические реалии», как необычные, мало распространенные в других языках конструкции типа *The Continuous Tense* в английском языке, специфичная для славянских и ряда др. языков категория глагольного вида; категория определенности / неопределенности, присущая, главным образом, языкам с артиклями; категория вежливости, характерная для ряда языков Азии, в частности японского и корейского, двойное отрицание в русском языке, употребление или неупотребление местоименных детерминативов, как в следующем английском предложении: *He rubbed his chin with his hand* и т. д.; а также идиоматические выражения, пословицы и поговорки.

Следующим **критерием** сравнения слов по функциональному параметру является, на наш взгляд, то, что в структурной лингвистике принято называть ареальной *дистрибуцией слова*. Под дистрибуцией в широком смысле понимается совокупность окружений (контекстов), в которых языковая единица может встретиться в речи. В строгом смысле дистрибуция в языкознании – это сумма *всех* окружений, в которых встречается некоторый элемент, т. е. сумма *всех возможных позиций* элемента относительно позиций других элементов. Однако из-за технической громоздкости в полном объеме дистрибутивная процедура никем не применяется [Варшавская 1983: 221]. В современном языкознании данное понятие до сих пор используется в более узком

смысле и касается стратификационно маркированной лексики. Это лексика, функционирующая в диалектах или вариантах одного языка. Всем хорошо известны два варианта английского языка – британский английский и американский английский, которые имеют определенные различия в грамматике и существенные различия в лексике и произношении. Но есть английский язык и в Ирландии, Шотландии, Канаде, Австралии со своими особенностями языковой нормы. Есть испанский, на котором говорят в Испании, но есть и кубинский испанский, а также испанский в Мексике, Аргентине. Наибольшим количеством полноценных и достаточно обособленных языковых вариантов отличаются испанский, английский, немецкий, португальский языки, а среди азиатских – малайский, арабский и др.

С точки зрения социального взаимодействия дистрибуция разновидностей (вариантов) языка в реально существующих коллективах обычно принимает две формы. Диалектальное или межличностное варьирование осуществляется в группах, различающихся в территориальном или социальном отношении. С другой стороны, возможно и внутриличностное варьирование, которое отражает сдвиги в языке у отдельных говорящих. Диалектальные речевые особенности отражают индивидуальную историю говорящего. Они указывают на происхождение его семьи, а также на всякое последующее изменение в групповых связях – например, на переезд из одной области в другую или на изменение в социальном положении [Гамперц 1975: 299–319].

Сложность изучения языка, который имеет несколько вариантов своего употребления, состоит в том, что неноситель языка, встречаясь со словами из разных вариантов одного языка и употребляя их в своей речи, не чувствует или просто не знает тех существенных различий, которые стоят за этими словами, потому что они пришли из разных коммуникативных ситуаций (в очень широком понимании), из совершенно разных контекстов употребления. С одной стороны, может получиться, что в русском языке насмешливо называется «смесь французского с нижегородским». С другой – есть опасность попасть в неудоб-

ное положение, не зная дополнительных коннотаций, новых значений, которыми обросло используемое слово в том или ином варианте изучаемого языка. Личная практика общения с носителями американского английского показывает, что, например, прилагательное *smart*, которое в британском английском нередко употребляется в значении «нарядный, модный», не употребляется в этом значении американцами, для которых это слово в первую очередь означает «умный». А такие нейтральные британские слова, как *tart* (торт), *cock* (петух) относятся, главным образом, к ненормативной лексике.

Территориальные диалекты (говоры) – разновидности общенационального языка, характерны и для русского языка. Русский язык распространен на огромной территории. Поэтому в России существует целая система диалектов, причем различия между ними иногда весьма значительны. Например, на юге России «акают» и «якают», произносят *г* как фрикативное (*γ*), конечный согласный *т* в глаголах настоящего и простого будущего времени произносится мягко. Есть даже такая «дразнилка»: *А у нас в Рязани ядять урибы с улазами. Их ядять – ани улядять.*

На севере России – «окают», часто в форме творительного падежа множественного числа существительных используется окончание дательного падежа (сделал своим рукам). В Архангельской области во многих деревнях «цокают», т. е. на месте *ч* произносят *ц*, причем часто – мягкий: не *чудо*, а *цудо*, не *молочный*, а *молоцьный* и т. д. В Новгородской области на конце слова некоторые согласные произносят только твердо, например: *сем* вместо *семь*.

Много различий в наименовании предметов, явлений. Например, в Архангельской области *биспой* – это «седой, серебристый», *виска* – «ручей, проток», *заберега* – «первый лед у берегов»; в Рязанской области *зобать* – «есть», *махотка* – «глиняный сосуд для молока», *дурнишник* – «багульник»; в Псковской области *дрянина* – «нежирное мясо», *гукало* – «выпь», *блудить*, *лукаться*, *блыкаться* – «ходить, бродить» [Социальные] и т. д.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что наиболее существенные характеристики слова как объекта сравнения связаны с его формой (звуковой, графической, морфологической), содержанием (лексическим значением и объемом лексического значения) и функциями (в работе рассмотрены в этом отношении коннотация, сочетаемость и ареальная дистрибуция слов). Взятые по отдельности данные критерии межъязыкового сравнения, безусловно, дают определенную информацию о сходствах и различиях между сравниваемыми языками. Однако при несистемном использовании данных критериев невозможно получить целостное представление о межъязыковых характеристиках изучаемых слов как комбинации сходств и различий сравниваемых языковых единиц. Два условия делают процедуру сравнения лексики более законченным и объективным процессом. Первое – использование системы критериев ее межъязыкового сравнения. Второе – помещение полученных результатов в более общую систему (типологию) межъязыковых соответствий.

Сложнейшие вопросы переплетения формального и содержательного аспектов слова крайне затрудняют создание более-менее четкой типологии межъязыковых соответствий, так как каждый критерий, используемый в межъязыковом сравнении, уязвим с точки зрения неполноты и определенной субъективности наполнения его содержания. Наш опыт создания типологии межъязыковых лексических соответствий в сугубо практических целях показывает, что рассмотренные выше критерии сравнения лексики разносистемных языков являются минимально достаточными. Предлагаемый ниже пример подобной типологии основан на системной корреляции данных критериев, взаимоотношения между которыми устанавливаются с помощью приема моделирования.

2.1.3. Моделирование межъязыковых лексических соответствий

Моделирование – это, как известно, исследование какого-либо явления, объекта, процесса путем построения и изучения его модели. Модель в языкознании рассматривается как искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее или имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого устройства (оригинала) в лингвистических целях.

Понятие лингвистической модели возникло в структурной лингвистике и вошло в широкий научный обиход в 60–70 гг. XX в. с возникновением математической лингвистики. Моделирование объектов лингвистического исследования следует рассматривать как насущную задачу современного языкознания, так как метод моделирования, который широко используется, в первую очередь в точных науках, отражает общую тенденцию объективации научного знания через привлечение более точных, приближающихся к математическим, приемов исследования.

Следует отметить многозначность термина *модель* в лингвистике. В широком понимании содержание данного понятия покрывается термином *теория*. Так, в переводоведении общее описание процесса перевода с тех или иных методологических оснований принято называть теоретической моделью переводческой деятельности. Модель в этом смысле является формализованной теорией структуры изучаемого объекта с фиксированным метаязыком исследования. В более узком смысле под моделью понимаются: *тип, образец* каких-либо текстовых единиц (слов, предложений); *символы, схемы* для описания языковых объектов (например, схема модели составляющих в синтаксисе) и т. д.

Моделированию подвергаются практически все уровни языка: звуковая форма языка, синтаксическая структура языка, семантика. Моделируется также и уровень текста. К актуальным проблемам моделирования уровневой структуры языка, прежде всего уровня текста, относится компьютерная обработка древних

рукописей и подготовка их к последующему изданию, что имеет большое историко-культурное значение [Прикладная].

Можно предположить две причины широкого распространения метода моделирования в лингвистике. Во-первых, интенсивное использование в лингвистике общенаучного метода моделирования является следствием недоступности языка непосредственному наблюдению. Исследователь может наблюдать лишь внешние проявления функционирования языка: речевую деятельность человека и тексты, являющиеся результатом таковой деятельности. Так как моделирование является особенно эффективным средством изучения объектов, не данных в непосредственном наблюдении, а язык как раз и относится к их числу, это является основной причиной широкого распространения идей моделирования в лингвистике.

Во-вторых, язык отличается также чрезвычайной многомерностью и многокомпонентностью, что обуславливает возможность изучения его с различных точек зрения и с различной степенью детализированности. Современная лингвистика состоит из множества «частных лингвистик», имеющих каждая свой конкретный объект, цели, презумпции и методы. Следует в связи с этим отметить, что метод моделирования является важным компонентом дедуктивного подхода к языку. Модель в идеале является теоретическим конструктом, отражающим сущностные свойства исследуемого объекта. Проверка адекватности модели объекту осуществляется экспериментально: модель должна вести себя как оригинал в тождественных условиях [Онлайн энциклопедия].

Таким образом, конструирование модели в лингвистике является важным средством экспликации внутренних процессов, обуславливающих целостность языковых явлений. Широкие возможности применения метода моделирования при изучении языка позволяют предположить, что главной перспективной целью моделирования в лингвистике является моделирование целостной языковой способности человека. Учитывая актуальность применения метода моделирования и насущность решаемых

мых с его помощью задач, языковеды делают вывод о становлении нового научного направления – модельной лингвистики (лингвистики моделирования языковой реальности) [Белоусов].

Уточняя понятие модели в современной лингвистике, ученые предлагают, во-первых, отграничить *модель* от *теории*. В отличие от теории, модель есть непосредственное представление закономерных связей и отношений изучаемой области предметной действительности в виде типичных ситуаций, структур, схем, совокупностей идеализированных объектов. Следовательно, за моделью закрепляется более узкое понимание, чем теория. В отличие от теории, согласно В. А. Штофф, модель – всегда некоторое конкретное построение, в той или иной форме или степени наглядное, конечное и доступное для обозрения или практического действия [Там же].

Метод моделирования в таком случае «есть метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений (органических и неорганических систем, инженерных устройств, разнообразных процессов – физических, химических, биологических, социальных и конструируемых объектов) для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т. п.» [Философский 1983: 381]. Из данного определения следует, что модель, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте. Таковыми являются, например, словообразовательные модели, которые, с точки зрения получения новой информации об объекте, являются моделями в полном смысле слова.

Получение новой информации о моделируемом объекте является важным свойством любой создаваемой в ходе исследования модели. Однако ученые предлагают выделить, как минимум, два типа моделей, которые можно создавать в процессе лингвистического анализа. Первые – это так называемые онтологические (эмпирические) модели, т. е. модели, существующие в языковом сознании вне процесса исследовательского модели-

рования. Словообразовательные модели являются ярким образцом моделей этого типа. Дериватолог как исследователь только выявляет то, что уже существует объективно, независимо от него. Модели такого типа прочно связаны с самим феноменом и как бы удваивают его. Особенностью изучения объектов на данном типе моделей является использование описательного подхода.

Второй тип моделей – это модели, «поднимающиеся» над эмпирической реальностью. Они гораздо сложнее, поскольку включают в себя помимо эмпирики компоненты теоретические. Таким образом, особенность этого типа моделирования состоит в том, чтобы не удваивать реальность, а создавать ее (в том числе и внешне похожую на действительность). Модель создает иную реальность объекта, что и позволяет получать новые знания о нем. Этим модель отличается от схем, широко представленных в филологической литературе, дающих наглядное, но достаточно поверхностное представление об изучаемом объекте. Таким образом, актуальным является разработка таких моделей объекта, основу которых составляет целостная исследовательская программа, включающая последовательно примененный набор методов и приемов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода [Белоусов].

Познавательные возможности модели обуславливаются тем, что модель отражает какие-либо существенные черты объекта-оригинала. Вопрос о необходимости и достаточной мере сходства оригинала и модели требует дальнейшего изучения. Очевидно, модель утрачивает свой смысл как в случае тождества с оригиналом, так и в случае чрезмерного во всех существенных отношениях отличия от оригинала. Таким образом, изучение одних сторон моделируемого объекта осуществляется ценой отказа от отражения других его сторон. Поэтому любая модель замещает оригинал лишь в строго ограниченном смысле. Из этого следует, что для одного объекта может быть построено несколько «специализированных» моделей, концентрирующих

внимание на определенных сторонах исследуемого объекта или же характеризующих объект с разной степенью детализации [Философский 1983: 381].

Предлагаемая ниже типология межъязыковых лексических соответствий также носит «модельный» характер. В научной литературе отмечается, что моделирование особо эффективно для ряда социально значимых целей, например при обучении родному и неродному языкам, в процессе перевода и редактирования. В отличие от обычных лингвистических описаний, модели должны отвечать требованиям точности, адекватности, простоты, компактности, непротиворечивости и полноты. Добиться этого довольно трудно, особенно в случае обращения к таким сложным и взаимопересекающимся параметрам моделирования сходств и различий лексики разных языков, как форма и содержание. При всем этом предложенные выше критерии сравнения языковых единиц могут, с учетом ограничений, рассмотренных в предыдущем разделе, использоваться в качестве основы для выделения ряда типичных моделей или, в более распространенной терминологии, типов лексических (и, частично, грамматических) соответствий между разносистемными языками.

Уместным представляется привести наши размышления по поводу сходств и различий понятий *тип* и *модель*, так как в рассматриваемом исследовании это частично пересекающиеся термины. Во-первых, и модель, и тип являются обобщенным, абстрактным, упрощенным представлением оригинала. В этом их очевидное сходство. Но модель, по определению, это набор характерных признаков оригинала (в нашем случае двух сравниваемых оригиналов), находящихся друг с другом в определенных связях и отношениях, выявленных исследователем в структуре изучаемого им объекта независимо от роли, которую они играют в моделируемом оригинале. Типы, особенно в контексте создания типологии межъязыковых соответствий, это характерные признаки сравниваемых оригиналов, «являющиеся источником потенциальных трудностей для изучающих языки»

[Гвишиани 2010]. Следовательно, в типах межъязыковых соответствий обобщаются те свойства оригинала, которые касаются наиболее выраженных различий между сравниваемыми языками. В этом отношении модель – более широкое понятие, так как моделированию подвергаются как «легкие» для усвоения соответствия между языками, т. е. те, которые показывают достаточно много сходств, так и «трудные» или «средней трудности» соответствия.

Моделирование в процессе сравнения лексики разных языков – это прием, результатом применения которого является создание модели изучаемых языковых явлений. С учетом введения целой системы формальных и содержательных критериев у исследователя появляется возможность представления сравниваемых языковых единиц на нескольких моделях, в зависимости от того, какие критерии сравнения выступают ведущими. Таким образом создается типология межъязыковых соответствий, которая носит моделируемый (прогнозируемый) характер. С точки зрения процедур лингвистического исследования моделирование можно рассматривать как один из приемов (методов) сравнения в рамках контрастивного анализа языковых единиц. В результате моделирования сравниваемых языков по набору критериев создается классификация (типология) наиболее типичных моделей (контрастивных моделей) взаимодействия сравниваемой лексики.

Данный прием, или метод, нередко называют *методом логического моделирования* (термин Л. К. Латышева, А. Л. Семенова), так как основу моделирования, независимо от числа выявленных моделей языковых соответствий, составляют четыре наиболее общих типа взаимоотношений между понятиями: совпадение (эквивалентность), включение, пересечение, несовпадение (исключение). Безусловно, логические категории играют большую роль в исследовательской практике, так как они просвечивают более или менее завуалированно во всех категориях языка [Кацнельсон 2001: 83]. Однако лингвисты, пользуясь приемом моделирования, предлагают и другие его названия, стремясь

отразить специфику объекта – язык (языки) и направление его изучения в рамках моделирования. На сегодняшний день существуют приемы так называемого семантического, коммуникативно-семантического, когнитивного моделирования и т.д. С учетом объекта нашего исследования и поставленных задач наиболее приемлемым нам представляется термин *структурно-семантическое моделирование*, под которым мы понимаем *процесс сравнения двух (и более) лексических единиц как близкородственных так и неродственных языков, в результате которого создается классификация найденных соответствий по ряду наиболее частотных (типичных) моделей в зависимости от особенностей корреляции формы, содержания и функции сравниваемых лексических единиц*. В основе предлагаемой методики структурно-семантического моделирования языков лежат идеи известных лингвистов, переводчиков и педагогов: Р. Ладо (1950), Я. И. Рецкера (1974), Б. А. Лapidуса (1981), И. Л. Бим (1997), Я. М. Колкера (2000), В. Н. Вагнер (2001), Л. К. Латышева, А. Л. Семенова (2003), В. С. Виноградова (2007) и др.

Созданные в процессе структурно-семантического моделирования контрастивные модели дают представление об исследовательской деятельности лингвиста и в идеале сводят до минимума роль субъективного фактора в исследовании. По сложности проблематики модели такого типа стоят рядом с моделями творческой деятельности и научного поиска вообще. С другой стороны, структурно-семантическое моделирование позволяет сделать процесс сравнения языковых явлений более наглядным и в меру трудным. Освоив набор исследовательских процедур, даже старшеклассник, не говоря о студентах и преподавателях, в принципе может осуществлять сравнение изучаемых языковых явлений, соотносить их с соответствующими моделями и использовать результаты моделирования как в исследовательской, так и учебной деятельности.

Ниже предлагается план-схема, которая помогает выводить определенные модели соответствий между языковыми единицами сравниваемых языков.

План-схема структурно-семантического моделирования межъязыковых лексических соответствий

1. Основные понятия

Контрастивный анализ (КА): лингвистический метод сравнения современных языков (и культур) с целью выявления сходств и различий между ними.

Практические (прикладные) задачи КА: 1) помочь в более успешном усвоении новых языков; 2) способствовать развитию навыков рефлексии у начинающих переводчиков в процессе перевода; 3) лучше понять незнакомую культуру (для предстоящей поездки, для переписки с друзьями из-за рубежа, для встречи гостей из других стран) и т. д.

Прием структурно-семантического моделирования – сравнение изучаемых языковых явлений по контрастивным моделям (КМ) в соответствии с принятыми критериями.

2. Критерии сравнения

Для моделирования результатов сравнения единиц любого языкового уровня в первую очередь необходимо выработать четкую систему критериев, по которым будут сравниваться языковые единицы. Сравнение **лексики двух** (и более) **языков** (*A* и *B*) может проводиться по следующим основным критериям:

форма слов – внешняя сторона языкового знака, его материальная, физическая сущность: графическая, звуковая и морфологическая;

значение (лексическое) – мыслительное содержание, общее для данного языкового коллектива, закрепленное за данной звуковой формой и обусловленное системой данного языка; основное лексическое значение и лексико-семантические варианты (ЛСВ), определяемые по словарям;

сочетаемость (лексическая; грамматическая) – свойство языковых единиц сочетаться с ограниченным количеством языковых единиц в потоке речи на уровне морфем, словосочетаний, предложений;

дистрибуция – географические ограничения при употреблении данного слова, главным образом в диалектных формах и вариантах одного и того же языка: амер. англ. *gasoline* и брит. англ. *petrol*, означающие одно и то же – «бензин»; исп. *autobus* и кубинский исп. *guagua*, обозначающие «автобус» и т. д.;

коннотация – культурно-специфический оттенок значения с положительным, отрицательным или нейтральным отношением к понятию, выражаемому словом / словосочетанием: рус. *черная кошка* – к несчастью, а англ. *black cat* в культуре англоговорящих стран – к удаче; рус. *агрессивный* – негативная характеристика, однако англ. *aggressive* – нейтральная или положительная характеристика и т. д.;

объем (лексического) значения – выражение с помощью данного слова определенного количества сем / лексико-семантических вариантов. Различие объемов значений слов, обозначающих сходные понятия в сравниваемых языках, можно отразить графически с помощью значков < или >, например: рус. *делать* > англ. *to do, to make*; рус. *стирать, мыть* < нем. *waschen*, англ. *wash*; англ. *bone* (кость) > нем. *Knochen* (кость животного) и *Gräte* (кость рыбы), *Bein* (кость как материал для изготовления предметов) и т. д.

3. Условные обозначения для моделирования лексики

A, B и т. д. – сравниваемые языки

ф – форма

зн – значение

соч – сочетаемость

кон – коннотация

д – дистрибуция

о – объем значения

= сходство слов сравниваемых языков по какому-либо критерию

≠ различия слов сравниваемых языков по какому-либо критерию

< или > разный объем значений сравниваемых слов

4. Структурно-семантическое моделирование

Заключительным шагом в моделировании словарных соответствий сравниваемых языков является представление результатов сравнения в виде восьми основных моделей⁵, включающих наиболее распространенные комбинации межъязыковых соответствий на основе приведенных выше критериев сравнения. Образец моделирования лексических соответствий представлен в табл. 7 на стр. 138.

Примеры из таблицы показывают возможности применения структурно-семантического моделирования при сравнении разносистемных неблизкородственных языков: русского и английского, английского и татарского, русского и французского или испанского, удмуртского и немецкого и т. д. Еще большие возможности использования данного приема открываются при сравнении близкородственных языков. Как известно, близкородственные языки отличаются большим количеством сходств на разных языковых уровнях. Но их изучение чревато появлением дополнительных трудностей из-за значительного пласта ложных когнатов, которые восходят к одной лексеме праязыка, а также являются результатом заимствований из других языков. Кроме этого, структурно-семантическое моделирование позволяет учитывать фактор многообразного влияния на родственные языки других, менее родственных и совсем неродственных языков. В результате можно создать особый тип структурно-семантического моделирования лексики, позволяющий проводить параллели с языками разной степени родства. Такое моделирование языков может стать «окном в другие миры» и играть роль уникального средства формирования смешанного типа многоязычия у изучающих разные языки. Покажем возможности структурно-семантического моделирования близкородственных языков на примере сравнения лексики русского и сербского языков.

⁵ Моделей в конкретном исследовании может быть больше или меньше в зависимости от количества критериев сравнения лексики, количества и особенностей сравниваемых языков, а также глубины проводимого исследования (см. более подробно в разделе 2.2).

Таблица 7 – Образец моделирования
межъязыковых лексических соответствий

№ модели	Определение типа лексического соответствия	Критерии для определения модели	Примеры
1	<i>Родственные (интернациональные) слова:</i> графическое (звуковое) сходство, а также сходство основного лексического значения	А ф, зн = В ф, зн	рус. конституция – англ. constitution ⁶ рус. майонез – фр. mayonnaise англ. melon – фр. melon (дыня) англ. gum – словац. guma (резина) рус. актер – татарск. актер
2	<i>Ложные когнаты (ложные друзья переводчика):</i> графическая форма сравниваемых слов сходна, а лексическое значение отлично	Аф = Вф Азн ≠ Взн	рус. камера – англ. camera (фотоаппарат) польс. kura (курица) – исп. cura (священник) рус. лилия – исп. lila (сирень) рус. место – словац. mesto (город)
3	<i>Самый распространенный пласт лексики:</i> сходство по основному значению, нейтральная коннотация при различиях в графической форме сравниваемых слов	Аф ≠ Вф, Азн = Взн	англ. table – рус. стол рус. хлеб – фр. pain удм. пукон – нем. Stuhl (стул) рус. продавец – татарск. сатучы
4	<i>Безэквивалентная лексика:</i> наличие в одном из сравниваемых языков слов, не имеющих сходства в другом языке ни по форме, ни по значению ⁷	Аф ≠ Вф Азн ≠ Взн	рус. силовик – англ. silovik рус. справка – англ. spravka рус. баня русская – англ. banya, Russian baths

⁶ Примеры в таблице из [Бурак 2002; Зеленина 2005; Малых 2007; Dratva 2007].

⁷ Более подробно о безэквивалентной лексике см. стр. 162–174.

№ модели	Определение типа лексического соответствия	Критерии для определения модели	Примеры
5	<i>Необычные типы форм, конструкций</i> с точки зрения сопоставляемых языков при наличии сходства в передаваемом содержании. Особенности лингвистической сочетаемости (комбинаторики)	Аф ≠ Вф Азн = Взн А соч ≠ В соч	англ. <i>call on</i> – рус. <i>заходить</i> (одно слово) англ. <i>call for</i> – рус. <i>призывать</i> англ. <i>it rains</i> – рус. <i>идет дождь</i> рус. <i>опоздать</i> – англ. <i>to be late</i> удм. <i>дӱсь тырон</i> (шкаф) – фр. <i>armoire</i> рус. <i>рояль</i> – исп. <i>piano de col</i>
6	Различия / сходства в коннотациях сравниваемых языковых единиц	Аф ≠ Вф или Аф = Вф, Азн = Взн, Акон ≠ Вкон	англ. <i>youth</i> (юноша) – нем. <i>Jüngling</i> (юнец) рус. <i>гусыня</i> (полная, неprovорная) – нем. <i>Gans</i> (глупая, недалёковидная) амер. англ. <i>apartment</i> (квартира) – рус. <i>апартаменты</i> (большое роскошное помещение)
7	Национальные варианты одного языка. Особенности <i>ареальной дистрибуции</i> : графические формы сравниваемых слов не совпадают при сходстве лексического значения	Аф ≠ Вф Азн = Взн Ад ≠ Вд,	амер. англ. <i>sidewalk</i> – брит. англ. <i>pavement</i> (тротуар) исп. <i>autobus</i> – кубинский исп. <i>guagua</i> (автобус) южно-нем. <i>Fleischer</i> – сев.-нем. <i>Metzger</i> (мясник)
8	Слова с <i>разным объёмом значения</i> : формы сравниваемых слов не совпадают, при этом одному слову в одном языке соответствуют несколько слов в другом языке. Сравнимые слова находятся в отношении гипонимии	Аф ≠ Вф Азн > Взн или Азн < Взн	нем. <i>Bürste, Pinsel, Besen</i> < англ. <i>brush</i> удм. <i>комак</i> – рус. <i>крыса, хомяк</i> рус. <i>голова</i> – нем. <i>Kopf, Haupt</i>

2.2. Прикладные задачи структурно-семантического моделирования лексики

Введение типологии межъязыковых лексических соответствий в качестве приема изучения новой лексики можно рассматривать как один из способов оптимизации процесса мультилингвального образования, который ведет к формированию так называемого «контрастивного знания» (*contrastive knowledge* [Karjalainen 2003: 74]). Соответствующие педагогические эксперименты, проводимые методистами на разных языках в многоязычной аудитории, доказывают необходимость обращения к большим тематическим группам при введении новой лексики на основе контрастивного подхода. Это развивает умение обучающихся опираться на известное и избегать отрицательного влияния со стороны новой информации, а также способствует интенсификации переноса знаний из «старого» в «новое» [Mogin 2001: 8]. В целом, психологами установлена фундаментальность процедуры сравнения для человеческого сознания в решении разного типа бытовых / учебных / социальных проблем, в связи с чем они отмечают, что людям свойственно мыслить сравнениями (*the comparative thinking style* [Corcoran 2009: 244]). Этот факт повышает значимость дальнейшего практического освоения рассматриваемого в работе приема структурно-семантического моделирования и разрабатываемой на его основе типологии межъязыковых лексических соответствий.

2.2.1. Формирование смешанного типа многоязычия у обучающихся⁸

Сравнение языков, будучи важнейшим аспектом теоретического языкознания, имеет и прикладную функцию – способствовать развитию многоязычия в социуме. Многие жители России, не являясь естественными билингвами, становятся многоязычными только в процессе обучения, из чего следует вывод, что многоязычие можно формировать. Появилось и новое понятие для образовательной системы России и многих зарубежных стран – «мультилингвальное (многоязычное) образование / обучение» [Материалы 2012], основным принципом которого является соизучение языков на контрастивной основе, с учетом достижений в области контрастивных (сопоставительных) исследований языков и культур. Уровень развития подобных исследований напрямую влияет на степень разработанности соответствующих учебных пособий и способствует определению приоритетов в изучении языков в системе образования.

Наиболее распространенные языки мира, являющиеся объектами сравнительных исследований, это языки германской и романской групп индоевропейской семьи языков. Они хорошо изучены в синхронии и диахронии российскими и зарубежными исследователями. Следует отметить, что по сравнению с германскими и романскими языками языки славянской группы изучены в меньшей степени. Соответственно, это влияет на малое количество учебной литературы по изучению современных славянских языков русскоговорящими. Особенно это касается языков, недавно получивших политический статус в связи с образованием новых независимых государств: сербского, хорватского, македонского и др.

Как уже было отмечено, многоязычие формируется на основе владения разными комбинациями языков. Если человек

⁸ Материал раздела 2.2. впервые опубликован в статье: Малых Л. М., Медведева Д. И. Структурно-семантическое моделирование близкородственных языков (на материале сербского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. № 37. 2011. С. 67–74.

владеет несколькими родственными языками, он уже является полиглотом. Однако наиболее интересным и перспективным типом многоязычия является тот случай, когда человек владеет разносистемными языками. При этом у него формируется так называемый смешанный тип многоязычия как результат владения языками из разных языковых групп (семей). Изучение одного романского или одного германского языка может послужить отправной точкой к изучению последующих языков данных групп. Смешанный тип многоязычия интересен тем, что открывает перспективы для дальнейшего изучения языков из разных языковых семей. Поэтому это более сложный тип многоязычия, формируется более длительное время и его становление требует больших усилий. Встает вопрос: возможно ли разработать такие модели обучения многоязычию, которые бы существенно облегчили формирование смешанного типа многоязычия у русскоговорящих?

Следует положительно ответить на этот вопрос при учете соблюдения важного условия. Необходимо найти такой близкородственный язык, который, в силу исторических условий, имеет много общих черт с языками из других языковых групп. По нашему убеждению, для русскоязычных такую миссию посредника между славянским и западным миром выполняет сербский язык. И этому есть несколько причин.

1. Сфера функционирования языка. На сербском языке говорят жители Сербии, Республики Сербской (территориальная единица в составе Боснии и Герцеговины), Черногории. Это – юго-восточная Европа, Балканский полуостров, который с древности была перекрестком языков и культур. Являясь центральной частью Балканского полуострова, Сербия воплощает в себе черты межкультурного посредника в наибольшей степени, что находит отражение и в самом сербском языке. Одним из доказательств этого являются многочисленные заимствования из разносистемных языков контактировавших с сербами народов. Так, согласно В. П. Гудкову, из немецкого пришли слова *коштати* (стоять), *фалити* (недоставать, не хватать), *фин*

(изящный, прелестный), *веш* (белье), *флаша* (бутылка), *квалитет* (качество) и др., из венгерского *варош* (город), *вашар* (ярмарка), *лопов* (жулик), *добош* (барабан) и др., из греческого *хартуја* (бумага), *хил'ада* (тысяча), *талас* (волна), *мирис* (запах), *јефтин* (дешевый), а также многочисленные термины, связанные с христианством, наукой и т. д. [Гудков 2010].

На протяжении нескольких веков в сербский язык проникали слова из языка завоевателей – турок, причем к турцизмам причисляются также лексемы, принесенные турецким из других восточных языков (арабского, персидского и др.): *занат* (ремесло), *комишија* (сосед), *будада* (дурак), *зулум* (насилие, угнетение), *кафа* (кофе), *бибер* (перец) и т. д. Имеются и многочисленные опосредованные заимствования из русского, английского, французского и др. языков. Из французского были заимствованы слова *деби* (дебют), *амбасада* (посольство), *авион* (самолет), *камион* (грузовик), *терен* (местность) и др. Заимствования из русского органически влились в состав сербской лексики: *васпитање* (воспитание), *машта* (мечта), *укус* (вкус), *одличан* (отличный), *подражавати* (подражать) и др. В последнее время отмечается массовое заимствование лексики из английского языка: *викенд* (уик-энд), *ласер* (лазер), *скенер* (сканер), *менаџер* (менеджер), *спикер* (диктор), *промоција* (презентация) и мн. др. Точных данных по процентному составу заимствований в сербском языке нет, но стоит предположить, что заимствования сыграли существенную роль в формировании современного сербского языка [Гудков 1969].

2. Продолжая характеристику сербского языка как перекрестка культур, следует обратить внимание на сербский алфавит, для которого характерно параллельное использование кириллицы и латиницы. Для сравнения, западнославянские языки: польский, чешский, словацкий и т. д., используют только латиницу. Болгарский, русский, украинский и т. д. – только кириллицу. Параллельное использование кириллицы и латиницы приучает носителей языка к важнейшему признаку многоязычной личности – «переключению кодов» [Crystal 1997: 363].

Например: *Добро дошли на Википедију, слободну енциклопедију коју и Ви можете да уређујете! / Dobro došli na Vikipediju, slobodnu enciklopediju koju i Vi možete da uredjujete!*

Следовательно, при изучении сербского языка это важное свойство формируется автоматически. Имеются учебники сербского языка (например, «Сербский с нуля» О. А. Просвириной), в которых даются задания попеременно на обоих алфавитах, а также упражнения, формирующие навык переключения кодов. Например: *прочитайте слова и перепишите их кириллицей: aerodrom, avion, kofer, prodavnica, pijaca; переведите реплики пассажира на сербский язык: Vaš pasoš, molim. – Пожалуйста. – Koliko dugo ostajete u Srbiji i Crnoj Gori? – Десять дней. – Imate li u koferu nešto za carinu? – В чемодане мои личные вещи. – Izvolite pasoš* [Просвирина 2007].

3. Следующая особенность сербского языка связана со способами освоения непосредственных заимствований из западных языков, к которым относятся транслитерация и калькирование. Оба процесса с достаточно большой точностью позволяют установить источник заимствования, так как расхождения с графической формой и лексическим значением оригинального слова в этом случае минимальны. Способом транслитерации были заимствованы лексемы *кофер* (нем. *Koffer* – чемодан), *фрижидер* (фр. *frigidaire* – холодильник), *фудбал* (англ. *football* – футбол). Способом калькирования были заимствованы слова *полубрат* (фр. *demi-frère* – сводный брат), *мртва природа* (фр. *nature morte* – натюрморт), частичного калькирования – *кишобран* (нем. *Regenschirm* – зонтик), *падобран* (нем. *Fallschirm* – парашют). Особенно много примеров калькирования выявлено среди заимствований из немецкого языка: *основна школа* (нем. *Grundschule* – начальная школа), *матерњи језик* (нем. *Muttersprache* – родной язык, букв. «материнский язык», ср. англ. *mother tongue*), *слепи путник* (нем. *blinder Passagier* – безбилетный пассажир, букв. «слепой пассажир»), *бити у другом стању* (нем. *in anderen Umständen sein* – быть в положении, беременной, букв. «быть в другом состоянии»). Отметим

также случаи структурных совпадений сербских и немецких слов на уровне морфологии: *допадати* (нем. *gefallen* – нравиться; оба слова происходят от корня со значением «падать»), *угледан* (нем. *angesehen* – уважаемый, знатный; оба слова происходят от корня со значением «смотреть, видеть», ср. рус. *видный*), *срчан* (нем. *beherzt* – храбрый; оба слова происходят от корня «сердце») и др.

В сербском языке имеется много заимствований, которым в русском языке соответствуют исконные слова, а в западноевропейских языках – однокоренная лексика латинского происхождения: *експлозија* – взрыв (англ. *explosion*, нем. *Explosion*), *просперитет* – процветание (англ. *prosperity*, нем. *Prosperität*), *деклинација* – склонение (англ. *declination*, нем. *Deklination*), *инсистирати* – настаивать (англ. *to insist*, нем. *insistieren*) и др.

Кроме того, западноевропейские заимствования проникали в сербский язык более прямым и непосредственным путем, чем в русский, и поэтому в сербском языке сохранились первоначальные значения слов-источников, в то время как в русском языке они либо изменили объем лексического значения, либо приобрели дополнительные коннотации. Проиллюстрируем близость семантики соответствующих слов в сербском и французском языках на примере французских заимствований: фр. *traiter*, серб. *третирати* «обходиться, обращаться с кем-л., относиться к кому-л.»; рус. *третировать* «обращаться с кем-л. пренебрежительно, свысока»; фр. *courage*, серб. *кураж* «храбрость, смелость»; рус. *кураж* «непринужденно-развязное поведение, наигранная смелость»; фр. *plafond*, серб. *плафон* «потолок», рус. «абажур для светильника, обычно на потолке или на стене; лампа с таким абажуром».

Отметим, что параллели с западноевропейскими языками наблюдаются и в грамматическом строе сербского языка. Например, как в английском и немецком языках, в сербском языке имеются совершенные формы (*искључио сам телефон*); обязательным для употребления является глагол-связка «быть» (*телефон је на столу*); есть и плюсквамперфект (*телефон ми је блоки-*

рао био), а также вспомогательные глаголы для образования форм будущего времени и перфекта и т. д.

Что касается связей сербского и русского языков в области грамматики, в сербском языке есть шесть падежей, большинство из которых по функции совпадают с русскими падежами. Имеется система личных окончаний глаголов для всех трех лиц в единственном и множественном числах.

Таким образом, важной особенностью сербского языка в становлении смешанного многоязычия у русскоговорящих является легкость его восприятия и изучения носителями русского языка, обусловленная близким родством этих языков. Благодаря схожему алфавиту, большому пласту родственных слов изучение сербского языка может происходить быстрыми темпами. С другой стороны, он воспринимается русскоговорящими как иностранный язык, территориально удаленный от России, в отличие от украинского и белорусского языков. И самое главное, он имеет множество лексико-грамматических особенностей по сравнению с русским языком, которые в процессе изучения сербского языка позволяют одновременно знакомиться с западноевропейскими языками. Следовательно, даже на уровне фрагментарного анализа очевидно, что сербский язык является уникальным средством для формирования многоязычия смешанного типа у русскоговорящих и открывает дорогу к изучению как славянских, так и западноевропейских языков.

Встает следующий вопрос: каким образом можно использовать близкородственный сербский язык в качестве «перекидного мостика» от русского языка как родного к западноевропейским языкам? Следует отметить, что в качестве такого приема можно использовать структурно-семантическое моделирование языковых соответствий в разных языках. Рассмотрим основные восемь моделей, по которым можно классифицировать сравниваемую русскую и сербскую лексику, на ряде примеров.

Модель 1 – интернациональная лексика (графическая форма и лексическое значение сравниваемых слов проявляют

максимальное сходство). Можно выделить два типа внутри данной модели.

1-й тип – общеиндоевропейские слова, например: серб. *maјka* – рус. *мать* – англ. *mother* – нем. *Mutter* – фр. *mère*. В 1-м типе сопоставляемые слова сходны в результате того, что они происходят из одного первоисточника.

2-й тип – интернационализмы латинского и греческого происхождения, типа серб. *демократија* – рус. *демократия* – англ. *democracy* – нем. *Demokratie*, фр. *démocratie* и т. д. Этот тип является результатом заимствований из античных языков.

Модель 2 – ложные когнаты (сходство по графической / звуковой форме и различия в лексическом значении сравниваемой лексики). В целом, можно выделить три типа ложных когнатов.

1-й тип выделяется внутри славянской языковой группы. Например: серб. *кућа* – «дом» (а не *куча*), *вредан* – «ценный, достойный, трудолюбивый» (а не *вредный*), *печење* – «жаркое» (а не *печенье*) и т. д. [Белинская 2009].

2-й тип выделяется внутри сербско-западноевропейских параллелей. Например, *парадајз* – не англ. *paradise* (рай), а «помидор», *спикер* – не англ. *speaker* (оратор), а «диктор на телевидении», *кикирики* – не нем. *Kikeriki* (кукареку), а «арахис» и т. д. [Гудков 2010].

3-й тип выявляется при сравнении минимум трех языков. Его характерной особенностью является расхождение значений в двух сравниваемых языках, но сходство одного из них с третьим. Например: серб. *балон* (воздушный шар) – рус. *баллон* (резервуар) – англ. *balloon* (воздушный шар); серб. *фелтон* (рубрика в газете со статьями на литературную или научную тему), франц. *feuilleton* (рубрика в газете со статьями на литературную или научную тему, статья или отрывок из романа в данной рубрике, рус. *фельетон* (жанр художественно-публицистической литературы, использующий юмористические и сатирические приемы изложения) и т. д. 3-й тип данной модели представ-

ляет особый интерес для формирования разносистемного многоязычия через опору на сербский язык.

Модель 3 объединяет слова, схожие по лексическому значению, но различные по форме. Особенностью этой группы слов является их ядерный статус на фоне всей лексики языка, отражающий основные понятия, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни: утварь, предметы быта, природные явления и т. д. Например: серб. *прозор* – рус. *окно*, англ. *window*, нем. *Fenster*; серб. *зид* – рус. *стена*, англ. *wall*, нем. *Wand*; серб. *брдо* – рус. *гора*, англ. *mountain*, нем. *Berg*; серб. *кофа* – рус. *ведро*, англ. *bucket*, нем. *Eimer*; серб. *шоља* – рус. *кружка*, англ. *cup*, нем. *Tasse* и т. д.

Модель 4 – безэквивалентная лексика, характеризующаяся, в целом, тем, что ни графическая / звуковая форма, ни значение лексической единицы не имеет параллелей в сравниваемых языках. Изучение этой группы слов обусловлено необходимостью внедрения в среде обучающихся идеи о том, что не все слова одного языка имеют прямые соответствия в других языках. Кроме того, изучение этого пласта лексики важно потому, что он является культурно-маркированным. Покажем возможности сравнения безэквивалентной лексики сербского языка на основе классификации Л. К. Латышева [Латышев 2008: 160].

1-й тип – слова-реалии (отсутствующие в опыте носителей одного языка предметы или явления, обозначаемые лексемой в другом языке). Например, серб. *бадњак* не имеет соответствующей лексемы в русском языке и может быть переведено только описательно: «поленья дуба, традиционно сжигаемые на Рождество» и др.

2-й тип – случайные безэквиваленты (несовпадающее членение реальности разными языками): *заранак* – «время под вечер перед сумерками» и др.

3-й тип – структурные экзотизмы (их невозможно структурировать средствами одного языка аналогичными компактными наименованиями предмета или явления в другом

языке): *једносратница* – «двухэтажный дом, буквально «одноэтажник».

Следует подчеркнуть, что сравнение более чем двух языков нередко, что так характерно для сербского языка, вскрывает наличие лингвокультурных параллелей даже в этом пласте лексики. Так, сравнение серб. *бадњак*, не имеющего эквивалента в русском языке, с западноевропейскими языками показывает наличие выраженных сербско-англосаксонских лингвокультурных параллелей. В английском языке этому слову соответствует словосочетание *Yule log* (рождественское полено) из дуба, вяза или вишни, которое своим горением олицетворяет для носителей английского языка возвращение солнца и прибавление дня [Рождественское полено].

Интересен и другой пример лингвокультурных параллелей сербского с западноевропейскими языками: серб. *приземље* не имеет аналогичного слова или словосочетания в русском языке. Это – дословно «часть здания, находящаяся вровень с землей», т. е. первый этаж. Как известно, в английском языке это тоже *ground floor* – «земляной этаж», так же, как и в нем. *Erdgeschoss* и фр. *rez-de-chaussée* и т. д.

Модель 5 – необычные типы конструкций (морфологических и синтаксических), сложные для усвоения и понимания иностранцами. Например, серб. *деца* (дети), в отличие от словарных соответствий в русском и других европейских языках, является собирательным существительным, имеющим грамматический показатель ж. р. (ср. рус. детвора): *Деца су весела* (Дети веселы). По такому же образцу создано и сербское слово *браћа* (братья, ср. рус. братия): посл. *Сложна браћа нове дворе граде, а несложна и старе разграђују* (Дружные братья новые дворы строят, а недружные – и старые разоряют).

Модель 6 – различия в коннотациях сравниваемых слов при сходстве основного лексического значения. В данной модели можно выделить два типа.

К 1-му типу относятся те случаи, когда коннотация слова меняется в результате морфологических преобразований основы

слова, возможных в одном из сравниваемых языков и невозможных в другом. Например, *Рускињица* (ярко положительное обозначение русской девушки или женщины) в отличие от нейтрального *Рускиња* (русская)⁹. По аналогии: *Францускињица* – *Францускиња* и т. д. От лексемы *поштењак* (честный человек) с помощью суффикса образуется коннотированное производное с усилительным значением *поштењачина* (очень честный человек) и т. д.

Ко 2-му типу отнесены те слова, в которых коннотативные различия заложены в семантике корня, они культурно-специфичны. Например, *кукавица* (кукушка) в переносном значении обозначает трусливого человека; *риба* (рыба), помимо основного значения, имеет сленговое значение «девушка»; *лисац* (лис) в словосочетании *стари лисац* соответствует рус. *стреляный воробей* [Белинская 2009].

Модель 7 – диалектная лексика сербского языка, которая используется для обозначения одних и тех же понятий в разных регионах Сербии. В ряде работ этот пласт лексики, с позиций структурно-семантического моделирования, характеризуется как сходный по лексическому значению, но различающийся по графической и звуковой форме, а также своей географической дистрибуцией. Например, *парадајз* – общеупотребительное слово со значением «томат», «помидор». В ряде диалектов сербского языка вместо этого слова употребляется диалектизм *помидора*.

Интересен этот пласт лексики тем, что в нем прослеживаются сложные параллели со многими языками, и это также открывает простор для многоязычия. Так, на побережье Адриатического моря в Черногории употребляются диалектизмы итальянского происхождения: *питурати* – красить (станд. серб. *bojiti*, итал. *pitturare*); *споркано* – грязно (станд. серб. *прљаво*, итал. *sporco*) и др.

⁹ Следует отметить особенность правописания национальностей в сербском языке, которые пишутся с заглавной буквы, как в английском и немецком языках.

Таким образом, знакомство с диалектной лексикой сербского языка играет важную роль в повышении интереса к западноевропейским языкам.

Модель 8 объединяет лексику с разным объемом значения в сравниваемых языках. Представляется особо важным привлечение более чем двух языков для сравнения объемов значений лексических единиц. В этом случае взаимосвязь сербского языка с западноевропейскими языками становится особенно наглядной. В зависимости от характера соотношения объемов значений сравниваемых слов можно выделить два типа случаев, образующих данную модель.

К 1-му типу относятся слова сербского языка, которые отличаются широким объемом значений, в отличие от соответствующих русских слов, но совпадающих по объему значений со словами из западноевропейских языков. Например: серб. *земља* – 1) страна; 2) земля (ср. англ. *land*, нем. *Land*); серб. *жена* – 1) женщина; 2) жена (ср. нем. *Frau*); серб. *ићи* – 1) идти; 2) ехать (ср. англ. *go*); серб. *село* – 1) деревня; 2) село (ср. англ. *village*, нем. *Dorf*) и т. д.

Во 2-м типе выявляются слова русского языка, многозначные по отношению к сербскому и другим сравниваемым языкам. Например: рус. *тень* – серб. 1) *сенка* (тень от объекта); 2) *хлад* (тень, в которой можно укрыться от солнца); рус. *рисовать* – серб. 1) *цртати*; 2) *сликати* (ср. англ. *to draw* и *to paint*, нем. *zeichnen* и *malen*); рус. *плавать* – серб. 1) *пливати* (передвигаться вплавь, ср. англ. *to swim*, нем. *schwimmen*); 2) *пловити* (передвигаться на лодке, корабле, ср. англ. *to sail*).

Проведенный анализ роли сербского языка для формирования смешанного типа многоязычия у русскоговорящих показал следующее.

1. Сербский язык обладает уникальным набором характеристик на уровне графической (звуковой) формы и значения лексических единиц, позволяющих рассматривать его как язык-посредник при переходе от русского одноязычия к европейскому многоязычию.

2. Прием структурно-семантического моделирования является способом включения сербского языка в учебный процесс при формировании смешанного типа многоязычия у русскоговорящих. Данный прием обладает высокой эвристической функцией, так как позволяет: 1) создавать многомерную классификацию межъязыковых соответствий на основе корреляции системы формально-содержательных критериев сравнения лексики; 2) гибко подходить к использованию критериев сравнения и отбирать наиболее существенные для сравниваемого языкового материала из системы предложенных критериев; 3) выделять разное количество моделей межъязыковых соответствий в зависимости от особенностей языкового материала, выступающего объектом сравнения.

Прием структурно-семантического моделирования может успешно использоваться не только при изучении новых языков с целью общения на них, но и при обучении основам переводческой деятельности. Особую роль данный прием играет при обучении переводу с языков, которыми переводчик не владеет в совершенстве. В вузах РФ будущим переводчикам предлагается курс перевода со второго иностранного языка. Опыт использования приема моделирования в этом курсе обобщается в следующем разделе.

2.2.2. Совершенствование когнитивных структур языковой личности начинающего переводчика

Структурно-семантическое моделирование позволяет уточнить и углубить представления ученых о когнитивных процессах, протекающих в сознании (мышлении) человека, изучающего разные языки. Как известно, мышление человека постоянно развивается и самоорганизуется, основываясь на его когнитивном опыте. Вопросы развития и самоорганизации мышления напрямую касаются подготовки будущих переводчиков. Следует в связи с этим отметить, что рассмотрение когнитивной составляющей

в структуре языковой личности переводчика получило активное развитие в рамках когнитивной лингвистики, предопределяя во многом развитие когнитивной транслатологии [Языковая 2011: 317]. Это стало особенно актуально в 70–90-х гг. XX в., с появлением нового поколения ученых в области переводоведения, которые в попытке отойти от традиционных методов дескриптивной лингвистики определили начало поиска новых путей исследования сути переводческой деятельности, делая акцент на том, как в действительности осуществляется перевод вместо готовых решений трансформационного характера [Там же: 318].

Обучение современных переводчиков не ограничивается одним иностранным языком. Студенты – будущие переводчики изучают, как минимум, два иностранных языка, а также занимаются переводами с изучаемых ими языков. Как известно, изучение иностранных языков существенным образом влияет на развитие мышления, делая его более самостоятельным, гибким и творческим [Ариян 2011; Барышников 2003; Чичерина 1999]. С введением второго (третьего) иностранного языка связывают еще большее когнитивное развитие обучающихся, так как процесс его изучения протекает на фоне активной мыслительной работы по соотнесению нового языкового материала с уже известными из ранее изученных языков данными [Вайнрайх 1972; Денисова 1995 и др.]. Логичен вывод ученых о том, что в становлении мультилингвальной личности современного специалиста особую роль играет целенаправленное совершенствование когнитивной операции сравнения [Исабеков 1989; Муратова 1987]. Эта операция лежит в основе навыка переключения с одного языкового кода на другой, что составляет суть формирования механизма билингвизма (мультилингвизма) [Щукин 2007: 158], так необходимого в работе переводчика. Эти факты свидетельствуют об усложнении когнитивного опыта начинающих переводчиков, что позволяет вводить процедуру моделирования в учебный процесс подготовки переводчиков с того момента, как они приступают к изучению очередного иностранного языка.

Переводческий процесс со второго иностранного языка (ИЯ 2) на родной язык (РЯ) отличается рядом особенностей [Connor 1999: 120–123]. Во-первых, переводчик не владеет языком оригинала на ИЯ 2 в такой же степени, в какой он владеет первым иностранным языком (ИЯ 1). Однако, согласно программе переводческой практики по ИЯ 2, результат должен соответствовать всем требованиям нормы переводческих действий, ведущих к адекватному переводу на РЯ. Следовательно, возникает потребность в более совершенном владении переводчиком рядом стратегий – специальных, творческих, компенсаторных, необходимых для развития умений переводческой деятельности средствами второго иностранного языка [Nassaji 2006: 387].

Во-вторых, в курсе перевода с ИЯ 2 возникает необходимость большей опоры на лингвистическую догадку, общую эрудицию, умение проводить аналогии между языками, понимать содержание по ключевым словам и т. д. – то, что в зарубежной лингвистике соответствует общему понятию «*a contrastive attitude to translation*» (контрастивный подход к переводу) [Höbner 2010: 84]. Системное развитие этих стратегий в процессе перевода с ИЯ 2 на РЯ способствует повышению профессионализма переводчика в целом и ведет к улучшению качества перевода с ИЯ 1 на РЯ в том числе.

Для более интенсивного и успешного совершенствования перечисленных выше стратегий в переводческий анализ текстов на ИЯ 2 предлагается включить технологию структурно-семантического моделирования языкового материала. Данный прием в контексте переводческой деятельности рассматривается как способ системного сопоставления ИТ (исходный текст) и ПТ (переведенный текст) при исследовании процессов, недоступных для непосредственного наблюдения [Латышев 2003: 116]. С помощью данного приема переводчик может производить самонаблюдение (рефлексию созданного другим переводчиком или создаваемого им ПТ), что позволит ему глубже понять механизм перевода, а именно:

- 1) более точно определить языковые явления из текста оригинала, выступающие опорой при переводе на ПЯ (язык перевода). Это так называемые языковые параллели, или взаимозэквивалентные языковые единицы, которые, как правило, не требуют специального обращения к словарям, так как для их понимания достаточно языковой догадки;
- 2) определить различные типы трудностей, которые представляет текст для перевода, наличие интерферирующих элементов текста, максимально опираясь на творческую и компенсаторную стратегии в процессе перевода для достижения требуемого уровня его адекватности;
- 3) «обнаружить некоторые принципы, которыми руководствуется переводчик, при выборе окончательного варианта перевода» [Комиссаров 1999: 157] и др.

Вновь обратимся к демонстрации возможностей приема моделирования в процессе переводческой деятельности на примере лексики ИТ и ПТ. Обращение к уровню слова является важным элементом подготовки переводчика. Являясь основным (базовым) уровнем плана выражения и плана содержания текста, уровень слова / словосочетания является по определению и основным уровнем установления эквивалентности. Выделяя отдельные слова, переводчик сначала переводит их как бы вслепую, без учета контекста, затем, сверяясь с окружающими структурами текста, уточняет значение слов уже с учетом контекста и далее, перестроив структуру сообщения в соответствии с нормами ПЯ, оформляет перевод в виде готового высказывания [Иванов 2006: 78].

Обучение моделированию в процессе переводческой деятельности предполагает три этапа. На первом этапе студент – будущий переводчик знакомится с приемом моделирования на примере сравнения отдельных лексических единиц, как это уже было показано выше (стр. 135–137). Цель этого этапа – выработка четкой системы критериев, по которым будут сравниваться языковые единицы. Вполне достаточным является оперирование описанными выше критериями сравнения лексики, а именно: формой слова, лексическим значением, сочетаемостью слов,

дистрибуцией, коннотацией и объемом значения. Важным условием является включение в инвентарь сравниваемых слов примеров из разных языков, в том числе и не изучаемых студентами. Это позволяет, с одной стороны, развивать языковую догадку и чутье на наличие интерферирующих элементов. С другой стороны, студенты убеждаются в универсальном характере рассматриваемых ими типов межъязыковых лексических соответствий.

Следующим этапом моделирования словарных соответствий ИТ и ПТ является представление результатов сравнения в виде восьми моделей, включающих наиболее распространенные комбинации межъязыковых соответствий на основе приведенных выше критериев сравнения (образец моделирования лексических соответствий был представлен в табл. 7, стр. 138).

Моделирование, результаты которого обобщены в табл. 7, осуществляется на отдельных словах, при работе с двуязычными словарями. Этот этап моделирования сравниваемой лексики играет роль подготовительного, ознакомительного с данной процедурой анализа. Основной же задачей моделирования является помощь переводчику в проведении детального сравнения языковых единиц в контексте – на уровне предложения и текста. Освоение этой процедуры составляет третий этап моделирования ИТ и ПТ. Тщательное сравнение оригинала и перевода по определенным моделям играет важную роль в оттачивании мастерства переводчика. Данная технология способствует: 1) оптимизации процессов выявления типов эквивалентности на уровне слова (словосочетания), предложения и текста, а также 2) более точному определению переводческих действий, основанных на том или ином типе эквивалентности.

Результатом соотнесения трех наиболее известных типов эквивалентов (полных, частичных эквивалентов и безэквивалентной лексики) с восемью моделями типичных межъязыковых соответствий является более детальная и, как представляется, четкая картина особенностей взаимоотношения ИТ и ПТ.

Для осуществления данного этапа моделирования необходимо выделить так называемые *языковые соответствия*

(словарные эквиваленты) и *речевые соответствия* (переводческие эквиваленты). Языковыми соответствиями, как известно, могут быть только те компоненты ИТ и ПТ, которые выявляются в словарных дефинициях двуязычных словарей как регулярные, зафиксированные лексикографами соответствия-эквиваленты. Например, рус. *стол* всегда соответствует англ. *table* (модель 3 в нашей классификации), а рус. *часы* – англ. *watch* или *clock* (модель 8 в нашей классификации) и т. д. Речевые соответствия создаются переводчиками, их появление зависит от контекста, лингвокультурологических особенностей ИТ и ПТ и, что не менее важно, от когнитивных способностей самого переводчика.

Языковые соответствия могут быть только полными или частичными эквивалентами. Так называемая безэквивалентная лексика относится к речевым соответствиям, создаваемым переводчиком на основе определенных переводческих приемов (транслитерации, транскрипции, описательного перевода и т. д.). Полные языковые соответствия (эквиваленты) представлены двумя моделями – моделью 1 и моделью 3. Частичные соответствия (эквиваленты) представлены моделями 2, 5, 6, 7, 8. Соотношение трех основных типов эквивалентов с восемью моделями языковых соответствий представлено в табл. 8 стр. 159.

Следует подчеркнуть, что традиционно обсуждение вопросов эквивалентности ограничивается сравнением языковых единиц по содержательному критерию. Это очевидно из определений эквивалентности, например: *Equivalence is the relationship between words or phrases, from two or more languages, which share the same MEANING* (выделено автором цитаты) [Adamska-Saaciak 2010: 391]. Однако в нашей классификации по моделям учтены три наиболее важных для сравнения лексики параметра – форма (главным образом графическая), содержание (основное лексическое значение и лексико-семантические варианты, объем лексического значения) и функция сравниваемых слов (к которой мы отнесли коннотацию, сочетаемостные потенции слов и ареальную дистрибуцию). Приведенные в табл. 8 данные позволяют убедиться в том, что для

определения типа эквивалентности важно учитывать взаимодействие все трех параметров и соответствующих им критериев.

Анализ соотношения основных типов эквивалентности (полные, частичные и безэквивалентные) с моделированием показывает, что можно выделить определенные закономерности в характере соотношения типа эквивалентности и основных критериев сравнения лексики по моделям. Так, все полные эквиваленты отличаются фиксированными отношениями между формой и значением; объем же значения и, соответственно, другие критерии сравнения слов (коннотация и дистрибуция) не столь релевантны, так как предполагается сходство слов по данным критериям. Как результат, в процессе перевода с ИЯ на ПЯ переводческие действия соответствуют простой лексической подстановке (в терминологии Л. К. Латышева, А. Л. Семенова).

Частичные эквиваленты (модели 2, 5, 6, 7, 8) отличаются в первую очередь несовпадением объема значений сравниваемых слов, что связано с наличием либо большего количества ЛСВ в одном из сравниваемых слов, либо с дополнительными оттенками значений (коннотативными, стилистическими, социографическими и т. д.). В целом, форма как критерий сравнения лексики в частичных эквивалентах не менее релевантна, чем в полных эквивалентах, однако опора на нее носит скорее интерферирующий характер, что также должен осознавать и, по возможности, «чувствовать» переводчик. Переводческие действия соответствуют простой альтернативной лексической подстановке (в терминологии Л. К. Латышева, А. Л. Семенова), так как переводчик поставлен перед проблемой выбора, как минимум, из двух вариантов языковых соответствий в ПЯ одному эквиваленту в ИЯ.

Таблица 8 – Соотношение полных и частичных эквивалентов с моделями языковых соответствий

Языковые соответствия (словарные эквиваленты)					
Полные		Частичные			
Модель 1	Модель 3	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
			Модель 2*		Модель 2*
Простая лексическая подстановка		Простая альтернативная лексическая подстановка			

*Исследователи ложных когнатов (модель 2) отмечают, что существуют два основных типа ЛДП: те, которые не пересекаются в своих значениях, и те, которые пересекаются (overlap) и, следовательно, частично правильно соответствуют друг другу в рассматриваемых языках [Frantzen 1998: 243]. ЛДП, имеющие сходства в содержании, представляют особую трудность для переводчика и рассматриваются нами как разновидности моделей 6 и 8.

Модель 1 – Сходство слов графическое и содержательное (совпадение объема значений слов). Например: англ. *president* – рус. *президент* – фр. *président* – нем. *Präsident*; рус. *конституция* – англ. *constitution* – исп. *constitución* и т. д.¹⁰

Модель 3 – Объем значений слов может не совпадать, важно совпадение первого, основного, ЛСВ (основного значения). Например: англ. *table* – рус. *сто*; нем. *Winter* – рус. *зима*; фр. *lundi* – рус. *понедельник* и т. д.

Модель 5 – Разные части речи, несовпадение числа, рода времени; наличие склоняемых и спрягаемых форм, необычные словообразовательные конструкции (например, сочетание глагола с послелогом в англ. яз., сложносоставные слова в нем. яз.); одному слову соответствует словосочетание, положительной конструкции – отрицательная и т. д. Например: рус. *часы* – англ. *watch* (*watches* – возможное слово, но обозначает не одни, а много часов); рус. *деньги* – англ. *money*; англ. *look for* – рус. *искать*; рус. *я ничего не знаю* – англ. *I know nothing*; нем. *einundzwanzig* – рус. *двадцать один*; фр. *quatre-vingt* – рус. *восемьдесят* и т. д.

¹⁰ Примеры взяты из [Готлиб 1985; Лингвокультурный 2011: 9; Будагов 1974: 142; Савелькина 2012: 117 и др.].

Модель 6 – Слова совпадают по объему передаваемой когнитивной информации (понятийной части значения), но не совпадают по дополнительной информации (эмоц-оц., стилистич.). Например: чеш. *kočka* (кошка) – хорошенькая девушка; белорус. *žába* (жаба) – неприятный человек и т. д.

Модель 2 (6) – В отличие от модели 6 сравниваемые слова сходны по форме, по остальным критериям они аналогичны модели 6. Например: рус. *агрессивный* (отрицательная характеристика) – англ. *aggressive* (положительная характеристика); англ. *schoolmaster* (школьный учитель) – нем. *Schulmeister* (уничижительное отношение к учителю); рус. *аккурат* (прост.) – нем. *akkurat* (нейтр.) и т. д.

Модель 7 – Слово в системе общенародного языка маркировано показателем географической зоны своего бытования. При переводе диалектной лексики встает вопрос о выборе общелитературного слова или диалектного варианта. Например: рус. *мочалка* (общелит. слово) – рус. *вехотка* (диалектное слово); фр. *pous* (мы) – канад. фр. *pous-autres* и т. д.

Модель 8 – Слово в ИЯ передает оттенки значений, которые в другом языке передаются с помощью нескольких слов ПЯ. Более широкое по объему слово полностью соответствует семантике соотносимых с ним слов из другого языка. Например: рус. *часы* > англ. *watch, clock*; белорус. *мазоль* > чеш. *mozol* (на ладони), *kuří oko* (на ноге), *píchuř* (на пятке); рус. *маленький* > англ. *small, little*; рус. *этаж* > англ. *floor, storey*; англ. *dream* > рус. *мечта, сон*; нем. *Mann* > англ. *man, husband* и т. д.

Модель 2 (8) – В отличие от модели 8 сравниваемые слова похожи по звуковой и графической форме и не всегда являются распространенными словарными соответствиями (не указываются как соответствия в мал. словарях). Например: рус. *артист* (актер, певец, музыкант и т. д.) > нем. *Artist* (артист цирка, эстрады, варьете); исп. *idioma* (язык) > франц. *idiome* (особенность языка); англ. *bank* (банк) < нем. *Bank* (скамья, банк); фр. *champignon* < рус. *гриб* (любой) и т. д.

Безэквивалентная лексика (БЭЛ, модель 4 в нашей классификации) относится к типу речевых соответствий (переводческих эквивалентов), так как предполагает творческое переосмысление переводчиком понятий, отсутствующих в ЯП, и выбора возможного переводческого действия из арсенала имеющихся переводческих приемов для интерпретации БЭЛ в ТП.

БЭЛ – явление спорное в современном переводоведении, в первую очередь из-за нечетких границ данной группы, в которую нередко попадают достаточно разнородные сущности. В последнее время появилась тенденция рассматривать БЭЛ в широком и узком смыслах. В узком смысле это собственно безэквивалентная лексика, которая охватывает специфические для определенной культуры реалии и не имеет ни формального, ни содержательного сходства с лексикой ПЯ.

В широком смысле под безэквивалентную лексику подводятся не только реалии, но и разные способы передачи общих для сравниваемых языков концептов (например, одним словом в ИЯ и словосочетанием в ПЯ), а также лакунарная лексика, т. е. слова, выражающие понятия, которые в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне [Манакин 2004: 147–148]. Пример лакунарной лексики – украинское слово *ступак*, т. е. загнутый верхний край лопаты, в который упираются ногою при копании. Данное понятие не получило соответствующего выражения с помощью цельно-оформленного слова в русском языке, следовательно, по отношению к русскому языку украинское слово *ступак* является лакуной [Там же].

Таким образом, следует согласиться с рядом авторов, что безэквивалентность не следует понимать как полное отсутствие в ПЯ средств для передачи значения данной лексической единицы ИЯ. Такие средства, как правило, имеются. «Под безэквивалентностью лексической единицы ИЯ, – отмечают Л. К. Латышев и А. Л. Семенов, мы понимаем лишь то, что она не имеет аналога в лексической системе ПЯ, т. е. такого «готового» слова или устойчивого словосочетания, которое

можно подставить вместо нее в контексте конкретного перевода» [Латышев 2003: 128]. В этом широком смысле трактуется БЭЛ и в данной работе.

Для моделирования БЭЛ по рассмотренным выше критериям следует остановиться на существующих классификациях БЭЛ. Согласно одной из них, безэквивалентные лексические единицы как носители культурно-значимой информации представлены двумя типами единиц: денотативными реалиями (словами и концептами, обозначающими реалии материальной и духовной культуры) и коннотативными, или ассоциативными, реалиями (словами, обладающими дополнительными коннотативными значениями и вызывающими в сознании носителей языка определенные культурно-исторические ассоциации) [Гуральник 2006: 10].

Можно выделить и еще один вид БЭЛ, который в переводе называется «переводческими заимствованиями» (термин В. С. Виноградова). Они очень близки по звуковому и графическому облику породившим их словам-реалиям оригинала: исп. *tequila* (водка из агавы) – «текила», *ombú* (порода дерева) – «омбу» и т. д. (примеры из В. С. Виноградова [Виноградов 2007: 93]). Судя по примерам, их можно рассматривать как разновидности денотативных реалий. Таким образом, денотативные реалии могут быть представлены двумя подвидами: словами, сходными по объему значения (переводческие заимствования), и словами, отличающимися по объему значения (гипонимами и гиперонимами).

Коннотативные реалии можно продемонстрировать парой переводческих эквивалентов при анализе тех ситуаций, когда в тексте оригинала встречаются названия явлений, например сортов пшеницы, неизвестные русскому читателю, за которыми к тому же закреплены определенные фоновые знания, вызывающие вполне определенные ассоциации у носителей ИЯ: исп. *trigo candeal* (описательно соответствует зерну высокого качества) и *rubión* (т. е. зерно низкого качества) [Там же].

Из обзора данных подгрупп БЭЛ становится очевидным, что для более глубокого понимания природы БЭЛ необходимо ввести в их анализ такие критерии межъязыкового сравнения, как коннотация, объем значения и форма. Форма, как ни парадоксально, играет немаловажную роль в понимании БЭЛ, так как формальное (материальное) сходство между БЭЛ и его переводческим эквивалентом присутствует при создании (или при использовании готового) переводческого заимствования на основе приемов транслитерации и транскрипции, имеющих самое непосредственное отношение к звуковой и графической форме слова ИЯ.

Форма играет разную роль в понимании БЭЛ переводчиком. В связи с особыми сложностями в работе с БЭЛ переводчикам с ИЯ 2 на РЯ предлагается классификация БЭЛ по трем группам в зависимости от уровня трудности перевода БЭЛ по критерию «прозрачности» формы для понимания ее значения в ИЯ, что способствует созданию адекватного перевода. Результаты моделирования БЭЛ на основе участия формы безэквивалентной единицы в ее переводе представлены в табл. 9 на стр. 164.

Проводя моделирование БЭЛ на основе учета всех основных критериев, существенных для анализа этого слоя лексики – объема значения, коннотации и формы, можно заключить, что БЭЛ представлена разновидностями трех моделей – моделью 1 (родственные слова, сходные по форме и значению), моделью 6 (различия в коннотациях) и моделью 8 (разный объем значений сравниваемых слов). Однако между данными моделями (назовем их модели 1а, 6а и 8а) и моделями 1, 6 и 8, соответствующих полным и частичным эквивалентам, имеются как сходства, так и существенные различия.

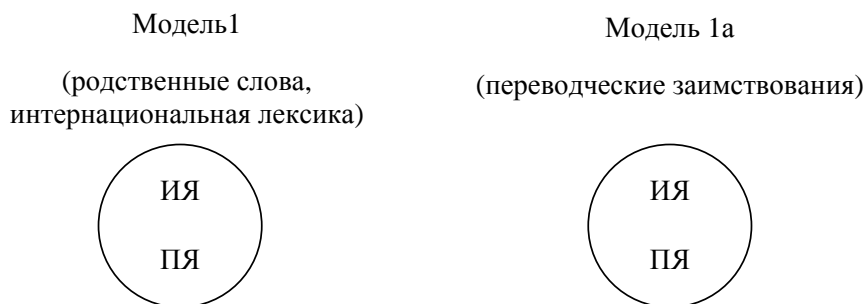
В модель 1а войдут слова, не приобретшие статус родственных и интернациональных слов, хотя они и могут быть хорошо известны образованным людям, говорящим на ПЯ. За ними сохраняется статус слов, передающих элементы быта другой страны (*Трафальгарская площадь, Таймс* и т. д.).

Таблица 9 – Моделирование безэквивалентной лексики
по уровням трудности её понимания с учетом формы
БЭЛ в ИЯ

Речевые соответствия (переводческие эквиваленты)		
БЭЛ		
Модель 4 Аф ≠ Вф Азн ≠ Взн (общая характеристика)		
4 а	4 б	4 в
<p><i>Низкий</i> уровень трудности (значение БЭЛ понятно через её форму) Аф = Вф Азн = Взн</p>	<p><i>Нормальный</i> уровень трудности (значение БЭЛ частично понятно через её форму) Аф = Вф Азн ≈ Взн</p>	<p><i>Высокий</i> уровень трудности (значение БЭЛ непонятно через её форму) Аф ≠ Вф Азн ≠ Взн</p>
<p>1. Существительные, обозначающие предметы и явления действительности ИЯ, получившие широкое распространение в СМИ ПЯ и т. д. 2. Имена собственные и названия различных органов власти, памятников архитектуры, событий и праздников ИЯ, известных в стране ПЯ</p>	<p>1. Словосочетания: – названия праздников, одним из компонентов которых в англ. яз. является, например, слово <i>day</i> или название дня недели – названия блюд, в которых присутствует наименование того, из чего оно состоит или что оно собою представляет (<i>cake, bun, cock</i> и т. д.) – географические названия, которые представляют собой словосочетания, называющие тип местности (<i>hill, meadow</i> и т. д.) – другие слова, схожие по своей структуре с вышеперечисленными понятиями 2. Составные слова, части которых представляют собой знакомые реципиенту лексические единицы</p>	<p>1. Существительные, представляющие собой названия особых предметов и действий, характеризующиеся высокой степенью метафоричности 2. Наименования определенных явлений, форма которых является производной от устаревшего слова или формы слова 3. Инфинитивные и другие конструкции, отличающиеся высокой степенью метафоричности, в частности конструкции, типа <i>to go a-mothering</i> в англ. яз.</p>
Лексические (грамматические) трансформации		

Слова модели 1a характеризует еще одна важная особенность: вследствие того, что они являются по-сути переводческими заимствованиями, как сказано выше, объем значения исконного слова соответствует объему значения заимствованного слова и в идеале воспринимается читателями перевода так, как и должно данное слово восприниматься в ИЯ. Сходство в объемах значений сравниваемых слов является еще одним важным аргументом в пользу рассмотрения этого пласта лексики как варианта модели 1, так как общий объем значений является неизбежным следствием статуса родственных и интернациональных слов.

Данная особенность соотношения объемов значения слов моделей 1 и 1a может быть наглядно продемонстрирована с помощью кругов Эйлера, давно и успешно использующихся в логике для моделирования отношений между понятиями:

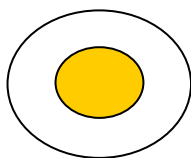

Принципиальное сходство этих двух моделей по критерию совпадения объемов значений сравниваемых слов имеет важные последствия для понимания взаимоотношений между лексическими системами разных языков. С одной стороны, выделяется слой интернациональной лексики, с другой стороны, слой БЭЛ. При всем отличии друг от друга интернациональная и безэквивалентная лексика имеет невидимый, но прочный и постоянно действующий мостик между собой. Именно группой слов модели 1a постепенно пополняется список заимствованной лексики ПЯ, который через какое-то время, при условии широ-

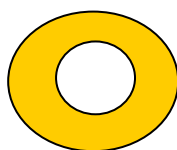
кого распространения переводческого заимствования в СМИ, начинает восприниматься как интернациональное слово и переходить в модель 1, что мы и наблюдаем с техническими терминами, заимствованными из английского языка, и многими другими реалиями современной жизни. Благодаря переводчикам, которые при определенных условиях используют приемы транслитерации и транскрибирования БЭЛ и частично калькирование, происходит взаимное обогащение языков, делают выводы лингвисты-контрастивисты [Манакин 2004: 145].

В модель 6а войдут слова, которые из-за лингвокультурологических особенностей ИЯ и ПЯ соотносятся только по дополнительной (коннотативной) информации, но расходятся в понятийной части значения, в отличие от модели 6, где наблюдается обратное соотношение (слова сходны по основному значению, но расходятся в коннотациях, см. табл. 6). Это тонкое различие также лучше продемонстрировать с помощью кругов Эйлера:

Модель 6

Модель 6а

В модели 6 сравниваемые слова сходны по основной, понятийной (когнитивной, в другой терминологии) части значения (закрашенный круг в центре), но расходятся по дополнительной (коннотативной) информации (оставшейся незакрашенной в более широком круге). Например, и в России, и во многих других странах есть понятие *хлеб*, которое выражается отдельным словом: англ. *bread*, нем. *Brot* и т. д. Однако *хлеб* в России – национальная гордость («хлеб да соль»), он вкусный, с хрустящей корочкой, чего не скажешь о хлебе, например, в США, который, по мнению самих американцев, похож на картон по вкусу и может быть использован только как основа для бутерброда.

Соответственно, само понятие хлеба, хорошо знакомое в сравниваемых лингвокультурах, соответствует серой части круга, его ядру. Отношение к хлебу как культурно-специфическому явлению фиксируется в незакрашенной части более широкого круга.

К модели ба относятся такие ситуации переводческого процесса, когда для сохранения смыслового единства оригинала и перевода переводчик жертвует названием реалии, непонятной читателям перевода (или вызывающей не те коннотации), но находит возможности для передачи коннотативно важной информации с помощью частичных эквивалентов. Хорошими образцами являются, на наш взгляд, примеры Я. И. Рецкера из анализа авторских переводов романа Р. Тагора «Крушение» с бенгальского и английского на русский язык. В русском переводе с бенгальского сохранены реалии подлинника: «Отлично, подожди до моих *зимних* каникул», тогда как в английском варианте: Just wait till the *Christmas* holidays; в русском «Это папе *новогодний* подарок», а в английском: I've brought a *Christmas* present for Dad [Рецкер 1974: 59]. *Saint Nicolas* (Santa Claus) и *Дед Мороз*, кандидат наук и европейское *doctor* и т. д., используемые переводчиками в качестве приближенного (уподобляющего) перевода, являются яркими примерами БЭЛ модели ба.

Круги Эйлера, а также приведенные примеры вновь убеждают в том, что различия в коннотациях сравниваемых слов в ИЯ и ПЯ – частное проявление случаев расхождения и схождения объема значений слов из разных языков. Переводчик подбирает такие переводческие эквиваленты, которые соотносимы в объеме передаваемой информации, если не по основному значению, то по дополнительным (коннотативным) оттенкам.

Модель 8 отличается от модели 8а направленностью соответствий в объеме сравниваемых слов. Для модели 8 важно, что слово ИЯ шире по объему значения по сравнению со словом ПЯ. Вероятно, поэтому переводчикам на русский язык бросаются в глаза такие особенности английской лексики, как больший объем семантики английских слов по сравнению с русским языком, хотя примеров, когда именно русский язык

демонстрирует широту семантики своего словарного запаса, достаточно: *почта* – *post / mail* (то, что пересылается по почте) и *post-office* (то место, откуда можно переслать почту); *стая* – *pack, herd, flock* и т. д., *цветок* – *flower* (растет непосредственно из земли) и *blossom* (цветет на деревьях) и т. д.

Для изучающих иностранные языки случаи столкновения с широким объемом значений иностранных слов не представляют, как правило, существенной трудности. Трудны в первую очередь те случаи, когда родное слово (в нашем случае русское) – широкое по объему значения и соответствует нескольким словам иностранного языка. С похожими трудностями сталкивается и переводчик. Ему значительно легче иметь дело с более широким объемом лексики ИЯ, так как перед ним стоит задача ее конкретизации в ПЯ за счет выбора из имеющихся языковых соответствий. Именно эти случаи соотношения объемов семантики сравниваемых слов относятся к модели 8 (см. табл. 6, где схематически направленность объема значения от широкого слова в ИЯ к нескольким соответствиям в ПЯ показана с помощью значка >).

В модель 8а попадают слова, которые соотносятся как гипоним (более конкретное, частное понятие) в ИЯ и гипероним (общее понятие по отношению к ряду конкретных) в ПЯ. Например, два слова: англ. *label* в переносном значении «клеймо, плохая репутация» и *слава* – соотносятся как гипоним и гипероним соответственно, так как *слава* шире по значению и может выражать как дурную, так и хорошую репутацию. Этой особенностью сравниваемых слов, вероятно, и руководствовался переводчик в следующей ситуации, используя прием генерализации как наиболее частотный в модели 8а (в отличие от приема конкретизации в модели 8) и логично ведущий к созданию переводческого эквивалента:

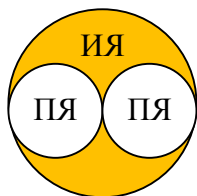
Her treatment of her husband earned her the label of the most hated woman in our town. – То, как она вела себя с мужем, завоевало ей славу самой отвратительной женщины в нашем городе [Латышев 2003: 138].

Для демонстрации направления соотношения в объеме сравниваемых слов воспользуемся значком $<$, который условно показывает, что слово ИЯ уже по объему значения, чем слово ПЯ: исп. *roble* (дуб) $<$ *дерево*; *lobo* (волк) $<$ *зверь* и т. д. (примеры из В. С. Виноградова [Виноградов 2007: 92]). Что касается приведенных примеров, они, казалось бы, не демонстрируют образцы безэквивалентной лексики в полном смысле этого слова, ведь и в русском языке есть дуб и волк. Однако стоит сослаться в связи с этим на еще один пример В. С. Виноградова из переводов с испанского языка: *прозаик пишет: el pescador cogió un roncador* – *рыбак поймал рыбу «ронкадор»*. А из контекста явствует, что важно не то, какую рыбу он поймал, а то, что он вообще поймал рыбу» [Там же: 117]. Грань между словами взаимозэквивалентными и безэквивалентными в этом случае очень тонкая, поэтому предлагаем все случаи расхождения в объемах значения сравниваемых слов ИТ и ПТ в направлении его расширения в ПТ относить к модели 8а.

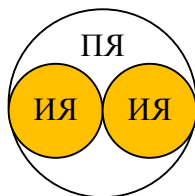
Процесс создания подобного переводческого эквивалента сопровождается сложной мыслительной деятельностью переводчика, так как принимаемое им в данных случаях решение не основано на прямых словарных соответствиях и проходит ряд логических звеньев, например смысловое развитие исходной ситуации, прежде чем будет принят окончательный вариант – использование более широкого по объему значения слова.

Особенности отношений между сравниваемыми словами в моделях 8 и 8а можно также для наглядности продемонстрировать с помощью кругов Эйлера:

Модель 8

Модель 8а

Результаты межъязыкового сравнения объема значения лексических единиц дают пищу для ряда размышлений относительно системности отношений лексики разных языков. Нередки случаи, когда слова, находящиеся в родо-видовых отношениях, имеют гипероним в одном языке, а гипонимы – в другом. К таковым, на наш взгляд, можно отнести, например, англ. *cat* < рус. *кошка*, *кот*; рус. *отдыхать* < англ. *rest*, *relax*; англ. *where* > рус. *куда*, *где*; фр. *gorge* > рус. *горло*, *глотка* и т. д. Многозначность гиперонима в таких случаях осознается только при столкновении с его частными значениями в другом языке. Следовательно, практика переводчика в определении типов отношений между словами по критерию объема их значений является важным аспектом его профессиональной подготовки, так как обостряет его внимание к возможностям использования факта системных отношений между словами разных языков в процессе перевода.

В результате проведенного анализа в данной работе были представлены две классификации БЭЛ. В основе первой лежит критерий «прозрачности» формы для понимания значения БЭЛ переводчиком (равно как и другим реципиентом, читающим текст ИЯ в оригинале). В основе второй лежит критерий объема значения БЭЛ в ИЯ по сравнению с его переводным эквивалентом в ПЯ. Следует отметить, однако, что это не две разные классификации, а два разных аспекта или уровня одной двухступенчатой классификации, вскрывающей многомерность такого явления, как БЭЛ при ее анализе переводчиком.

Объединение двух классификаций БЭЛ: 1) по уровню трудности ее понимания через форму безэквивалентного слова в ИЯ и 2) по объему передаваемого значения в ПЯ, – приводит к важным выводам методологического характера, связанным с более глубоким анализом процесса перевода в целом. Переводческая деятельность – сложный когнитивный процесс, состоящий из большого числа когнитивных операций, к которым относятся разнообразные переводческие действия. Однако данные операции подчиняются когнитивным процессам более общего

абстрактного вида, протекающим в мозгу переводчика часто на подсознательном уровне. К таким когнитивным процессам относятся два взаимообусловленных мыслительных акта – понимание переводчиком исходного текста и интерпретация ИТ средствами ПЯ.

Данные когнитивные процессы, будучи основополагающими актами сложной мыслительной деятельности в процессе изучения духовной жизни человека, давно являются объектами серьезного изучения философов, когнитологов, психологов, культурологов и т. д. Интерес лингвистов к процессам понимания и интерпретации связан с их углубленным вниманием к вопросам взаимоотношения языка и культуры. Их интересует, как происходит понимание человеком сложных структур культурного поведения, а из значения языковых знаков рождаются культурные смыслы.

Понимание и интерпретация – две стороны одного общего процесса познания, поэтому между ними имеется теснейшая содержательная связь, но наблюдаются и существенные различия. Понимание трактуется как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием другому [Рикёр 1995: 124], как такая когнитивная деятельность, результатом которой является установление смысла некоторого объекта не обязательно на вербальном уровне, а на уровне того, о чем обычно говорят «ухватить смысл», «понять для себя» [Демьянков 1989: 31]. Интерпретация, в отличие от понимания, – это также процесс, но и в не меньшей степени, результат, завершающий понимание, так как он сопровождается умозаключениями и выводами интерпретатора, достигнутыми им при использовании определенных стратегий (инструментов, способов) и зафиксированными в словесных знаках [Колодина 2000: 91]. Интерпретация теснейшим образом связана и с пониманием, так как напрямую зависит от уровня и глубины понимания, на что направлен познавательный акт.

Взаимосвязь процессов понимания и интерпретации с переводческой деятельностью представляется достаточно очевидной. Понимание можно рассматривать как первый этап деятельности переводчика в результате детального знакомства с ИТ и всей фоновой информацией, необходимой для этого (стилем, автором, культурно-историческим фоном и т. д.). От того, насколько глубоко переводчик понял суть и смысл ИТ, зависит его интерпретация ИТ для реципиента ПТ, в которой участвуют разнообразные приемы и стратегии перевода.

БЭЛ как наиболее сложная часть ИТ требует больших умственных усилий и знаний со стороны переводчика для ее понимания и соответствующей интерпретации в ПТ. Именно с этими двумя уровнями осмысления БЭЛ и соотносятся рассмотренные выше классификации. Классификация БЭЛ по форме в ИТ способствует ее правильному пониманию (осмыслению) переводчиком и играет роль подготовительного этапа в решении вопроса о том, как представить БЭЛ в ПТ. Классификация на основе сравнения БЭЛ и ее переводческого эквивалента в ПТ по объему значения способствует ее правильной интерпретации средствами ПЯ. В табл. 10 на стр. 173 обобщены результаты двухступенчатой классификации БЭЛ на основе процессов понимания и интерпретации.

Как показывает таблица, уровень трудности понимания БЭЛ вполне соотносим также и с уровнем трудности БЭЛ для ее интерпретации переводчиком. По уровню трудности коннотативные реалии являются наиболее сложными для интерпретации.

Таблица 10 – Моделирование безэквивалентной лексики
с учетом двух этапов её осмысления: понимания
и интерпретации

Речевые соответствия (переводческие эквиваленты)		
БЭЛ		
1 этап. Уровни трудности понимания БЭЛ с опорой на её форму в ИТ		
Низкий уровень трудности понимания (значение БЭЛ понятно через её форму) Аф = Вф Азн = Взн	Нормальный уровень трудности понимания (значение БЭЛ частично понятно через её форму) Аф = Вф Азн ≈ Взн	Высокий уровень трудности понимания (значение БЭЛ непонятно через её форму) Аф ≠ Вф Азн ≠ Взн
2 этап. Интерпретация БЭЛ с учетом объема значения БЭЛ в ИТ и переводческого эквивалента в ПТ		
Модель 1а	Модель 8а	Модель 6а
1) объем значения исконого слова соответствует объему значения переводческого эквивалента 2) переводческий эквивалент (переводческое заимствование) хорошо известен образованным людям, говорящим на ПЯ, но не приобрело статус родственного или интернационального слова, за ним сохраняется статус слова, передающего элементы быта другой страны (<i>Трафальгарская площадь, Таймс, гастарбайтер</i> и т. д.)	безэквивалентное слово уже по объему значения по сравнению с переводческим эквивалентом; сравниваемые слова соотносятся как гипоним (более конкретное, частное понятие) в ИЯ и гипероним (общее понятие по отношению к ряду конкретных) в ПЯ: исп. <i>roble</i> (дуб) < <i>de-revo</i> ; <i>lobo</i> (волк) < <i>зверь</i> и т. д.	БЭЛ и ее переводческий эквивалент соотносятся только по дополнительной (коннотативной) информации, но расходятся в значительной части значения: англ. <i>Christmas present</i> – <i>новогодний подарок</i> , <i>doctor</i> – <i>кандидат наук</i> и т. д.
Транслитерация, транскрипция	Генерализация и др. переводческие трансформации	Конкретизация и др. переводческие трансформации

Таким образом, моделирование межъязыковых соответствий на основе ряда критериев позволило выделить шесть основных моделей и две подмодели в языковых соответствиях; три модели по критерию сходства формы БЭЛ и ее переводческого эквивалента и еще три модели БЭЛ по критерию сходства объемов значений сравниваемых слов в речевых соответствиях. Пользуясь этой классификацией моделей межъязыковых соответствий, начинающий переводчик сможет глубже проникнуть в особенности взаимоотношений лексики сравниваемых языков и, следовательно, понять и интерпретировать содержание ИТ с наименьшими потерями для его смысла при переводе на ПЯ. Покажем возможности моделирования в процессе обучения переводу на примере сравнения оригинала статьи «My sister, my surrogate» (*New York Times* от 10 декабря 2007 г.) с переводом на русский язык («Моя сестра – суррогатная мать»), выполненным студенткой 4 курса ИИЯЛ, для которой английский язык – второй иностранный. Результаты моделирования межъязыковых лексических соответствий на примере первого предложения из данной статьи занесены в табл. 11 стр. 176.

In |August | 2003| Lisa Fitzgerald| was | 42 years old | and| eight| months | pregnant | with| her| third| boy.

В |августе | 2003 |42-летняя| Лиза Фицджеральд | была | на восьмом | месяце | беременности | уже |с |третьим | ребенком.

Процедура сопоставления ИТ и ПТ проходит в несколько этапов. На первом этапе каждое из сравниваемых предложений разбивается на синтагмы, далее идет этап поочередного сравнения синтагм и выписывания всех сравниваемых слов в ту или иную модель языковых или речевых соответствий в таблицу.

Следует обратить внимание на нижнюю часть табл. 11 под рубрикой «остаток», куда в ходе анализа записываются слова (союзы, междометия, части предложений), которые были либо опущены переводчиком в ИТ, либо добавлены им в ПТ. Данная процедура позволяет более точно устанавливать ошибочные действия переводчика в результате операций опущения и добав-

ления, а также выявить наиболее типичные языковые явления, которые попадают в данную рубрику в процессе сравнения двух конкретных языков.

Анализ переведенного предложения по сравнению с оригиналом с помощью приема моделирования показывает, что перевод является в целом адекватным. В нем нет излишних опущений или добавлений, искажающих смысл предложения. Порядок слов и другие грамматические изменения (родовые и падежные окончания) соответствуют нормам русского языка. Наличие модели 8а (*boy – ребенок*) можно объяснить определенными трудностями при переводе английского слова *boy* русским *мальчик* как его языковым соответствием («она ждала третьего мальчика» звучит достаточно неуклюже). При этом перевод оборотом «уже с третьим ребенком» не является вполне нормативным для русского языкового сознания. Представляется существенной потерей и отсутствие в переводе указания на пол ребенка. Поэтому предлагаем дополнение: «В августе 2003 42-летней Лиза Фицджеральд была на восьмом месяце беременности. Она ждала третьего ребенка, мальчика»¹¹.

Анализ межъязыковых соответствий данного предложения по остальным моделям показывает ведущую роль моделей 5 и 3, что свидетельствует о преобладании языковых соответствий в сравниваемых отрывках ИТ и ПТ и, как результат, о низком уровне трудности переводимого материала.

¹¹ Выражаю благодарность Н. М. Шутовой, зав. кафедрой перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ УдГУ, за консультацию по данному вопросу.

Таблица 11 – Сводная таблица результатов моделирования
межъязыковых и речевых лексических соответствий

Языковые соответствия							
Полные		Частичные					
Модель 1	Модель 3	Модель 5	Модель 6		Модель 7	Модель 8	
			Модель 2			Модель 2	
August – август 2003 42	in – в was – была with – с third – третьим	42 years old – 42- летняя eight – восьмом months – месяце pregnant – беремен- ности					
Простая лексическая подстановка		Простая альтернативная лексическая подстановка					

Речевые соответствия		
Безэквивалентная лексика		
Легкий уровень трудности понимания	Нормальный уровень трудности понимания	Высокий уровень трудности понимания
Lisa Fitzgerald		
Интерпретация по модели 1a	Интерпретация по модели 8a	Интерпретация по модели 6a
Лиза Фицджеральд	boy – ребенком	
Транслитерация, транскрипция	Генерализация и др. переводческие трансформации	Конкретизация и др. переводческие трансформа-ции
«Остаток»: на and уже her		

Подводя итог предлагаемым в работе этапам когнитивного развития будущих переводчиков с помощью приема структурно-семантического моделирования, можно отметить, что сам процесс моделирования результатов сравнения ИЯ и ПЯ отражает динамичность и определенную индивидуальность процесса выведения моделей. Каждая модель представляет собой, скорее, набор «возможностей», выбор которых зависит от самого человека (переводчика), его когнитивного опыта. Переводческий процесс, отмечают ученые, требует признания того, что ведущим активным началом в переводе является не столько объективно существующий алгоритм действий, а сам переводчик как мыслящий субъект. В этом, отчасти, заключается когнитивная сущность переводческой деятельности [Языковая 2011: 104].

Хочется надеяться, что предлагаемый в работе подход к анализу ИТ и ПТ с помощью приема структурно-семантического моделирования позволяет находить и определять как типичные трудности, т. е. существенные различия между двумя текстами, и успешно преодолевать их, так и более целенаправленно выявлять типичные сходства, свойственные данной паре сравниваемых языков, на которые опирается переводчик в своей ежедневной переводческой практике.

* * *

Подведем некоторые итоги.

1. Разработка типологии межъязыковых соответствий отвечает актуальным задачам современного сравнительного языкознания и может рассматриваться как новый уровень в развитии сравнительных исследований современных языков в связи с целенаправленным поиском путей представления одного и того же предмета исследования с позиций двух центральных научных методов – идеографического и генерализующего.

2. Движение исследовательской практики от общего к частному дает неполное знание об изучаемом предмете без

помещения полученных частных данных в систему более общего характера. В результате этого создается многомерная классификация изучаемого предмета, отражающая как его уникальность, так и связи (общность) с другими предметами. Такая классификация в большей степени отвечает практическим нуждам использования научных достижений, так как значительно точнее отражает свойства изучаемого предмета и те структурно-системные отношения, в которые он вступает в своем реальном функционировании.

3. Для создания подобной многомерной классификации, примером которой может служить рассматриваемая в работе типология межъязыковых лексических соответствий, требуется разработка соответствующей процедуры сравнения. Прием структурно-семантического моделирования лексики разных языков позволяет ввести систему факторов, параметров и критериев, в комплексе отражающую возможности опоры на форму и содержание анализируемых языковых единиц как систему корреляций сходств и различий между ними.

4. Выявляемые в процессе межъязыкового сравнения сходства и различия играют разную роль в создаваемой при этом классификации. Если различия в большей степени свидетельствуют об особенностях внутренней организации изучаемых лексем, их структуре (морфологической, семантической), то сходства позволяют выявить системные отношения, существующие между сравниваемыми словами. Таким образом, появляется возможность выстроить структурно-системные отношения, в которые вступают изучаемые в межъязыковом плане слова.

5. Форма и содержание – традиционные параметры межъязыкового сравнения языковых единиц. Существенную помощь в уточнении результатов межъязыкового сравнения оказывает введение еще одного параметра – функции сравниваемых лексем. Такие критерии межъязыкового сравнения, как коннотация, дистрибуция, объем значения, сочетательные потенции слов, раскрывающие данный параметр в нашем исследовании, вводят в сравнительный анализ категорию ценности, которая очень

важна с позиций идеографического метода. На языке лингвистов ценность – это значимость языковых единиц относительно системно-структурных связей, в которых они существуют. Эти критерии сравнения слов связывают форму и содержание рассматриваемой языковой единицы в единое структурно упорядоченное целое в рамках определенной системы отношений. Следовательно, при выявлении связи между формой и содержанием языковых единиц важную роль играют позиционные, относительные характеристики слов в словосочетании, предложении или тексте, благодаря которым образуется «понятийный континуум», отражающий связь элементов в языковой системе.

6. Создание типологии межъязыковых соответствий играет большую роль в уточнении понятия эквивалентности языковых единиц, которое традиционно базируется на сравнении, главным образом, лексических значений, выражаемых словами. Системная опора как на содержательные, так и формальные критерии сравнения слов на основе приема моделирования позволяет углубить наше представление о межъязыковой эквивалентности лексических единиц и ее разновидностях.

7. Из всего вышесказанного вытекает важный методологический и философский вопрос, который задают себе исследователи, в том числе и зарубежные, работающие в современных направлениях сравнительного языкознания: *is equivalence «discovered» (does it exist prior to being established by the lexicographer) or is it «created» by the lexicographer's act?* [Adamska-Salaciak 2010: 388]. Другими словами, существуют ли между языками системные отношения, которые и фиксируются (открываются) на уровне межъязыковых эквивалентов, или отношения эквивалентности создаются профессиональным переводчиком, лексикографом, человеком, изучающим иностранные языки? Это объективный акт познания уже заложенных между языками структурно-системных отношений или творчество тех, кто приступает к сравнению языков с той или иной целью?

На данный вопрос современная лингвистика не готова ответить однозначно. Возможно, что такового ответа и нет. Это, в целом, вытекает из настоящего исследования. Осмысление данного вопроса приводит к пониманию языка как «нежесткой системы, в которой допускаются расплывчатые понятия и вероятностная логика. Системные свойства языковых единиц предполагают их диффузный, подвижный характер, что вполне соотносится с представлениями об антропоцентрической природе языка и особенностях человеческого мышления» [Касымова 2009].

Из трех основных типов эквивалентов, как показало соотнесение эквивалентов с моделированием, два (полные и частичные эквиваленты) основаны на объективно существующих связях – формальных и содержательных, между лексикой сравниваемых языков. Третий тип, к которому относится безэквивалентная лексика, в наибольшей степени зависит от творческих способностей переводчика, находящего с большими умственными затратами возможности для выстраивания каких-либо формально-содержательных связей между лексикой сравниваемых языков. Но и в работе с безэквивалентной лексикой есть объективные закономерности (например, степень прозрачности формы БЭЛ), на которые опирается переводчик или изучающий иностранные языки, чтобы понять и объяснить суть «непонятного» средствами своего родного языка. В любом случае выделение двух типов эквивалентов – «естественных» (*discovered or natural*) и «созданных» (*created*) является важным условием для дальнейшего изучения когнитивных процессов, лежащих в основе деятельности переводчика в процессе понимания текста, «закодированного» средствами одного языка, и его интерпретации средствами другого.

8. Следует согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что задачи контрастивной лингвистики далеко выходят за рамки чисто прикладной дисциплины, которая «заготавливает» эмпирические данные для обучения иностранным языкам. Контрастивная лингвистика, являясь частью сравнительного

языкознания, безусловно, входит в более широкую область общей лингвистики и способствует решению основных философских вопросов языкознания: пониманию природы языка, взаимосвязи между языком, мышлением и культурой [Xiang 2009: 341]. Однако тот факт, что с приходом контрастивной лингвистики у общего языкознания появилось больше возможностей участвовать в разработке прикладных аспектов использования теоретических знаний о языке, лишь усиливает позиции языкознания и его роль в социальном прогрессе.

Заключение

Прием внутринаучной рефлексии, используемый в данной работе, позволяет проникнуть в лабораторию метода сравнения, выяснить, как он используется в языкознании, выявить закономерности в его развитии, а также взаимосвязь сравнения с другими важнейшими методами познания, которые в истории науки назывались по-разному, но хорошо известны как идеографический и генерализующий методы. Получение более ясного представления о методологии сравнения напрямую способствует решению вопроса о возможностях интеграции этих двух методов.

Следует констатировать, что проблема взаимопересечения генерализующего и идиоэтнического методов во многом сохраняет свою неопределенность и остается невозделанным полем для ученых. При этом использование метода сравнения в языкознании показывает, что противопоставление этих двух методов научного познания в реальной исследовательской практике не срабатывает. Во-первых, при отделении одного метода от другого происходит искусственный разрыв в процедуре сравнения: акцент делается либо на изучении сходств между сравниваемыми предметами, либо различий, в то время как сравнение – единый процесс выявления сходств и различий. Во-вторых, в исследовательской практике сходства и различия выполняют различную, но взаимодополняющую методологическую функцию. Если изучение различий способствует процедуре анализа изучаемых предметов, то обобщение обнаруженных в ходе исследования сходств ведет к синтезу полученных данных, что в комплексе дает более полное объективное представление об изучаемых предметах.

Изучение динамики развития метода сравнения на современном этапе показывает, что насущной задачей конкретного сравнительного исследования является разработка методов / приемов / способов и т. д. синтеза результатов, полученных на уровне анализа изучаемых предметов, в более общую систему знаний. Попытки создания типологии межъязыковых лексических

соответствий в полной мере отвечают этой задаче. Являясь отражением современных тенденций развития сравнительного языкознания, разработка типологии межъязыковых лексических соответствий, с одной стороны, продолжает тенденцию в направлении сравнения «от общего к частному»: от общей формы – к различному содержанию; от общего содержания – к различным формам. Это способствует выявлению тонких содержательных различий между языками, менее существенных с точки зрения типологического метода, но важных для выявления «индивидуально специфического». С другой стороны, типология межъязыковых соответствий обладает большой обобщающей силой и, как следствие, позволяет ученому переходить от фиксации частных к их систематизации и созданию целостной картины изучаемого объекта. Следует надеяться, что в методологическом плане разработка типологии межъязыковых соответствий является важным шагом к разрешению антиномии единства и многообразия как «противоречия между общечеловеческим содержанием отражения и идеотнической семантикой языковых единиц».

Процедура сравнения лексики проходит три основных этапа. На первом этапе – этапе сопоставления для определения возможностей сравнения лексики задаются определенные критерии в соответствии с учтенными в работе факторами и параметрами сравнения. В предлагаемом исследовании критериями сравнения являются: графическая форма слова, основное лексическое значение, объем значения, коннотация, лексическая и грамматическая сочетаемость, ареальная дистрибуция. Этот этап соответствует начальному синтезу изучаемых языковых явлений при направлении исследования «от общего – к частному», т. е. от общего, заранее принятого, критерия сравнения – к сопоставлению двух (трех) языковых единиц по этому критерию. На втором этапе происходит собственно сравнение языковых единиц, ведущее к установлению сходств и различий между ними по заданным критериям. Этот этап соответствует тому, что традиционно называется анализом изучаемых языковых единиц, приводящему к выявлению искомых экспериментальных данных. Направление исследования прежнее – «от

общего к частному». На последнем, заключительном этапе – этапе выявления типов соответствий происходит обобщение полученных данных, а именно, их дальнейший синтез в имеющуюся типологию межъязыковых лексических соответствий, представленную в работе восемью моделями. На этом этапе направление исследования меняется: «от частного – к общему», что и позволяет выявить характер соответствия между сравниваемыми языковыми единицами. Исследование проходит также уровни: сопоставление – сравнение – соответствие.

Ценность контрастивного исследования – не в констатации факта выявленных различий, а в определении места предмета изучения (сравниваемых языков) в системе более общего характера через найденные сходства и различия. Таким образом, контрастивное исследование будет иметь законченный вид при условии прохождения через три этапа исследования: синтез 1 (то категориальное или содержательно сходство, от которого оно отталкивается) → анализ (выявление особенностей, т. е. как сходств, так и различий между сравниваемыми языками) → синтез 2 (определение места найденных особенностей в системе / классификации более общего характера). Если попытаться соотнести эти три этапа в сравнительном исследовании с двумя фундаментальными категориями мыслительной деятельности – пониманием и интерпретацией фактов, то, несомненно, лишь на последнем, заключительном этапе понимание переходит в следующую стадию осмысления изучаемого предмета – его интерпретацию с позиций системы имеющихся знаний и роли изучаемого предмета в ней.

Следует полагать, что лингвистика как область научного знания характеризуется спецификой, которая предопределяется, прежде всего, свойствами ее объекта. Объектом лингвистики, как известно, является естественный человеческий язык во всех его проявлениях. Язык же, с одной стороны, теснейшим образом связан с психической сферой человека, прежде всего – с его мыслительной деятельностью и с продуктами этой деятельности, с тем, что называют «духовной сущностью» человека. В этом плане он относится к объектам «идеальной» природы,

и поэтому лингвистику правомерно считать гуманитарной наукой. С другой стороны, язык есть естественное образование, возникшее и существующее помимо воли человека, и в этом смысле он является объектом материальной природы. Мысль эта сама по себе не нова, но, думается, она приобретает особый смысл в контексте проведенного исследования. Результатом «двуликости» науки о языке является тот факт, что лишь частично лингвистика может рассматриваться как гуманитарная наука, так как одновременно она имеет много общего с областями естественнонаучного знания. Именно поэтому лингвистика плохо укладывается в принятое разделение научных дисциплин на науки гуманитарного и естественнонаучного цикла.

Промежуточное положение лингвистики между гуманитарными и естественными науками накладывает отпечаток на ее методологию, в которой совмещаются гуманитарный и естественнонаучный подходы. Это совмещение в истории лингвистики не всегда проходило безболезненно и не всегда было сбалансированным. Разные научные школы концентрировали свое внимание на различных аспектах языка, что обуславливало доминирование гуманитарного или естественнонаучного мышления и использование того или иного комплекса методов. Эти противоречия нашли свое отражение в генерализирующем и идеотническом методах. Однако время логики контрастов прошло. Современное состояние языкознания, в котором сравнительное языкознание играет одну из важнейших ролей, способствует решению этой назревшей проблемы.

Список использованной литературы

1. Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: материалы науч.-практ. конф. Уфа : Изд-во Башкирск. ун-та, 1998. 224 с.
2. Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. конф. Уфа : Изд-во Башкирск. ун-та, 1999. 234 с.
3. Алиев Р. Н. Билингвальное образование: теория и практика. М. : Retorika – А, 2005. 384 с.
4. Андреева Г. М. Психология социального познания. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 2000. 288 с.
5. Анохина Ю. М. Способы выражения сравнений в языках с разной грамматической структурой (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 17 с.
6. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М. : Высш. шк., 1989. 158 с.
7. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
8. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (практический курс): учеб. пособие для II–III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1977. 240 с.
9. Ариян М. А. Повышение самостоятельности учебного труда школьников при обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 17–21.
10. Аркадьев П. М. Вид в русском и некоторых других языках [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lingling.ru.
11. Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 128 с.
12. Барышников Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М. : Просвещение, 2003. 158 с.

13. Белинская Л. Н. Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов «ложные друзья». М. : Троица, 2009. 463 с.
14. Белоусов К. И. Синергетика текста: От структуры к форме. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 248 с.
15. Белоусов К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.modernlib.ru.
16. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкий язык после английского). М. : Вентана-Граф, 1997. 30 с.
17. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 667 с.
18. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983. 208 с.
19. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука, 1984. 136 с.
20. Будагов Р. А. Человек и его язык. М. : Изд-во МГУ, 1974. 262 с.
21. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М. : Наука, 1985. 271 с.
22. Бурак А. Л., Тюленев С. В., Вихрова Е. Н. Россия. Cultural Guide to Russia. Русско-английский культурологический словарь / под общ. ред. С. Г. Тер-Минасовой. М. : Изд-во «Астрель» : Изд-во АСТ, 2002. 128 с.
23. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М. : Прогресс, 1972. С. 25–60.
24. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи. М. : Гуманит. изд. центр ВДАДОС, 2001. 384 с.

25. Варшавская А. И. Дистрибутивная методика // Теоретическая грамматика английского языка. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 218–222.
26. Введение в германскую филологию / М. Г. Арсентьева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. М. : ГИС, 1998. 314 с.
27. Изучение взаимовлияния языков как важнейшая задача современной лингвистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: inlang.linguanet.ru.
28. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 4-е изд. М. : КДУ, 2007. 238 с.
29. Влавацкая М. В. Комбинаторная лексикология (к постановке проблемы) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. № 2 (200). С. 24–28.
30. Волостнова Н. Н. Проблема аспектуальности и основных ее компонентов в общем языкознании [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net.
31. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. М., 2003. С. 6–15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: philol.msu.ru.
32. Вторая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. Санкт-Петербург, 9–12 июня 2006 г. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Т. 1, 2006. С. 1–332.
33. Вторая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. Санкт-Петербург, 9–12 июня 2006 г. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Т. 2, 2006. С. 333–656.
34. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 324 с.
35. Гамперц Дж. Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М. : Прогресс, 1975. С. 299–319.
36. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С. 5–17.

37. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М. : НЛЮ, 1996. 276 с.
38. Гергиева З. Г. О статусе контрастивной лингвистики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (2), 2009. С. 203–206.
39. Гвишиани Н. Б. Введение в контрастивную лексикологию: Англо-русские межъязыковые соответствия (in English) // An Introduction to Contrastive Lexicology: English-Russian cross-linguistic correspondences. М. : Едиториал УРСС, 2010. 288 с.
40. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М. : Просвещение, 1988. 191 с.
41. Готлиб К. Г. М. Словарь «ложных друзей переводчика». М. : Рус. яз., 1985. 160 с.
42. Гудков В. П. Сербскохорватский язык. М. : МГУ, 1969. 169 с.
43. Гудков В. П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. М. : Рус. яз. : Медиа : Дрофа, 2010. 426 с.
44. Гуральник Т. А. Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере номинации (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 20 с.
45. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М. : МГУ, 1989. 172 с.
46. Дёрнер Д. Логика неудачи. М. : Смысл, 1997. 243 с.
47. Диалектика текста: в 2 т. Т. 1 / О. Н. Гордеева, О. В. Емельянова, Е. С. Петрова и др.; под ред. проф. А. И. Варшавской. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
48. Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб. : СПбГУ, 2005. 80 с.
49. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь = Le mot francais en oudmour et en russe: Dictionnaire étymologique. – 2-е изд., испр. и доп. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2002а. 256 с.

50. Зеленина Т. И. Опосредованные заимствования в удмуртском языке: французский пласт. СПб. : СПбГУ, 2002б. 204 с.
51. Зеленина Т. И., Загуляева Б. Ш., Буторина Н. В. Многоязычный словарь: на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. 99 с.
52. Зеленина Т. И., Буторина Н. В. Юный полиглот: Многоязычный словарь. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. 39 с.
53. Зеленецкий А. Л. Контрастивная лингвистика и типология // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1, 2010. С. 27–31.
54. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб. : СПбГУ, 2006. – 189 с.
55. Исабеков С. Е. О роли внутри- и межъязыкового сопоставления в лингвистике // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Алма-Ата, 1989. С. 43–47.
56. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука, 1981. 367 с.
57. Картина мира и способы ее репрезентации / под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2003. 144 с.
58. Касимова О. П. Позиционные свойства языковых единиц : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: dissers.ru.
59. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л. : Наука, 1986. 298 с.
60. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
61. Кашкин В. Б. Сопоставительная лингвистика: учеб. пособие для вузов. Воронеж, 2007. – 88 с.
62. Керквуд Г. В. Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике.

- Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 341–349.
63. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 168 с.
64. Колкер Я. М., Устинова Е. С. Роль родного языка в обучении иностранному // Иностранные языки в школе. № 2. 2004. С. 20–28.
65. Кондаков Н. И. Логический словарь справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
66. Колодина Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста в филологической герменевтике // Русский язык вчера, сегодня, завтра. Воронеж: ВГУК, 2000. С. 91–93.
67. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 130 с.
68. Конецкая В. П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. М.: Высш. шк., 1993. 201 с.
69. Контрастивная грамматика. Языки народов СССР – германские языки: сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1984. 163 с.
70. Контрастивная лингвистика и проблемы обучения иностранным языкам. Владимир: ВГПИ, 1982. 102 с.
71. Копылова Т. Р. Оценка в межкультурной коммуникации (на материале русского и испанского языков) // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Ижевск, 2008. С. 195–198.
72. Кочурова Ю. Н. Интернационализмы французского происхождения в диахронии и синхронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 22 с.
73. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 127 с.
74. Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.

75. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С. 32–61.
76. Ланьсясюань В. Национально-культурные особенности картин мира русского и китайского языков (на материале коннотаций – цветообозначений) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.jurnal.org.
77. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М. : Изд. центр «Академия», 2003. 192 с.
78. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак-тов. 2-е изд., перераб. и доп. (Серия: Высшее профессиональное образование – Иностранные языки). М. : Academia, 2008. – 320 с.
79. Лингвокультурный анализ языковых картин мира: динамика и сопоставление / А. Х. Мерзлякова, Е. Н. Руденко, А. А. Кожина и др. / отв. ред. А. Х. Мерзлякова. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 362 с.
80. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. *Landeskunde durch die Sprache*: Лингво-страноведческий словарь. 2-е изд. М. : ООО «Изд-во «Русские словари» : ООО «Изд-во «Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2001. 416 с.
81. Малых Л. М. Использование метода логического моделирования в процессе перевода // Брим Н. Е. Методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов в процессе переводческой практики: на материале второго иностранного языка. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2008. С. 30–45.
82. Малых Л. М. К проблеме статуса контрастивной лингвистики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 2 (2). С. 44–48.
83. Малых Л. М. Метод логического моделирования в процессе мультилингвального обучения // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: материалы междунар. конф. / сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина; Удм. гос. ун-т. 2008. С. 170–173.

84. Малых Л. М., Шитова Р. Ф. Русско-татарско-английский словарь: Юный полиглот / под ред. Т. И. Зелениной, М. К. Хузиной. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. 100 с.
85. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев : Знання, 2004. 326 с.
86. Маркосян А. С. Очерк теории овладения вторым языком. М. : УМК «Психология», 2004. – 384 с.
87. Мультилингвальное образование: уроки международного опыта, возможности для Крыма: материалы о мультилингвальном образовании для участников междунар. конф. 26–28 апреля 2012 г. Крым : Крымский политический диалог, 2012. 222 с.
88. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков // Введение в языкознание: Хрестоматия / сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева и др. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 280–308.
89. Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой культуры. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 160 с.
90. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. 2-е изд. Мн. : Амалфея, 2004. 368 с.
91. Многоязычие и межкультурное взаимодействие: материалы междунар. конф.; к 80-летию проф. С. Я. Гельберг / сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2008. 362 с.
92. Муратова З. Г. Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку // Лингводидактические исследования. М. : Наука, 1987. С. 166–175.
93. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. М. : Академия, 2006. 608 с.
94. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С.128–143.

95. Никкель Г. Контрастивная лингвистика и обучение иностранным языкам // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С. 350–365.
96. Никуличева Д. Б. Как найти свой путь к иностранным языкам?: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учеб.-метод. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 304 с.
97. Нифанова Т. С. Сопоставительное описание семантических единиц разных языков. Архангельск : Поморский университет, 2004. 296 с.
98. Общая психология / под ред. проф. А. В. Петровского. 2-е изд. М. : Просвещение, 1976. 479 с.
99. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003 . 944 с.
100. Онлайн энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: encyclopaedia.biga.ru.
101. Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. Г. Эббингауз. Очерк психологии. А. Бэн. Психология. М. : ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 544 с.
102. Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты. М. : Флинта : Наука, 2011. 157 с.
103. Паспорт специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» [Электронный ресурс]. Режим доступа: originweb.info.
104. Пахотин А. И. Большой англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. М. : Издатель Карева, 2006. 304 с.
105. Плотникова Н. Ф. Критическое мышление и его формирование в высшем учебном заведении // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). Казань, 2009. Т. 12. № 1. С. 396–400.

106. Просвирина О. А. Сербский «с нуля»: учеб. пособие. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 186 с.
107. Прикладная лингвистика. Моделирование языковых процессов. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта. Текстовые процессоры. Искусственные языки. Лингвостатистические методы. Новые информационные технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: do.gendocs.ru.
108. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1987. С. 40–52.
109. Рецкер Я. И. Теория и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
110. Репина Т. А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский). СПб. : СПбГУ, 1996. 280 с.
111. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Медиум, 1995. 619 с.
112. Рогов Е. И. Психология познания. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 176 с.
113. Рождественский Ю. В. Типология слова. М. : Высш. шк., 1969. 286 с.
114. Рождественское полено [Электронный ресурс]. Режим доступа: millionmenu.ru.
115. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]. Режим доступа: bibliotekar.ru.
116. Савойская Н. П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость»: на материале казахского, русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 23 с.
117. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания / отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004. 152 с.
118. Сильницкий Г. Г. Квантитативная грамматико-фонетическая типология языков и языковых признаков. Смоленск, 2004. 279 с.

119. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М. : Наука, 1986. 215 с.
120. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 864 с.
121. Социальные варианты русского языка (страты) [Электронный ресурс]. Режим доступа: liceu.net.
122. Сравнительная философия. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 344 с.
123. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности / Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф, Л. И. Лухт, М. С. Гурычева. М. : Наука, 1972. 410 с.
124. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
125. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М. : ПАСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с.
126. Стребков Д. С., Свентицкий И. И., Некрасов А. И., Алхазова Е. О. «Оборачивание метода» в энергетике и физике [Электронный ресурс]. Режим доступа: viesh.ru/old/Publication_RAN.doc
127. Федосова О. В. Широкозначные глаголы в испанской разговорной речи // Иностранные языки в школе. № 2. 2011. С. 78–82.
128. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006. 380 с.
129. Фергюсон А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С. 122–127.

130. Философия науки в вопросах и ответах / В. П. Кохановский [и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 352 с.
131. Философский энциклопедический словарь / сост. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
132. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1989. С. 307–326.
133. Хуа В. Изучение национально-культурной коннотативно окрашенной лексики в русском и китайском языках. 2011. С. 11–14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: lib.tsu.ru.
134. Чичерина Н. Н. К вопросу о преподавании второго иностранного языка в средней школе // Иностранные языки в школе. 1999. № 3. С. 5–9.
135. Шакирова Д. М. Формирование критического мышления учащихся и студентов: модель и технология // Педагогика. 2006. № 9. С. 72–77.
136. Шафиков С. Г. Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: учеб. пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 174 с.
137. Широкова А. В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. М. : Добросвет, КДУ, 2006. 200 с.
138. Щепилова А. В. Когнитивный принцип в обучении второму иностранному языку: к вопросу о теоретическом обосновании // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 4–11.
139. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М. : Астрель : АСТ Хранитель, 2007. 746 с.
140. Цыганкин Д. В. Лингвистическая комбинаторика – один из основных признаков организации мордовских языковых единиц [Электронный ресурс]. Режим доступа: cigankin.ru.
141. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

142. Язык и межкультурная коммуникация: материалы 1-й межвузовской науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2004. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2004.
143. Языковая личность переводчика: коллектив. монография / отв. ред. Л. А. Нефедова; науч. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 2011. 420 с.
144. Якобсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Введение в языкознание: Хрестоматия / сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева и др. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 331–340.
145. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М. : Наука, 1981. 111 с.
146. Abby lingvo. Электронный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: lingvo.ru.
147. Adamska-Saaciak A. Examining Equivalence // International Journal of Lexicography. Vol. 23 (4). 2010. P. 387-409.
148. Barcroft J. Second Language Vocabulary Acquisition: A Lexical Input Processing Approach // Foreign Language Annals. Vol. 37 (2). 2004. P. 200–208.
149. Connor U. Contrastive Rhetoric. Cambridge University Press, 1999. 201 p.
150. Corcoran K., Mussweiler Th. Comparative Thinking Styles in Group and Person Perception: One Mechanism – Many Effects // Social and Personality Psychology Compass. Vol. 3 (3). 2009. P. 244–259.
151. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press, 1997. 488 p.
152. Dratva T., Buznová V. Slovenčina pre cudincod. Bratislava: Media Trade, 2002. 287 с.
153. Effects of the Second Language on the First / Edited by Vivian Cook. Multilingual Matters LTD. 2003. 268 p.
154. Frantzen D. Intrinsic and Extrinsic Factors that Contribute to the Difficulty of Learning False Cognates // Foreign Language Annals. № 2. 1998. P. 242–254.

155. Hönig H.G. Complexity, Contrastive Linguistics and Translator Training: Comments on Responses // *Current Issues in Language and Society*. № 4. 2010. P. 83–89.
156. Karjalainen A., Morton A. Contrastive Knowledge // *Philosophical Explorations*. Vol. 6 (2). 2003. P. 74–89.
157. Kupferberg I. The Cognitive Turn of Contrastive Analysis: Empirical Evidence // *Language Awareness*. № 8. 2010. P. 210–222.
158. Longman Dictionary of Contemporary English. M. : Рус. яз., 1992. 1229 с.
159. Morin R., Goebel J. Basic Vocabulary Instruction: Teaching Strategies or Teaching Words? // *Foreign Language Annals*. № 1. 2001. P. 8–17.
160. Morton A., Karjalainen A. Contrastivity and Indistinguishability // *Social Epistemology*. Vol. 22 (3). 2008. P. 271–280.
161. Nassaji H. The Relationship between Depth of Vocabulary Knowledge and L2 Learners' Lexical Inferencing Strategy Use and Success // *The Modern Language Journal*. Vol 90 (iii). 2006. P. 387–401.
162. Parkes G., Cornell A. German-English False Friends. Book 1. – Southampton: English Books, 1992. 103 p.
163. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. – London and New York, 1998. 530 p.
164. Siepmann D. Collocation, Colligation and Encoding Dictionaries. Part 2. Lexicographical Aspect [Электронный ресурс]. Режим доступа: ijl.oxfordjournals.org.
165. Shimohata S., Sugio T., Nagata J. Retrieving Domain-Specific Collocations by Co-Occurrences and Word Order Constraints // *Computational Intelligence*. Vol. 15 (2). 1999. P. 92–100.
166. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.
167. Xiang X. Contrastive Linguistics: History, Philosophy and Methodology // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 12 (3). 2009. P. 341–344.

Научное издание

Л. М. Малых

**Сравнение языков в синхронии:
теоретические и прикладные аспекты**

Монография

Оригинал-макет: А. О. Талашев

Подписано в печать 15.11.13.
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,85.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательство «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел. / факс: +7(3412)500-295. E-mail: editorial@udsu.ru

Л. М. Малых

**СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВ В СИНХРОНИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**